

ЛЕГЕНДЫ ХОРРОРА

КЛАЙВ БАРКЕР

СОТКАННЫЙ МИР

18+

Легенды хоррора

Клайв Баркер
Сотканный мир

«Издательство АСТ»

1987

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Баркер К.

Сотканный мир / К. Баркер — «Издательство АСТ»,
1987 — (Легенды хоррора)

ISBN 978-5-17-146603-9

Когда-то на Земле жили ясновидцы, владеющий магией народ, что был древнее людей. Но более ста лет назад они столкнулись с жуткой и неодолимой силой, которая решила их всех уничтожить. Чтобы спрятаться от нее, они соткали прекрасный ковер, который благодаря их искусству скрыл в себе и самих ясновидцев, и целую новую реальность, получившую название Фуга. Долгие годы тайны этого ковра оберегали хранители из людей. Но последняя из них умерла, не успев подготовить преемника. И теперь за обладание целым миром начинают бороться сразу несколько сторон: внучка хранительницы Сюзанна, которая чувствовала притяжение Фуги, даже не зная о ней; ее друг Кэлхоун Муни, простой клерк, который видит в Фуге воплощение своей мечты; могущественная ведьма Иммаколата, когда-то изгнанная ясновидцами и теперь любой ценой желающая отомстить им. Ее ярость так велика, что она даже не боится привлечь внимание того самого чудовища, из-за которого все и началось. Но оно придет, и тогда в опасности уже будет не только Фуга, но и все остальное на Земле.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-146603-9

© Баркер К., 1987

© Издательство АСТ, 1987

Содержание

Предисловие	7
Книга первая	10
Часть первая	10
I	10
II	13
III	14
IV	21
V	23
VI	29
Часть вторая	34
I	34
II	40
III	44
IV	46
V	52
VI	56
VII	60
VIII	64
IX	68
X	71
Часть третья	75
I	75
II	76
III	81
IV	87
V	91
VI	96
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Клайв Баркер Сотканный мир

Clive Barker

WEAVEWORLD

Copyright © Clive Barker 1987

Introduction copyright © Clive Barker 1996

© Елена Королева, перевод, 2022

© Сергей Неживясов, иллюстрация, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Клайв Баркер – величайший визионер нашего времени. Он не только знает наши самые жуткие страхи, ему ведомо то, что нас увлекает, то, что нас возбуждает. Его книги завораживающие, странные и прекрасные.

Квентин Тарантино

Изумительно переданный мир, в котором Баркер абсолютно все – даже борьбу микроскопических существ на персидском ковре – описывает реалистично, убедительно и увлекательно.

Tor

Самый амбициозный и визионерский роман ужасов целого десятилетия.

Kirkus Reviews

* * *

Посвящается Д. Аж. Д.

*У души имеется родина,
это царство значений вещей.*

Антуан де Сент-Экзюпери.

Цитадель

Предисловие

Помню окно в фермерском доме в Северном Уэльсе, у которого был подоконник из побеленного камня, такой глубокий, что я до шести лет умещался на нем целиком и сидел, подтянув колени к подбородку. Из этого потаенного места мне открывался вид на яблоневый сад за домом. В то время сад казался мне большим, хотя, оглядываясь назад, я понимаю, что там было не больше двадцати деревьев. В жаркие дни после полудня фермерские кошки, утомленные ночной охотой, приходили туда подремать, а я высматривал в высокой траве яйца, оставленные заблудившимися курами. За садом была невысокая стена, поросшая старым мхом, за стеной – широкий колышущийся луг, где паслись овцы, и совсем уже вдалеке таинственно синело море.

Понятия не имею, несколько эти воспоминания соответствуют действительности. С той поры, когда я мог поместиться в оконной нише, прошло почти сорок лет. Фотографии, сделанные моими родителями в то далекое лето, все еще смотрят с ветхих страниц их фотоальбома, но они маленькие, черно-белые и не всегда четкие. Есть даже пара снимков со спящими кошками. Но нет ни сада, ни стены, ни луга. И окна, на котором я сидел, тоже нет.

Возможно, на самом деле не так уж важно, верны ли мои воспоминания; важно то, как сильно они меня трогают. Я до сих пор вижу это место во сне, а когда просыпаюсь, явственно помню каждую деталь. Запах ночника, который мать ставила на комод в моей спальне, тени под деревьями, тепло и тяжесть яйца, найденного в траве и доставленного на кухню, словно драгоценное сокровище. Эти сны представляют все доказательства, которые мне нужны. Я уже был там однажды, безгранично счастливый. И я верю, что окажусь там снова, хотя не могу объяснить, каким образом.

Того фермерского дома больше нет, кошки умерли, сад выкорчевали. Но я все равно попаду туда.

* * *

Если вы уже прочитали книгу, то уловили сходство ее идей с этим отрывком автобиографии. Да, конечно, в романе говорится и о магии, и о пустых обещаниях, и об ангельском суде, однако суть истории в том, что герои вспоминают – или не могут вспомнить – увиденный мельком рай.

Вот, например, Муни, наш герой:

«И только когда в разгар очередного безотрадного дня какая-то мелочь, какой-то запах или звук напоминали ему о том, что он бывал в ином мире, дышал его воздухом, встречался с живущими там созданиями, – тогда Кэл признавал, насколько призрачны его воспоминания. И чем упорнее он пытался вспомнить забытое, тем увереннее оно ускользало от него.

Чудеса Фуги стали пустыми словами, реальностью, куда он больше не имел доступа. Он думал о фруктовом саде, и с каждым разом ему представлялось все более и более прозаическое место, где он ночевал (где он спал, и ему снилось, что его нынешняя жизнь – это всего лишь сон), с еще более прозаическими яблоневыми деревьями...

Наверное, вот так человек умирает, думал он, теряет все, что ему дорого, и не может предотвратить потерю».

Этот роман – не просто о бегстве в Эдем. Он о том, как знание об Эдеме ускользает от нас, и о том, какие средства мы изобретаем, чтобы удержать его. Мне кажется, подобное переживают все повсеместно, именно поэтому книга продолжает находить своих читателей. Недавно

я предпринял шестинедельную поездку по стране в поддержку нового романа и, подписывая книги, заметил, что люди приносят потрепанные, но горячо любимые томики «Сотканного мира». Несколько раз мне говорили, что книга помогла преодолеть очень тяжелые периоды жизни.

Для автора нет ничего более радостного, чем надписывать свою книгу, обросшую историей: побывавшую у друзей, падавшую в ванну, испачканную пролитым кофе и пожелтевшую от солнца. У меня в библиотеке есть очень старые издания – Мелвилла, По, Блейка, – которые я обожаю, хотя их внешний вид делается все хуже. Я знаю, как можно сродниться с книгой, чьи пятна и потертости стали знаками вашей общей истории. Что может быть прекраснее такого союза формы и содержания, чем роман о воспоминаниях, вроде «Сотканного мира», отмеченный следами пережитых вместе с ним событий?

* * *

Книга вышла в 1987 году, как и первый фильм «Восставший из ада», и представляла собой значительное отступление от запредельного ужаса, с которым мое имя ассоциировалось на тот момент. Критики заявляли, что я отказываюсь от стиля, что мое воображение слишком мрачно для того жанра, в котором я пытаюсь писать, и что лучше бы мне оставаться в нише «хоррора». Однако реакция читателей, включая и любителей моих ранних работ, была на удивление положительной. Книга прекрасно продавалась и продолжает продаваться до сих пор, теперь уже на разных языках. Благодаря ей родились другие произведения искусств, созданные читателями, пожелавшими рассказать историю по-своему: картины, стихи, музыка и даже опера, которую собирались ставить в Париже. Я пришел к выводу, что жуть, привнесенная мной в сюжет, вовсе не создает сложностей, а, наоборот, способствует достижению цели. Конечно, в книге есть магия и красочные фантазии. Однако Фуге – волшебным небесам из романа – грозит безвозвратная гибель, и силы, что надвигаются на нее, это вовсе не дешевые страшилки. Это извечная человеческая жестокость и извечное человеческое отчаяние.

* * *

Конечно, сказки о потерянном рае лежат в основе нашей культуры; ведь все мы изгнаны из некоего благословенного места.

Что же это за место? Память о состоянии полного довольства, оставшаяся от того времени, когда мы считали себя цельными, поскольку еще не сознавали факта своего физического отделения от матери? Или же религиозные представления, слишком глубоко засевшие в наших клетках и потому не поддающиеся интеллектуальному исследованию, изучающему наши связи с планетой, с животным миром, со светилами? Может быть, это вера? Или же благословенная уверенность?

Разумеется, рассказчику нет необходимости знать ответы на все поставленные вопросы. От него требуется лишь заинтересованность, чтобы их задавать. «Сотканный мир» полон неразгаданных загадок. Отчего Иммаколата так сильно ненавидит ясновидцев? Существо из Пустой четверти – это ангел или же нет? И если сад из песка, где он несет свою безумную вахту, не является райским садом, откуда тогда взялись ясновидцы? Конечно, разгадки можно было бы отыскать и записать, но я уверен, что они поставили бы новые вопросы, а ответы, в свою очередь, породили еще вопросы. Так что при всем масштабе и разветвленности сюжета в романе нет попыток заполнить все пробелы придуманной истории. «Ничто нигде не начинается», – говорится в первой фразе. Подобные фразы есть во множестве уже написанных историй, и их напишут еще не раз. Меня не раз просили сочинить продолжение, но я не стану этого делать. История не завершена, но я сказал все, что мог.

Это не значит, что мое отношение к роману не меняется. За прошедшие десять лет я переживал периоды, когда он совершенно переставал мне нравиться. Временами меня даже раздражало, что книга в таком почете у читателей, хотя существуют и другие, гораздо более интересные работы. И вот когда мое раздражение достигало верхней точки, я опрометчиво начинал осуждать фантастическую литературу в целом. Я поносил ее за элементы эскапизма, выделяя склонность фантастов доносить до читателя социальные, моральные и даже философские выкладки за счет прославления добродетелей героев. Я делал это из искреннего желания защитить любимый жанр от обвинений в тривиальности и банальности, однако мое рвение увело меня в сторону. Да, сюжеты фэнтези замысловато вплетаются в ткань повседневной жизни, преподнося самые важные идеи в иносказательной форме. Но эти книги хотя бы на время выводят читателей за рамки нашего обыденного «я», освобождают от мира, который ранит и разочаровывает нас, позволяют побродить там, где живет магия и возможно перерождение. Хотя в своих последних работах я все больше сосредоточиваюсь на реальности, которая причиняет боль и разочаровывает, как читатель я заново открыл для себя радости бесстыдного эскапизма: рассказы лорда Дансени, ранние произведения Йейтса, живопись Сэмюэля Палмера и Эрнста Фукса.

Однако автор, написавший «Сотканный мир», исчез. Я не потерял веру в очарование фэнтези, но в той книге есть беззаботная сладостность, больше (по крайней мере, в настоящий момент) не присущая моему перу. Должно быть, наступило другое время года, а «Сотканный мир» был написан ароматной весной. Возможно, придет новая весна. Но те нежные выдумки очень далеки от человека, пишущего сейчас эти слова.

Может быть, именно поэтому сегодня утром, садясь за работу, я вспомнил подоконник в Северном Уэльсе, и сад, и стену, и луг. Они так же далеки, но одновременно – как томик «Сотканного мира» у меня на столе – всегда со мной; они часть моего прошлого и настоящего.

«То, что можно вообразить, никогда не умрет» – так говорится в книге сказок, которую Мими Лашенски оставляет на сохранение своей внучке. Эта книга становится убежищем еще до того, как заканчивается роман, – местом, где находит приют уязвимое волшебство. Так внешняя и внутренняя книги, книга сказок и история Фуги, сливаются в одну идею. Ту самую бесценную идею, что приводит читателей с затертыми томиками романа за автографом к автору, а меня возвращает к воспоминаниям о подоконнике и саде за ним, и я делюсь ими с вами. Такая простая мысль, но она до сих пор кажется мне чудесной: в словах мы можем сохранить дорогие нам образы и мысли. И не только сохранить, но и передать дальше.

Предаваться мечтам в одиночестве, конечно, здорово; однако мечтать в компании, по моему, несоизмеримо приятнее.

Клайв Баркер

Книга первая В Королевстве чокнутых

Часть первая Безумное далёко

*Всё я, однако, всечасно крушась и печалюсь,
Желаю дом свой увидеть и – сладостный день
возвращения встретить.*

Гомер. Одиссея¹

I Путь домой

1

Ничто нигде не начинается.

Не существует никакого первого мгновения, ни единого слова или места, с которого начинается та или иная история.

Всегда можно вернуться к какой-то более ранней легенде и к предшествовавшим ей рассказам, хотя связь между ними истончается, как только голос рассказчика умолкает, ибо каждое новое поколение желает, чтобы легенда была создана именно им.

Так язычники становятся святыми, трагедия превращается в фарс, великая любовь скукоживается до сентиментальности, а демоны вырождаются до заводных игрушек.

Ничто не привязано к месту. Туда-сюда ходит челнок, факты и фантазии, дела и домыслы сплетаются в узоры, у которых общее только одно: то, что таится внутри них. Та самая филигрань, что со временем превратится в целый мир.

* * *

Должно быть, место, откуда мы начинаем, выбирается случайно.

Где-то между полузабытым прошлым и едва забрезжившим будущим.

* * *

Хотя бы вот такое место.

Этот сад, за которым никто не ухаживает уже три месяца после смерти хозяйки, зарастающий неукротимыми сорняками под спящим глаза ярким августовским небом. Несобран-

¹ Перевод В. Жуковского.

ные фрукты остались на ветках, цветочные бордюры буйно разрослись за лето, пока проливные дожди сменялись знойными днями.

Этот дом, похожий на десятки соседних домов, выстроенный так близко к железнодорожным путям, что во время прохождения почтового поезда Ливерпуль – Кру на подоконнике в столовой подсакивают фарфоровые собачки.

И этот молодой человек, который сейчас выходит из задней двери и направляется по заросшей дорожке к ветхой постройке, откуда доносится приветственное воркование и хлопанье крыльев.

Его имя – Кэлхун Муни, но все зовут его Кэл. Ему двадцать шесть лет, он пять лет проработал в страховой компании в центре города. Работа не приносит ему удовольствия, но уехать из города, где он прожил всю свою жизнь, кажется невозможным, особенно после смерти матери. Наверное, по этой причине на его приятном лице застыло выражение усталости.

Он приближается к голубятне, открывает дверь, и в этот миг – не найдя более подходящего времени – история начинает свой полет.

2

Кэл несколько раз говорил отцу, что дверь голубятни снизу подгнила. Это лишь вопрос времени, когда она сгниет окончательно и откроет обитающим вдоль железнодорожных путей громадным крысам доступ к голубям. Но после смерти Эйлин Брендан Муни очень мало интересовался, если вообще интересовался, своими призовыми птицами. И это несмотря на то – а может быть, как раз потому, – что птицы были его непреодолимой страстью, пока жена была жива. Кэл не раз слышал, как мать жаловалась, что Брендан больше времени проводит со своими драгоценными голубями, чем бывает дома.

Теперь ей было бы не на что жаловаться: отец Кэла целыми днями просиживал у окна с видом на сад и наблюдал, как дикая растительность методично поглощает плоды трудов его жены. Он словно надеялся, что эта картина запустения подскажет ему способ забыть собственное горе. Однако, судя по всему, созерцание не принесло ему никакой практической пользы. Каждый раз, когда Кэл возвращался домой на Чериот-стрит (он собирался уехать оттуда навсегда еще пять лет назад, но теперь его обязывало возвращаться одиночество отца), ему казалось, что Брендан стал немного ниже ростом. Не сгорбился, а как-то ссохся, словно старался сделаться как можно менее заметным для мира, внезапно ставшего враждебным.

* * *

Пробормотав слова приветствия четырем десяткам голубей в голубятне, Кэл вошел внутрь и застал необычайное волнение. Почти все птицы метались взад-вперед в клетках, на грани истерики. Неужели в голубятню забрались крысы, подумал Кэл. Он огляделся в поисках следов, но не заметил ничего, способного вызвать подобное смятение.

Никогда еще он не видел птиц такими встревоженными. Добрых полминуты Кэл стоял озадаченный и наблюдал эту возню (от хлопанья крыльев голова шла кругом), прежде чем решил войти в самую большую клетку и вызволить из общей свалки призовых птиц, пока они не покалечились.

Он отодвинул щеколду, приоткрыл клетку на два-три дюйма, и тут один из чемпионов прошлого года, обычно очень спокойный голубь под номером тридцать три (все они были пронумерованы), устремился к щели. Пораженный стремительностью птицы, Кэл не удержал дверь. В считанные секунды между тем мгновением, когда пальцы соскользнули со щеколды, и следующим, когда он снова ухватился за нее, Тридцать третий оказался снаружи.

– Чтоб тебя! – выкрикнул Кэл, проклиная разом и птицу, и себя, поскольку дверь голубятни он тоже оставил приоткрытой. Тридцать третий, совершенно не подозревающий, какой бедой может обернуться для него эта выходка, ринулся на свободу.

Пока Кэл запирает клетку, птица успела вылететь через входную дверь. Кэл, спотыкаясь, бросился в погоню, но, когда он оказался на улице, Тридцать третий уже хлопал крыльями над садом. Голубь сделал над крышей три расширявшихся круга, словно ориентировался в пространстве. Затем он, кажется, определил, где находится его цель, и полетел в направлении на северо-северо-запад.

Внимание Кэла привлек какой-то стук. Он оглянулся и увидел, что отец стоит у окна и что-то говорит ему. Уже много месяцев Кэл не наблюдал на изнуренном лице отца подобного оживления: похоже, побег голубя на время вывел его из уныния. Через мгновение Брендан уже стоял у задней двери и спрашивал, что случилось. Кэлу было некогда объяснять.

– Голубь улетел! – выкрикнул он.

И, не сводя глаз с неба, побежал по дорожке вдоль дома.

Когда он достиг парадной двери, голубь еще не пропал из виду. Кэл перепрыгнул изгородь и бегом пересек Чериот-стрит, твердо решив догнать птицу. Затея, как он прекрасно понимал, была безнадежная: при попутном ветре призовой голубь развивает скорость до семидесяти миль в час, и хотя Тридцать третий давно не участвовал в соревнованиях, он все равно с легкостью обгонит бегущего человека. Однако Кэл не мог вернуться к отцу, не попытавшись поймать беглеца, даже если попытка будет тщетной.

В конце улицы он потерял свою цель за крышами домов, поэтому поднялся на пешеходный мост через Вултон-роуд, перепрыгивая через три-четыре ступеньки. Наверху он был вознагражден за труды отличным видом. Город просматривался до Вултон-хилла на севере, до Оллертона и в сторону Хантс-кросс на востоке и юго-востоке. Ряд за рядом поднимались крыши домов, сверкающие под яростным солнцем знойного полдня, а размеренный «рыбий скелет» тесных улиц быстро уступал место широко раскинутым промышленным районам Спекы.

Кэл разглядел и голубя, хотя тот превратился в стремительно удаляющуюся точку.

Но это было уже неважно, потому что с возвышения стало видно, куда устремился Тридцать третий. Менее чем в двух милях от моста в воздухе кружило множество птиц, без сомнения, привлеченных большим количеством чего-то съедобного. Каждый год случался хотя бы один день, когда популяция муравьев или комаров внезапно резко увеличивалась и все птицы в городе объединялись, поедая насекомых. Чайки с болотистых берегов Мерси парили крыло к крылу с дроздами, галками и скворцами. Все радостно присоединялись к пиршеству, пока летнее солнце грело спины.

Этот призыв, без сомнения, и услышал Тридцать третий. Заскучавший на сбалансированной диете из кукурузного зерна и пелюшки, уставший от размеренного распорядка голубятни и предсказуемости каждого дня, голубь захотел на волю, в небеса. Денек полноценной жизни: пища, добытая с некоторым трудом, становится только вкуснее, вокруг – крылатые собратья. Все это, как в тумане, промелькнуло в сознании Кэла, пока он наблюдал за кружащей стаей.

Совершенно невозможно, понимал он, определить местоположение одной конкретной птицы среди мятежных тысяч. Остается надеяться, что Тридцать третий пресытится полетом, а потом сделает то, чему его учили, – вернется домой. Так или иначе, само по себе зрелище такого множества птиц странным образом завораживало. Кэл перешел мост и направился к эпицентру крылатого циклона.

II Преследователи

Женщина, стоявшая у окна отеля «Ганновер», отодвинула серую занавеску и посмотрела на улицу вниз.

– Возможно ли?.. – пробормотала она, обращаясь к теням, собравшимся в углу комнаты.

Ответа на ее вопрос не последовало, да в нем и не было нужды. Невероятно, но след совершенно точно вел сюда, в этот до предела измученный город, раскинувшийся вдоль реки. По реке некогда ходили корабли с рабами и хлопком, а теперь она с трудом влекла свои воды к морю. Сюда, в Ливерпуль.

– В таком месте... – произнесла женщина.

Внизу на улице поднялся небольшой пылевой вихрь, взметнувший в воздух какой-то старый мусор.

– А почему это тебя так удивляет? – спросил мужчина.

Он полулежал-полусидел на кровати, откинувшись на подушки всем своим внушительным телом и заложив руки за массивную голову. У него было широкое лицо, черты которого казались чересчур выразительными, как у актеров, играющих на публику и поднаторевших в дешевых эффектах. Из тысячи видов улыбок он отыскал ту, что наиболее подходила к его ослабленному состоянию, и проговорил:

– Они заставили нас хорошенько попотеть. Но мы почти у цели. Разве ты не чувствуешь? Я чувствую.

Женщина поглядела на него. Он снял пиджак – самый дорогой ее подарок – и перебросил через спинку стула. Рубашка под мышками промокла от пота, а лицо мужчины при дневном свете казалось навоженным. Несмотря на то что она в нем чувствовала – достаточно, чтобы опасаться холодного расчета с его стороны, – он был лишь человек и сегодня, в такую жару и с дороги, выглядел на все свои пятьдесят два. Пока они путешествовали вместе, преследуя Фугу, она отдавала ему свою силу, а он делился с ней знаниями и опытом жизни в этом мире – в Королевстве чокнутых, как семейства называли убогий мир людей, который она вынуждена терпеть ради осуществления мести.

Но совсем скоро погоня закончится. Шедуэлл – человек на кровати – получит в награду то, что они вот-вот настигнут, а женщина будет отомщена, когда эту добычу опорочат и продадут в рабство. После чего она с радостью оставит Королевство, чтобы оно и дальше влачило свое убогое существование.

Она опять сосредоточилась на улице вниз. Шедуэлл прав, их заставили хорошенько попотеть. Однако скоро все завершится.

Со своего места Шедуэлл отчетливо видел вырисовывающийся на фоне окна силуэт Иммаколаты. Не в первый раз он задумался над проблемой: как бы ему продать эту женщину. Разумеется, задача чисто теоретическая, но она требовала напряжения всех его способностей.

Он был торговцем. Продавать – это было его ремесло с самого раннего возраста. Больше, чем ремесло: его талант. Он гордился тем, что на свете нет ничего такого, живого или мертвого, для чего он не сумел бы найти покупателя. В свое время он продавал сахар-сырец, торговал по мелочи оружием, куклами, собаками, страховками от несчастного случая, индulgенциями и осветительными приборами. Он занимался контрабандой Лурдской воды и гашиша, для конспирации прикрываясь китайскими ширмами и патентованными лекарствами. Среди этого парада товаров, конечно же, случались подделки и фальсификации, но не было ничего – ничего! – такого, что он рано или поздно не сумел бы всучить покупателям либо уговорами, либо угрозами.

Однако она – Иммаколата, не совсем женщина, с которой в последние годы он делил всю свою жизнь наяву, – она, насколько он понимал, была не подвластна его дару торговца.

Во-первых, она была парадоксальна, а покупатели редко имеют вкус к подобным вещам. Они хотят то, что лишено какой-либо двусмысленности, простое и безопасное. А Иммаколата не была безопасной, о нет, совсем наоборот – с ее-то жуткими приступами ярости и еще более жуткими приступами восторга. И простой она не была. Ее сияющее красотой лицо, ее глаза, видевшие ход столетий и воспламеняющие кровь, ее смуглая оливковая еврейская кожа – за всем этим таились чувства, способные, если дать им волю, взорвать воздух.

Она слишком своеобразна, чтобы ее продать, заключил Шедуэлл уже не в первый раз и мысленно приказал себе оставить мысли об этом. Тут ему никогда не преуспеть, так зачем же даром ломать голову?

Иммаколата отвернулась от окна.

– Ты уже отдохнул? – спросила она.

– Ты сама хотела спрятаться от солнца, – напомнил Шедуэлл. – Я готов идти, когда скажешь. Хотя я понятия не имею, с чего нам начинать...

– Это не так уж сложно, – отозвалась Иммаколата. – Помнишь, что напрогорила моя сестра? События достигли переломного момента.

Когда она произнесла эти слова, тени в углу комнаты снова зашевелились и промелькнули эфирные юбки двух мертвых сестер Иммаколаты. Шедуэлл в их присутствии всегда чувствовал себя неуверенно, а они, со своей стороны, презирали его. Однако Старая Карга, ведьма, несомненно обладала даром предвидения. То, что она видела в отбросах своей сестры Магдалены, обычно сбывалось.

– Фуга не может скрываться и дальше, – сказала Иммаколата. – А как только она начнет двигаться, возникнут вибрации. Это неизбежно. Ведь столько жизни стиснуто в небольшом пространстве!

– А ты чувствуешь какую-нибудь из этих... вибраций? – спросил Шедуэлл, свешивая с кровати ноги и поднимаясь.

Иммаколата покачала головой:

– Нет. Пока еще нет. Но мы должны быть готовы.

Шедуэлл надел свой пиджак. Подкладка заискрилась, рассыпая по комнате лучи соблазна. В мгновенной яркой вспышке он успел заметить Магдалену и Каргу. Старуха прикрыла глаза рукой от света пиджака, опасаясь заключенной в нем силы. Магдалена не обратила внимания на искры – ее веки давным-давно приросли к глазницам, она была слепа от рождения.

– Когда движение начнется, потребуется час или два, чтобы точно определить местоположение, – сказала Иммаколата.

– Час? – переспросил Шедуэлл.

...погоня, приведшая их в конечном итоге сюда, сегодня казалась длинной, как целая жизнь...

– Час я могу подождать.

III

Кто сдвинул Землю?

Пока Кэл приближался к цели, птицы так и кружили над городом. Если одна улетала, на ее место тут же спешили три-четыре новых и присоединялись к стае.

Этот феномен не остался незамеченным. Люди стояли на мостовой и на ступеньках домов, прикрывали руками глаза от ослепительного блеска и вглядывались в небеса. Они обменивались мнениями о причинах подобного сборища. Кэл не стал останавливаться, чтобы пред-

ложить свою версию, а продолжил путь по лабиринту улиц. Время от времени ему приходилось возвращаться назад и искать другую дорогу, но с каждым шагом он приближался к эпицентру.

И когда он подошел, стало очевидно: его первоначальная догадка неверна. Птиц привлек не корм. Они не падали стремительно вниз, не ссорились из-за лакомства, в воздухе под ними не было вкусных насекомых. Птицы просто кружили. Те, что поменьше, воробьи и зяблики, уже устали от полета и расселись на крышах домов и на заборах, отделившись от более крупных собратьев – черных ворон, сорок и чаек, заполнивших небо.

Голубей здесь было предостаточно. Дикие сбивались в стаи по полсотни особей и кружили, отбрасывая мелькающие тени на крыши домов. Рядом с ними летали домашние птицы, явно сбежавшие на волю, как Тридцать третий. Канарейки и волнистые попугайчики оторвались от своего проса и колокольчиков, ведомые той же силой, что призвала сюда остальных. Для них пребывание здесь было равно самоубийству. Пока дикие птицы были поглощены происходящим ритуалом, они не обращали внимания на присоединившихся к ним домашних питомцев, но как только действие заклятия спадет, они растеряют свое благодушие. Они станут жестокими и стремительными. Они накинутся на канареек и волнистых попугайчиков, выклюют им глаза и растерзают за то, что те преступно позволили себя приручить.

Но сейчас птичий парламент был спокоен. Птицы поднимались все выше, выше и выше, заполняя весь небосклон.

Следуя за своей целью, Кэл оказался в той части города, куда редко заходил. Здесь простые дома без излишеств, составлявшие муниципальную собственность, уступали место жутковатым запущенным пустырям. Кое-где еще попадались некогда прекрасные трехэтажные дома с террасами, чудом избежавшие сноса, в окружении выровненных площадок. Как островки в море пыли, они дожидались так и не случившегося строительного бума.

Одна из здешних улиц – Рю-стрит, гласила надпись на табличке, – и являлась тем центром, вокруг которого собирались птицы. Вымотанных полетом пернатых здесь было гораздо больше, чем на прилегающих улицах; они щебетали и чистили перья, устроившись на карнизах, печных трубах и телевизионных антеннах.

Кэл внимательно смотрел в небеса и на крыши, шагая по Рю-стрит. И вот (один шанс из тысячи) он увидел свою птицу. Одинокий голубь рассекал стаю воробьев. Кэл долгие годы вглядывался в небо, дожидаясь летящих домой голубей, и приобрел орлиное зрение. Он мог узнать любую знакомую птицу по дюжине особенностей ее полета и теперь нашел Тридцать третьего, без сомнений. Но пока он смотрел, голубь исчез за крышами Рю-стрит.

Кэл снова пустился в погоню по узкому переулку, который почти посередине улицы вклинивался между домами с террасами и выводил в другой переулок, пошире, тянувшийся за рядом зданий. Место оказалось порядком запущенным. Всюду громоздились кучи мусора, одинокие урны были перевернуты, их содержимое разбросано вокруг.

В двадцати ярдах от того места, где находился Кэл, шла работа. Два грузчика выволакивали со двора за домом кресло, а третий стоял и глаzel на птиц. Несколько сотен пернатых слетелись в этот двор и расселись по стенам, оконным карнизам и перилам. Кэл прошел по переулку, высматривая голубей. Он заметил с дюжину или больше, но беглеца среди них не было.

– Что думаете по этому поводу?

Кэл был теперь в десяти ярдах от грузчиков, и один из них – тот, что стоял без дела, – обратился к нему с этим вопросом.

– Понятия не имею, – чистосердечно ответил Кэл.

– Может, они готовятся к отлету? – предположил младший из тех, что выносили мебель.

Он опустил на землю свою сторону кресла и уставился в небо.

– Не говори глупостей, Шейн, – отозвался его напарник, уроженец Западной Индии. Его имя было вышито на спине комбинезона – Гидеон. – С чего бы им улетать посреди клятого лета?

– Слишком жарко, – сказал третий. – Вот в чем причина. Слишком, черт побери, жарко. У них от жары мозги плавятся.

Гидеон тоже отпустил кресло и привалился к стене заднего двора, извлек из нагрудного кармана зажигалку и поднес к наполовину выкуренной сигарете.

– А неплохо быть птицей, – помечтал он вслух. – Пока тепло, болтаешься здесь, а как хвост подморозит, сваливаешь куда-нибудь на юг Франции.

– Птицы живут недолго, – заметил Кэл.

– Правда? – переспросил Гидеон, затягиваясь. Потом пожал плечами. – Недолго, зато весело. Меня вполне бы устроило.

Шейн дернул себя за редкие светлые щетинки над губой, которые, видимо, считал усами.

– А вы разбираетесь в птицах, да? – спросил он у Кэла.

– Только в голубях.

– Гоняете их, что ли?

– Время от времени...

– Мой зять держит гончих, – сообщил третий грузчик, стоявший без дела.

Он посмотрел на Кэла так, будто это совпадение было настоящим чудом, которое можно обсуждать часами. Но Кэлу пришел в голову только один вопрос:

– Собак?

– Точно, – подтвердил грузчик в восторге от того, что они понимают друг друга. – У него их пять. Правда, одна умерла.

– Жаль, – произнес Кэл.

– На самом деле не жаль. Она совсем ослепла на один глаз и ни черта не видела другим.

После этих слов грузчик радостно загоготал, и беседа зашла в тупик. Кэл снова сосредоточился на птицах и улыбнулся, разглядев на самом верхнем карнизе своего голубя.

– Я его вижу, – сказал он.

Гидеон проследил за его взглядом.

– Кого это?

– Моего голубя. Он прилетел сюда, – Кэл указал рукой. – Вон там. Посреди оконного карниза. Видите?

Теперь вверх смотрели все трое.

– Он дорогой? – спросил грузчик-бездельник.

– Тебе-то что за дело, Базо, – заметил Шейн.

– Просто спросил, – ответил Базо.

– Он завоевывал призы, – сообщил Кэл не без гордости.

Он не сводил глаз с Тридцать третьего, но голубь не выказывал желания куда-либо лететь, а просто чистил маховые перья и время от времени косился глазами-бусинками на небо.

– Сиди там, – вполголоса приказал ему Кэл, – не двигайся. – Затем обратился к Гидеону: – Ничего, если я войду в дом? Попробую его подманить?

– Да сколько угодно. Старушеницу, которая здесь жила, увезли в больницу. Мы забираем мебель в счет уплаты долгов.

Кэл вошел во двор, пробрался между кучами старого хлама, вынесенного из дома этой троицей, и шагнул в дверь.

Внутри была сплошная рухлядь. Если бывшая владелица дома и имела что-нибудь ценное, все давно уже вывезли. Оставшиеся на стенах картины ничего не стоили, ветхая мебель еще не настолько устарела, чтобы снова войти в моду, а древние ковры, подушки и занавески годились только для мусорного контейнера. Стены и потолок покрывали пятна копоти, образовавшейся за долгие годы. Источники этой копоти – свечи – стояли на всех шкафах и подоконнике, обросшие сталактитами желтого воска.

Кэл прошел через лабиринт тесных темных комнат и попал в коридор. Здесь было так же безрадостно. Коричневый линолеум вздыбился и потрескался, всюду стоял застарелый запах плесени, пыли и гниения. Хорошо, что хозяйку увезли из этого убогого места, подумал Кэл. Куда бы ее ни отправили, пусть и в больницу, там хотя бы простыни сухие.

Он двинулся по лестнице. Странное чувство охватило его, когда он поднимался в сумрак верхнего этажа, с каждой новой ступенькой видя все хуже и слушая звуки птичьей возни на шиферной крыше, а над ними – приглушенные крики чаек и ворон. Без сомнения, это было самовнушение, но Кэлу почудилось, что голоса птиц расходятся кругами над домом, словно именно он и привлекает их внимание. Перед его мысленным взором возникла картинка, фотография из журнала «Нэшнл джиографик»: звездное небо, снятое с огромной выдержкой. Звезды размером с булавочную головку описывали круги по небу – или лишь казалось, что они движутся, – вокруг Полярной звезды, небесного гвоздя, неподвижно торчавшего в середине.

От этого расходящегося кругами звука и вызванной им картинки у Кэла закружилась голова. Он внезапно ощутил слабость и даже испугался.

Сейчас не время раскисать, упрекнул он себя. Нужно подманить голубя, пока тот не улетел снова. Кэл прибавил шаг. На верхней площадке лестницы он обогнул несколько предметов мебели, вынесенной из спальни, и открыл наугад одну из дверей. Это оказалась не та комната – Тридцать третий сидел на карнизе в соседней. Сквозь занавески из окна лился солнечный свет, от изнурительной жары на лбу Кэла выступал пот. Из комнаты уже вынесли мебель, и на память от хозяйки остался лишь календарь за шестьдесят первый год. На нем была напечатана фотография льва под деревом: косматая монолитная голова покоилась на широких лапах, пристальный взгляд.

Кэл вышел обратно на лестничную площадку, открыл другую дверь и на этот раз попал туда, куда нужно. Там, за мутным стеклом, сидел голубь.

Теперь все зависело от правильного выбора тактики. Необходимо действовать осмотрительно, чтобы не спугнуть птицу. Кэл осторожно приблизился к окну. Тридцать третий, прильнув к окну, нагретому солнцем, вскинул голову и моргнул круглым глазом, но не двинулся с места. Кэл задержал дыхание и положил руки на раму, чтобы поднять окно, но оно не сдвинулось с места. Беглый осмотр объяснил почему: рама была намертво заколочена много лет назад. Не меньше дюжины гвоздей глубоко засели в древесине. Этот примитивный способ уберечься от воров, безусловно, добавлял уверенности одинокой пожилой женщине.

Внизу во дворе Кэл услышал голос Гидеона. Троица как раз вытаскивала из дома большой скатанный ковер, и Гидеон давал бестолковые указания.

– Заноси налево, Базо. Налево! Ты что, не знаешь, где лево?

– Я и иду налево.

– Да не на твое лево, идиот! Налево от меня.

Голубя на карнизе несколько не тревожил этот шум. Он выглядел совершенно счастливым на своем насесте.

Кэл снова вышел на лестницу и на ходу решил, что остается одно – влезть на стену во дворе и попытаться подманить голубя оттуда. Он мысленно выругал себя за то, что не насыпал в карман зерна. Придется обойтись ласковыми словами и посулами.

Когда он снова вышел во двор, раскаленный от солнца, грузчики благополучно вытащили ковер и теперь отдыхали после совершенного подвига.

– Не вышло? – поинтересовался Шейн при виде Кэла.

– Окно не открывается. Попробую достать его отсюда.

Он заметил неодобрительный взгляд Базо.

– Отсюда вам никак не достать эту сволочь, – заявил Базо, почесывая свое пивное брюшко между футболкой и ремнем.

– Постараюсь дотянуться со стены, – сказал Кэл.

- Вы уж поосторожнее... – сказал Гидеон.
- Спасибо.
- Так можно и шею сломать.

По щелям в осыпавшейся штукатурке Кэл забрался на восьмифутовую стену, отделявшую двор от соседнего.

Солнце припекало шею и макушку, и он снова ощутил головокружение, начавшееся на лестнице. Кэл оседлал стену, словно лошадь, и некоторое время привыкал к высоте. Этот настил был шириной в один кирпич – достаточно широко, чтобы пройти по нему ногами, но Кэл никогда не ладил с высотой.

- Судя по виду, отличная ручная работа, – донесся со двора голос Гидеона.

Кэл посмотрел вниз и увидел, что индеец сидит на корточках рядом с ковром, немного раскатав его, отчего стал виден затейливый узор.

Базо подошел к Гидеону и внимательно оглядел ковер. Кэл сверху заметил, что Базо лысеет и его волосы тщательно набриолинены и уложены, чтобы прикрыть плешь.

- Жалко, что он в плохом состоянии, – заметил Шейн.
- Придержи коней, – ответил Базо. – Давай-ка рассмотрим как следует.

Кэл вновь сосредоточился на проблеме перехода в вертикальное положение. Пусть ковер отвлечет грузчиков хотя бы на время, мысленно просил он, чтобы успеть подняться на ноги. Ничто не смягчало немилосердный жар солнца, ни единого дуновения ветерка. Кэл чувствовал, как ручейки пота стекают по груди, как прилипает к телу белье. Очень осторожно он начал вставать, уперся в стену одним коленом, обеими руками намертво вцепился в кирпичи.

Внизу раздались радостные возгласы, когда ковер раскатали побольше.

- Ты только глянь, какая работа, – говорил Гидеон.
- Ты думаешь о том же, что и я? – спросил Базо, понизив голос.
- Откуда я знаю, о чем ты думаешь, если ты мне не говоришь? – отозвался Гидеон.
- Скажем, если снести его в лавку Гилкрайста... Можно получить приличную цену.
- Шеф узнает, что ковер пропал, – возразил Шейн.
- Потихе, – Базо напомнил компаньонам о присутствии Кэла.

Но Кэл был слишком сосредоточен на своем нелепом хождении по канату, чтобы уличать кого-то в воровстве. Он сумел встать на стену обеими ногами и теперь готовился распрямиться во весь рост.

А во дворе продолжался разговор:

- Возьми-ка за тот край, Шейн, раскатаем его целиком...
- Как думаешь, он персидский?
- Не имею ни малейшего понятия.

Очень медленно Кэл встал, раскинув руки в стороны. Он старательно держал равновесие и отважился бросить быстрый взгляд на оконный карниз. Голубь все еще сидел там.

Снизу донесся шорох разворачиваемого ковра. Возгласы грузчиков перемежались словами восхищения.

Изо всех сил стараясь не отвлекаться на них, Кэл сделал первый неуверенный шаг по стене.

- Эй ты, – пробормотал он, обращаясь к птице, – помнишь меня?

Тридцать третий не обратил на него внимания. Кэл сделал следующий мелкий шаг, потом еще один, его уверенность крепла. Теперь он понял, как сохранить равновесие.

- Спустись ко мне, – лстиво произнес этот прозаический Ромео.
- Голубь, кажется, узнал голос хозяина и наклонил голову в сторону Кэла.
- Иди сюда, мальчик... – звал Кэл.

Он протянул руку к окну и одновременно отважился сделать еще шаг.

И в этот момент другая его нога соскользнула или же под каблуком раскрошился кирпич. Он услышал собственный испуганный крик, от которого сидевших на карнизе птиц охватила паника. Они вспорхнули и улетели, а хлопанье их крыльев стало насмешливыми аплодисментами Кэлу, размахивавшему руками на стене. Он перевел блуждающий от страха взгляд с собственных ног на двор внизу.

Нет, не на двор. Двора не было – Кэл увидел ковер. Ковер был полностью раскатан и заполнил собой двор от стены до стены.

То, что произошло дальше, промелькнуло за пару секунд, но либо разум Кэла был быстр как молния, либо время исчезло, потому что ему показалось, будто в его распоряжении все время на свете...

Этого времени хватило, чтобы разглядеть волнуемое хитросплетение узоров раскинувшегося внизу ковра, вселяющее трепет многообразие искусно вытканых деталей. От старости краски поблекли, пурпурный цвет стал розовым, а темно-синий – небесно-голубым, кое-где ковер был протерт до основы, но с того места, откуда смотрел Кэл, впечатление было ошеломляющее.

На каждом дюйме ковра были вытканы свои отдельные мотивы. Даже кайма состояла из разных узоров, немного отличавшихся друг от друга. Но впечатления чрезмерности не возникало, жадный взгляд Кэла явственно различал все фрагменты. Кое-где узоры соединялись и переплетались, а в другом месте разделялись, оставаясь рядом, как равные соперники. Одни держались внутри границ каймы, а другие выходили за нее, будто желая присоединиться к пиршеству красок в середине.

По всему полю ленты красок выписывали арабески на фоне знойных коричневых и зеленых оттенков. Формы, казавшиеся чистыми абстракциями – как страницы дневника безумца, – вытеснялись стилизованными флорой и фауной. Но это великолепие бледнело в сравнении с центральной частью ковра – гигантским медальоном, ярким, как летний сад. Там замысловато переплетались сотни мелких узоров, и глаз воспринимал их как цветы или формулы, упорядоченность или сумятицу, находя отголосок каждого мотива где-то в другой части грандиозного полотна.

Кэл охватил все это единым чудесным взглядом. Со второго взгляда видение стало меняться.

Краем глаза он заметил, что остальной мир – двор, грузчики, дома, стена, откуда он падал, – внезапно исчезли. Кэл повис в воздухе, и безбрежность раскинутого ковра, его поразительные узоры заполнили его разум.

Он увидел, что узоры движутся. Узлы дрожали, желая развязаться, цвета перетекали друг в друга, и из этого союза красок рождались новые мотивы.

Каким бы невероятным это ни казалось, ковер оживал.

Ландшафт рождался из утка и основы. Точнее, множество ландшафтов, нагроможденных в фантастическом беспорядке. Разве это не гора восстает из облака красок? А это разве не река? Разве он слышит не рев воды, которая пенится и падает в тенистое ущелье? Внизу раскинулся мир.

А Кэл вдруг сделался птицей, бескрылой птицей, замершей на один леденящий кровь миг в потоке упоительного воздуха, насыщенного сладкими ароматами. Одиноким свидетель чудя, дремлющего внизу.

С каждым ударом сердца глаза замечали все больше.

Озеро с мириадами островов, разбросанных по недвижной поверхности воды, как всплывшие на поверхность киты. Пестрое одеяло полей, чьи травы и злаки колыхались на том же ветру, на котором парил Кэл. Бархатистые леса взбирались по склонам гладкого холма, а на вершине его возвышалась сторожевая башня. Солнечный свет и тени облаков скользили по ее белым стенам.

По разным признакам это место было обитаемым, хотя людей Кэл нигде не заметил. Несколько домов виднелись у излучины реки, еще несколько замерли на краю утеса, искушая силу тяготения. Был здесь и город, похожий на кошмар архитектора: половина улиц безнадежно переплелись между собой, а другие заканчивались тупиками.

Столь же нарочитое пренебрежение к порядку Кэл замечал повсюду. Прохладные и жаркие области, плодородные и бесплодные земли сменялись наперекор всем законам, географическим и климатическим, словно все это создал некий бог, имевший слабость к противоречиям.

Как чудесно было бы погулять там, думал Кэл. В таком небольшом пространстве заключено такое разнообразие, что никогда не угадаешь, огонь или лед поджидает тебя за поворотом. Подобное многообразие выше понимания картографов. Быть там, в этом мире, значит переживать бесконечное приключение.

А в сердце этих ожидающих пробуждения земель размещалось, пожалуй, самое поразительное. Синевато-серое огромное облако, чья сердцевина пребывала в бесконечном движении, закручиваясь по спирали. Это зрелище напомнило Кэлу птиц, которые кружат над домом на Рю-стрит подобно громадному колесу небес.

Как только Кэл вспомнил об этом, он услышал крики птиц. В тот же миг ветер, поддувавший снизу и поддерживавший его, стих.

От ужаса у Кэла подвело живот: он сейчас упадет.

Крики сделались громче; птицы выражали восторг от его падения. Тот, кто узурпировал их стихию, кто сумел краем глаза узреть чудо, поплатится за это жизнью.

Он хотел закричать, но из-за скорости падения крик не успел сорваться с языка. Ветер ревел в ушах, дергал за волосы. Кэл попытался раскинуть руки, чтобы замедлить падение, но в итоге лишь перевернулся вверх тормашками, потом еще раз и еще, пока не перестал понимать, где небо, а где земля. И это уже милость, смутно подумалось ему. Он хотя бы не заметит приближения смерти. Будет просто кувыркаться и кувыркаться, пока мир не исчезнет.

Он пролетел сквозь тьму, не оживленную светом звезд, – голоса птиц все еще громко звучали у него в ушах – и сильно ударился о землю.

Было больно, и боль не проходила, что казалось странным. Ведь его всегда учили, что забвение лишено боли. И звуков. А здесь звучали голоса.

– Скажите что-нибудь, – требовал один голос. – Ну хотя бы «прощай».

Теперь послышался смех.

Кэл чуть приоткрыл глаза. Солнце светило ослепительно ярко, пока его не заслонил торс Гидеона.

– Вы ничего не сломали? – поинтересовался Гидеон. Кэл открыл глаза пошире. – Скажите что-нибудь, приятель.

Кэл приподнял голову и огляделся вокруг. Он лежал во дворе, на ковре.

– А что случилось?

– Вы свалились со стены, – ответил Шейн.

– Должно быть, оступились, – предположил Гидеон.

– Упал, – произнес Кэл. Он подтянулся и сел, чувствуя тошноту.

– Думаю, никаких серьезных повреждений у вас нет, – сказал Гидеон. – Несколько царапин, только и всего.

Кэл оглядел себя, убеждаясь в правоте грузчика. Он содрал кожу на правой руке от кисти до локтя и чувствовал слабость во всем теле от удара о землю, но никаких сильных болей не было. Единственное, что пострадало всерьез, – чувство собственного достоинства. Но от этого редко умирают.

Кэл поднялся на ноги, моргая и глядя в землю. Ковер прикинулся неживым. Никакой многозначительной дрожи в сплетении нитей, ни единого намека на скрытые высоты и глу-

бины. И ни малейшего признака того, что остальные видели эти чудеса. Ковер был тем, чем он был: обычным ковром.

Кэл заковылял к воротам, пробормотав Гидеону слова благодарности. Когда он уже выходил в переулок, Базо сказал:

– Ваша птица улетела.

Кэл коротко пожал плечами и двинулся дальше.

Что же он сейчас пережил? Галлюцинацию, вызванную жарой или слишком скудным завтраком? Если так, видение было пугающе реальным. Кэл посмотрел на птиц, по-прежнему круживших над его головой. Они чувствовали что-то в этом месте, потому и собрались здесь. Или у них та же галлюцинация, что и у Кэла.

Он подвел итоги: единственное, в чем он был уверен, это в своих синяках. А еще в том, что находится в двух милях от отцовского дома, в городе, где прожил всю жизнь. И его, как заблудившегося ребенка, охватила тоска по дому.

IV Контакт

Пересекая отрезок пышущей жаром мостовой между дверью отеля и стоящим в тени «мерседесом» Шедуэлла, Иммаколата внезапно вскрикнула. Она прижала руку к голове и уронила солнечные очки, которые всегда надевала в общественных местах Королевства.

Шедуэлл мгновенно выскочил из машины и распахнул дверцу, но его пассажирка отрицательно покачала головой.

– Слишком светло, – пробормотала она и неловко прошла через вращающуюся дверь обратно в вестибюль отеля.

Там было пусто. Шедуэлл поспешно последовал за ней и увидел, что Иммаколата отошла от двери подальше, насколько ее смогли донести ноги. Сестры-призраки охраняли ее, их присутствие искажало неподвижный воздух, но Шедуэлл не мог сдержаться и упустить такую возможность: под предлогом вполне оправданного беспокойства он протянул руку и коснулся женщины. Подобный контакт был проклятием для нее и радостью для него. Радость усиливалась тем, что была запретной, поэтому он использовал любую возможность выдать прикосновение за непредвиденную случайность.

Недовольство призраков холодило его кожу, однако Иммаколата могла сама отстоять свою неприкосновенность.

Она развернулась в ярости от его наглости. Шедуэлл тотчас отдернул ладонь от ее руки. Его пальцы покалывало. Он считал минуты до того мгновения, когда ему удастся поднести их к губам.

– Прости, – сказал он. – Я забеспокоился.

Раздался чей-то голос. Из своего угла вышел портье с экземпляром «Спортивной жизни» в руке.

– Могу я чем-нибудь помочь? – спросил он.

– Нет-нет, – ответил Шедуэлл.

Однако портье смотрел не на него, а на Иммаколату.

– У нее, случаем, не тепловой удар? – спросил он.

– Может быть, – отозвался Шедуэлл. – Благодарю вас за участие...

Иммаколата отошла к подножию лестницы, подальше от испытующего взгляда портье.

Портье пожал плечами и вернулся в свое кресло. Шедуэлл подошел к Иммаколате. Она отыскала тень, или это тень нашла ее.

– Что случилось? – спросил он. – Просто из-за солнца?

Она не взглянула на него, но снизошла до разговора.

– Я почувствовала Фугу, – произнесла она так тихо, что ему пришлось задержать дыхание, чтобы услышать. – И кое-что еще.

Шедуэлл ждал продолжения, но его не последовало. Когда он уже был готов нарушить молчание, она снова заговорила:

– Где-то в глубине горла... – она глотнула, словно пыталась избавиться от чего-то горького. – Бич-Бич?

Неужели он правильно услышал ее? Иммаколата почувствовала его сомнения или сама разделяла их, потому что прибавила:

– Он был здесь, Шедуэлл.

При этих словах всего ее выдающегося умения владеть собой оказалось недостаточно, чтобы скрыть дрожь в голосе.

– Наверняка ты ошибаешься.

Она чуть заметно покачала головой.

– Он погиб и канул в прошлое, – сказал он.

Ее лицо казалось высеченным из камня. Двигались только губы, и Шедуэлл тосковал по ним, несмотря на то, что они изрекали.

– Такая сила не умирает, – проговорила она. – Она не может умереть до конца. Она дремлет. Она выжидает.

– Но чего? И зачем?

– Наверное, чтобы Фуга проснулась, – ответила она.

Ее глаза потеряли свой золотой цвет, сделались серебристыми. Капли менструума², словно мерцающие в солнечном луче пылинки, падали с ее ресниц и испарялись. Шедуэлл никогда прежде не видел Иммаколату такой – она была близка к тому, чтобы выдать свои чувства. Зрелище ее уязвимости невероятно возбудило его. Член затвердел до боли. Однако она, судя по всему, оставалась равнодушна к его желанию или предпочитала ничего не замечать. Магдалена, слепая сестра, не была столь безучастной. Она, насколько знал Шедуэлл, жадно интересовалась теми субстанциями, какие проливают мужчины, и использовала их в своих жутких целях. Вот и сейчас ее силуэт, прилипший к углублению в стене, с головы до пят был воплощением этой жадности.

– Я видела пустыню, – произнесла Иммаколата, отвлекая внимание Шедуэлла от движений Магдалены. – Яркое солнце. Жуткое солнце. Самое пустое место на свете.

– Там сейчас находится Бич?

Она кивнула:

– Он спит. Думаю... он забыл, кто он такой.

– Значит, так оно и будет дальше, – сказал Шедуэлл. – Кому, скажи на милость, придет в голову его будить?

Но эти слова не убедили даже его самого.

– Послушай, – продолжил он, – мы отыщем и продадим Фугу раньше, чем он успеет перевернуться на другой бок. Мы зашли слишком далеко, чтобы теперь остановиться.

Иммаколата ничего не ответила. Ее глаза все еще были сосредоточены на том, что она видела, или ощущала, или то и другое разом минуту назад.

Шедуэлл очень смутно понимал, какие силы здесь действуют. В конце концов, он всего лишь чокнутый, его человеческий кругозор ограничен. Сейчас он был этим даже доволен.

Зато одно он отлично понимал. Фуга оставляет следы из легенд. За долгие годы поисков он познакомился с множеством способов, какими она давала о себе знать – от колыбельной песни до предсмертной исповеди, – и давно оставил попытки отделить факты от фантазий. Значение имело только то, что множество людей, в том числе очень могущественных, мечтали

² Менструум (в алхимии) – универсальный растворитель.

о таком месте, молились о нем, в большинстве случаев не подозревая, что оно реально существует или некогда существовало. Если выставить эту мечту на торги, она принесет огромную прибыль. Никогда на свете не было и не будет подобного аукциона! Они не могут теперь все бросить. Только не из страха перед чем-то затерявшимся во времени и заснувшим.

– Он знает, Шедуэлл, – сказала Иммаколата. – Даже во сне он знает.

Если бы он вдруг нашел доводы, способные рассеять ее страхи, она все равно отнеслась бы к ним с презрением. Поэтому Шедуэлл воззвал к ее прагматизму.

– Чем быстрее мы найдем ковер и избавимся от него, тем лучше будет нам всем, – проговорил он.

Эти слова отвлекли внимание Иммаколаты от видения пустыни.

– Кажется, надо выждать еще немного, – произнесла она и впервые с той минуты, когда они вышли на улицу, подняла на своего спутника мерцающий взор. – И тогда мы отправимся на поиски.

Все следы менструума внезапно исчезли. Момент сомнения прошел, вернулась прежняя уверенность. Она будет идти по следу Фуги до самого конца, как они и планировали. Никакие слухи, даже о Биче, не заставят ее свернуть.

– Мы потеряем след, если не поторопимся.

– Сомневаюсь, – сказала она. – Мы подождем. Подождем, пока спадет жар.

Ага, так вот как его накажут за злонамеренное прикосновение. Насмешливое замечание относилось к жару, охватившему его, а не к жару на улице. Ему придется дожидаться ее соизволения, как он уже дожидался раньше, молча снося экзекуцию. И не только потому, что одна лишь Иммаколата могла выследить Фугу по вибрациям ее сотканной жизни, но и потому, что провести лишний час в ее обществе, купаясь в аромате ее дыхания, – желанная и счастливая мука.

Для Шедуэлла это был ритуал преступления и наказания, поддерживавший его эрекцию весь оставшийся день.

Для нее же сила его желания оставалась предметом насмешливого любопытства. В конце концов печь остывает, если не добавлять в нее дров. Даже звезды угасают через тысячелетия. Однако похоть чокнутых, как и многие другие свойства их племени, опровергала все правила. Чем меньше ее поощряли, тем жарче она разгоралась.

V

Перед наступлением тьмы

1

Наверное, Сюзанна видела свою бабушку по материнской линии не более десяти раз. В раннем детстве, прежде чем девочка научилась как следует говорить, ей внушили, что доверять бабушке не следует, хотя причины, по ее воспоминаниям, никто не объяснял. Внушение, однако, подействовало. Когда же Сюзанна выросла – сейчас ей было двадцать четыре, – она научилась критически относиться к предрассудкам родителей и стала подозревать, что их предубеждения относительно бабушки были совершенно иррациональными. Но она не смогла до конца забыть мифы, сопровождавшие образ Мими Лашенски.

Само это имя было камнем преткновения: для ребенка оно звучало как сказочное проклятие. И в самом деле, многие черты пожилой дамы подкрепляли зловещие фантазии. В памяти Сюзанны Мими осталась невысокой, с желтоватой кожей и черными волосами (судя по всему, крашеными), туго зачесанными назад над едва ли способным улыбаться лицом. Наверное, у Мими были причины для вечной скорби. Ее первый муж – кажется, цирковой артист

– бесследно пропал перед Первой мировой войной. Если верить семейным сплетням, он бежал как раз из-за того, что Мими – злая ведьма. Второй супруг, дедушка Сюзанны, погиб от рака легких в начале сороковых, докурившись до смерти. С тех пор бабушка жила в эксцентрическом уединении, чуждая детям и внукам, в собственном доме в Ливерпуле. В доме, куда Сюзанна должна была явиться с запоздалым визитом, выполняя загадочную просьбу Мими.

Пока Сюзанна ехала на север, она перебирала воспоминания о Мими и ее доме. Особняк был значительно больше и гораздо темнее дома родителей в Бристоле. В последний раз его ремонтировали в допотопные времена. Заплесневелый дом, дом в трауре. Чем больше Сюзанна вспоминала, тем мрачнее она становилась.

В книге ее внутренних переживаний эта поездка к Мими была обозначена как возвращение в болото детства, напоминание не о благословенных беззаботных годах, а о тревожном замутненном состоянии, от которого ее освободило взросление. И Ливерпуль был центром того состояния: город вечных сумерек, где воздух пах холодным дымом и еще более холодной рекой. Когда Сюзанна вспоминала об этом, она снова становилась ребенком, который боится собственных снов.

Разумеется, она отбросила все это много лет назад. Теперь она другая: прекрасная, уверенная в себе женщина за рулем собственной машины, ее лицо освещено солнцем. Какую власть имеют над ней прежние страхи? Однако по дороге Сюзанна поймала себя на мысли, что цепляется за достижения своей нынешней жизни, как за талисманы, способные уберечь ее от этого города.

Она подумала о своей лондонской студии и о вазах, которые обожжет и покроет глазурью, когда – совсем скоро – вернется туда. Вспомнила Финнегана, с которым флиртowała за ужином два дня назад. Подумала о своих друзьях, простых надежных людях: каждому из них она не задумываясь доверила бы свою жизнь и здоровье. Вооружившись таким количеством ясности, она, без сомнения, сумеет пройти по темным дорожкам своего детства и не испачкаться. Ее путь широк и светел.

Но воспоминания все-таки не утратили силы.

Среди них были знакомые образы Мими и ее дома, но одно из видений явилось из какой-то потайной ниши памяти. Оно пряталось там, невидимое, с того самого дня, когда Сюзанна заперла его там.

Этот эпизод вспомнился не так, как остальные, фрагмент за фрагментом. Он всплыл весь разом, в ошеломительных подробностях...

Сюзанне было шесть лет. Они с матерью находились в доме Мими, стоял ноябрь – кажется, там всегда ноябрь? – промозглый и холодный. Один из редких визитов к бабушке. Обязанность, от которой вечно отлынивал отец.

Сейчас Сюзанна ясно видела Мими, сидящую в кресле у камина, не нагревавшего даже копыт на решетке. Лицо бабушки, унылое на грани трагизма, было бледным от пудры, брови тщательно выщипаны, глаза сверкали в тусклом свете, проникающем сквозь кружевную занавеску.

Мими заговорила, и ее негромкий голос заглушил собой рев автострады.

– Сюзанна! – Она услышала оклик из прошлого. – У меня для тебя подарок.

Сердце девочки дрогнуло и громко застучало где-то в животе.

– Скажи «спасибо», Сьюзи, – приказала мать.

Она послушалась.

– Он наверху, – продолжала Мими, – у меня в спальне. Ты можешь сама пойти и взять его, правда? Он завернут в бумагу и лежит на дне шкафа.

– Ступай, Сьюзи.

Она ощутила на плече руку матери, подтолкнувшую ее к двери.

– Поторопись.

Сюзанна поглядела на мать, затем на Мими. Ни от одной из них она не дожидется снисхождения, они отправят ее вверх по лестнице, и никакой протест не разжалобит их. Сюзанна вышла из комнаты. Лестница вздымалась перед ней горой, а тьма на верхней площадке вызывала ужас. Ни в одном другом доме она не испытывала такого страха. Но здесь был дом Мими, и темнота в нем – темнота Мими.

Цепляясь за перила, Сюзанна пошла вверх по лестнице. Она была уверена, что нечто кошмарное поджидает ее на каждой ступеньке. Но ей удалось добраться до самого верха, ее никто не сожрал, и она благополучно пересекла лестничную площадку перед спальней бабушки.

Занавески были чуть приоткрыты, из-за них проникал серый тусклый свет. На каминной полке тикали часы – в четыре раза медленнее пульса девочки. Со стены над часами глядел на кровать с высоким изголовьем овальный портрет: фотография человека в застегнутом под самое горло сюртуке. А слева от камина, по другую сторону ковра, заглушавшего шаги, стоял шкаф раза в два выше Сюзанны.

Она быстро подошла к нему, полная решимости – раз уж добралась до комнаты – сделать дело и бежать, пока тиканье часов не проникло в ее сердце и не замедлило его биение до полной остановки.

Сюзанна подошла к шкафу, повернула холодную ручку. Дверь немного приоткрылась. Изнутри пахло нафталином, обувной кожей и лавандовой водой. Не обращая внимания на висящие в сумраке платья, Сюзанна пошарила рукой между коробок и бумажных свертков на дне шкафа в надежде нащупать подарок.

В спешке она широко распахнула дверцу – и какое-то создание с дикими глазами выпрыгнуло на нее из темноты. Девочка закричала. Тварь передразнила ее, испустив такой же крик ей в лицо. Сюзанна помчалась к двери, споткнувшись во время бегства о ковер, и скатилась вниз по лестнице. Мать стояла в прихожей...

– В чем дело, Сьюзи?

Сюзанна не могла выговорить ни слова. Молча она бросилась к матери – хотя та, как обычно, немного поколебалась, прежде чем обнять дочь, – и пробормотала, рыдая, что хочет домой. Ничто не могло ее успокоить, даже когда Мими сходила наверх, вернулась и стала что-то объяснять про зеркало в дверце шкафа.

Вскоре они покинули дом. Насколько Сюзанна могла вспомнить, она больше никогда не бывала в спальне Мими. Что касается подарка, о нем никто не вспоминал.

Это был только костяк воспоминания, но его облекали в плоть и оживляли запахи, звуки, оттенки света. Переживание, вдруг вернувшееся к жизни, обладало бóльшим весом, чем события более свежие и, как казалось, более значимые. Сюзанна совершенно забыла – и вряд ли вспомнит – лицо того парня, кому она подарила свою невинность, но до сих пор явственно ощущала запах шкафа Мими, словно он все еще заполнял ее легкие.

Память – странная штука.

Такая же странная, как письмо, заставившее ее отправиться в путешествие.

Это была первая весточка от бабушки за все прошедшие годы. Одного этого хватило бы, чтобы оставить студию и поехать. Однако содержание письма, неразборчиво накарябанного на почтовой бумаге, заставило Сюзанну еще сильнее поторопиться. Она выехала из Лондона сразу после того, как получила письмо, как будто знала и любила написавшую его женщину целую вечность.

«Сюзанна», – начиналось письмо. Никакого «дорогая» или «милая». Просто:

Сюзанна!

Прости за почерк. В данный момент я больна. Бывает, что мне совсем плохо, а иногда получше. Кто знает, как я почувствую себя завтра?

Поэтому я и пишу тебе, Сюзанна. Я боюсь того, что может произойти.

Не могла бы ты приехать ко мне домой? Мне кажется, нам нужно многое сказать друг другу. О том, о чем я не хотела говорить, но теперь просто обязана.

Я знаю, все это звучит для тебя нелепо, но я не могу говорить яснее в письме. Тому есть весомые причины.

Прошу тебя, приезжай. Все вышло не так, как я думала. Мы поговорим, как должны были поговорить еще много лет назад.

С наилучшими пожеланиями,

Мими

Письмо бабушки походило на летнее озеро. Поверхность гладкая и ровная, но что внизу? Какая тьма? «Все вышло не так, как я думала», – написала Мими. Что она имела в виду? Что жизнь проходит слишком быстро и в солнечной юности нет ни намека на то, как горько быть смертным?

Письмо пришло с задержкой, его передавали по разным почтовым отделениям больше недели. Когда Сюзанна получила его, она позвонила Мими домой, но услышала только гудки. Оставив свои незаконченные вазы, Сюзанна упаковала чемодан и отправилась на север.

2

Она приехала прямо на Рю-стрит, но восемнадцатый дом стоял пустой. В шестнадцатом тоже никого не было, зато в следующем цветущая женщина по имени Виолетта Памфри смогла кое-что объяснить. Мими сильно заболела несколько дней назад и сейчас находится в больнице «Сефтон дженерал». Она при смерти. Ее кредиторы, в числе которых газовая и электрическая компании, а также городской совет, не считая дюжины поставщиков еды и питья, немедленно явились с требованиями возместить убытки.

– Они налетели, как стервятники, – сказала миссис Памфри, – хотя она еще не умерла. Стыд и срам. Явились и забрали все, на что сумели наложить лапу. Конечно, она трудный человек... Ничего, что я так откровенно об этом говорю, милочка? Ведь так оно и было. Большую часть времени она сидела взаперти в своем доме. Прямо как в какой-то крепости. Вот потому-то они и выжидали, понимаешь? Момент, когда ее здесь не будет. Если бы они попытались проникнуть в дом при ней, до сих пор топтались бы под дверью.

«Забрали ли они шкаф?» – рассеянно подумала Сюзанна.

Она поблагодарила миссис Памфри за помощь, вернулась еще раз взглянуть на дом номер восемнадцать (его крыша была так усеяна белым птичьим пометом, словно там разыгралась снежная буря), а затем поехала в больницу.

3

Медсестра весьма посредственно изображала сочувствие.

– Боюсь, миссис Лашенски очень серьезно больна. Вы ее близкая родственница?

– Внучка. Кто-нибудь ее навещал?

– Насколько мне известно, нет. Хотя это и не имеет значения. У нее был обширный инфаркт, мисс...

– Пэрриш. Сюзанна Пэрриш.

– Ваша бабушка по большей части находится без сознания. Мне очень жаль.

– Ясно.

– Так что, пожалуйста, не ждите от встречи слишком многого.

Сестра провела Сюзанну по короткому коридору в палату. Там стояла такая тишина, что можно было бы слышать, как осыпаются цветочные лепестки, вот только не было цветов. Сюзанна уже видела палаты для умирающих: ее мать и отец скончались три года назад, с разницей в полгода. Сюзанна узнала и запах, и эту тишину, едва переступила порог.

– Сегодня она еще не приходила в себя, – сказала сестра, отступая назад и пропуская внучку Мими к кровати.

Сначала Сюзанна подумала, что произошла чудовищная ошибка. Это не может быть Мими. Несчастная женщина на постели была слишком хрупкой, слишком бледной. Сюзанна собиралась высказать свою мысль вслух, но вдруг осознала: она сама ошиблась. Волосы больной так поредели, что между ними просвечивала кожа черепа, а кожа на лице сморщилась, как мокрый муслин; тем не менее это была Мими. Обессиленная, доведенная некой дисфункцией нервов и мышц до непривычной пассивности, но все-таки Мими.

Слезы душили Сюзанну, когда она смотрела на бабушку. Мими укутали в одеяло, как младенца, но она спала в ожидании не нового дня, а бесконечной ночи. Она была такой порывистой, такой решительной. Теперь вся сила ушла из нее. Ушла навсегда.

– Я оставляю вас пока наедине, – произнесла сестра и удалилась.

Сюзанна прижала руку ко лбу, стараясь сдержать слезы.

Когда она снова посмотрела на бабушку, пронизанные голубыми жилками веки старой женщины затрепетали и открылись.

Сначала казалось, что глаза Мими смотрят на что-то за спиной Сюзанны. Затем взгляд бабушки сосредоточился, и Сюзанна поняла: он остался точно таким же пронзительным, каким она его помнила.

Мими раскрыла рот. Губы ее пересохли от жара. Она провела по ним языком. Глубоко потрясенная Сюзанна приблизилась к кровати.

– Привет, – произнесла она негромко. – Это я, Сюзанна.

Глаза старухи смотрели ей прямо в глаза. «Я знаю, кто ты», – говорил этот взгляд.

– Хочешь воды?

Тонкая морщинка прорезала лоб Мими.

– Воды? – повторила Сюзанна, и снова тоненькие морщинки появились на лбу, как ответ.

Они поняли друг друга.

Сюзанна налила в пластиковый стаканчик немного воды из стоявшего на столике кувшина и поднесла питье к губам Мими. Когда она сделала это, Мими оторвала руку от хрустящей простыни и коснулась руки внучки. Прикосновение было легким, как перышко, но от него по всему телу Сюзанны прошла такая дрожь, что она едва не выронила стаканчик.

Дыхание Мими вдруг сделалось неровным, лицо стало кривиться и подергиваться, рот силился выговорить что-то. В глазах блестели слезы бессилия. Ей удалось издать единственный горловой звук.

– Все хорошо, – произнесла Сюзанна.

Одного взгляда на пергаментное лицо хватило, чтобы получить опровержение.

«Нет, – говорили глаза, – все нехорошо, все совсем не хорошо. Смерть поджидает у дверей, а я даже не могу выразить то, что чувствую».

– В чем дело? – шепотом спросила Сюзанна, наклоняясь к подушке. Пальцы бабушки еще дрожали у нее на руке. От этого прикосновения кожу покалывало, живот крутило. – Как мне тебе помочь?

Вопрос был не самый удачный, но она действовала наугад.

Глаза Мими на мгновение закрылись, а морщина на лбу сделалась резче. Похоже, она оставила попытки выразить мысль словами. Возможно, оставила навсегда.

Но вдруг – Сюзанна даже вскрикнула от неожиданности – пальцы Мими, лежавшие на ее руке, скользнули к запястью. Хватка усилилась до боли. Сюзанна могла бы высвободиться, но

не стала. Тонкая смесь запахов заполнила ее мозг: пыль, оберточная бумага, лаванда. Бабушкин шкаф, конечно же, это запах ее шкафа. И вместе с узнаванием пришла уверенность: Мими каким-то образом проникла в голову Сюзанны и оставила там этот запах.

Последовало мгновение паники, инстинктивное желание защитить свою независимость. Но паника отступила перед видением.

Что именно она увидела, Сюзанна не совсем поняла. Какой-то узор, орнамент, он растворялся и изменялся сам собой, снова и снова. Наверное, узор был цветным, но краски так расплывались, что она не могла сказать наверняка. Расплывчатыми были и образы, мелькавшие в том калейдоскопе.

Узоры, как и запахи, были навеяны Мими. Хотя рассудок протестовал, Сюзанна в этом не сомневалась. Внушенный образ был жизненно важен для старой женщины, и она собрала остатки своей воли до последней капли, чтобы Сюзанна увидела его мысленным взором.

Но она не успела повнимательнее рассмотреть видение.

У нее за спиной ахнула сестра:

– О боже!

Ее голос нарушил чары Мими, узоры рассыпались вихрем лепестков и исчезли. Сюзанна смотрела в лицо бабушки, их взгляды встретились еще на мгновение, прежде чем больная потеряла контроль над своим немощным телом. Рука соскользнула с запястья Сюзанны, глаза нелепо блуждали по сторонам, темная слюна текла из угла рта.

– Вам лучше подождать снаружи, – сказала сестра и подошла ближе, чтобы нажать на кнопку звонка рядом с кроватью.

Сюзанна попятилась к двери, потрясенная видом задыхающейся и хрипящей бабушки. Появилась вторая медсестра.

– Вызови доктора Чей, – сказала первая. Затем снова обратилась к Сюзанне: – Прошу вас, подождите в коридоре.

Сюзанна послушалась. Ей и правда нечего было делать в палате, разве что мешать профессионалам. В вестибюле оказалось многолюдно, и ей пришлось отойти от двери палаты метров на двадцать, чтобы найти место и прийти в себя.

Ее мысли походили на слепых бегунов, они бешено металась по сторонам, не приходя к финишу. Снова и снова она вспоминала спальню Мими на Рю-стрит, шкаф, возвышавшийся над ней, как укоряющее привидение. Что же бабушка хотела сказать этим запахом лаванды? И как она сумела устроить невероятный сеанс передачи мыслей? Неужели она всегда обладала этим даром? Если так, какие еще силы заключены в ней?

– Вы Сюзанна Пэрриш?

По крайней мере на этот вопрос Сюзанна могла ответить:

– Да.

– Я доктор Чей.

Лицо напротив нее было круглым, как лепешка, и столь же пресным.

– Ваша бабушка, миссис Лашенски...

– Да?

– Произошли серьезные перемены в состоянии ее здоровья. Вы ее единственная родственница?

– В этой стране – да. Мои родители уже умерли. У нее еще есть сын, он в Канаде.

– Вы могли бы связаться с ним?

– У меня нет с собой номера его телефона... но я могу узнать.

– Полагаю, его следует поставить в известность, – произнес доктор Чей.

– Да, разумеется, – кивнула Сюзанна. – А что мне... То есть не могли бы вы сказать, сколько она еще проживет?

Доктор вздохнул.

– Сложно предсказать, – сказал он. – Когда она поступила к нам, я был уверен, что ей не пережить и ночи. Но она продержалась. А потом еще одну ночь. И еще. Она все еще держится. Ее выносливость просто поразительна, – он помолчал, пристально глядя на Сюзанну. – Я почему-то уверен, что она дожидалась вас.

– Меня?

– Мне кажется, да. Ваше имя было единственным разборчивым словом, которое она проносила с момента поступления в больницу. Думаю, она хотела продержаться, пока вы не приедете.

– Понятно, – отозвалась Сюзанна.

– Должно быть, вы ей очень дороги, – продолжал доктор. – Хорошо, что вы повидались. Знаете, здесь умирает множество пожилых людей, и кажется, никому нет до них дела. Где вы остановились?

– Я еще не придумала. Наверное, найду гостиницу.

– Может быть, вы дадите нам номер телефона, чтобы в случае чего мы могли с вами связаться?

– Конечно.

Доктор кивнул и оставил Сюзанну наедине с ее слепо мечущимися мыслями. Этот разговор не помог задать им нужное направление.

Мими Лашенски не любила внучку, доктор Чей ошибался. Как она могла ее любить? Мими ничего не знала о том, как живет Сюзанна, они были друг для друга закрытыми книгами. Однако кое-что из слов доктора было похоже на правду. Возможно, Мими действительно ждала и боролась из последних сил, пока дочь ее дочери не подошла к ее постели.

Но ради чего? Чтобы взять Сюзанну за руку и выплеснуть последние капли энергии, показывая ей какой-то гобелен? Прекрасный подарок, но он значит либо слишком много, либо слишком мало. Так или иначе, Сюзанна не понимала его смысла.

Она вернулась в пятую палату. Там сидела дежурная сестра, а старуха лежала на своей подушке неподвижно, как камень. Глаза закрыты, руки вытянуты вдоль тела. Сюзанна вглядывалась в ее лицо, снова безвольно сморщившееся. Это лицо ничего не могло ей поведать.

Сюзанна взяла руку бабушки и на мгновение сжала, затем выпустила. Я вернусь на Рю-стрит, решила Сюзанна. Вдруг пребывание в доме оживит какое-нибудь воспоминание?

Она долго старалась забыть свое детство. Заталкивала его туда, откуда оно уже никак не сможет дурачить с таким трудом добытую взрослость. И вот теперь, когда все ящики заколочены, что она обнаруживает? Тайну, бросающую вызов ее взрослому «я», уговаривающую вернуться в прошлое и отыскать разгадку.

Сюзанна вспомнила лицо в зеркале шкафа, заставившее ее зарыдать и убежать вниз по лестнице.

Оно все еще там? Это до сих пор ее лицо?

VI Безумный Мун

1

Кэл был напуган, как не пугался ни разу в жизни. Он сидел у себя в комнате за запертой дверью и дрожал от страха.

Дрожь напала на него через несколько минут после случившегося на Рю-стрит. С тех пор прошли сутки, но дрожь не унималась. Время от времени руки начинали трястись так сильно, что Кэл с трудом удерживал стакан виски, который нянчил ночь напролет без сна. А порой он

стучал зубами. Но большая часть дрожи не выходила наружу, она была внутри. Как будто в животе его поселились голуби и хлопали там крыльями по внутренностям.

А все потому, что он увидел чудо и понял всем своим существом: его жизнь уже никогда не будет такой, как прежде. Разве это возможно? Он же забрался на небо и смотрел вниз на тайную страну, о которой мечтал с самого детства.

Он рос замкнутым ребенком – и по собственному выбору, и по обстоятельствам. Счастлив он бывал лишь тогда, когда мог выпустить на свободу воображение и позволить ему идти куда глаза глядят. Для таких путешествий требовалось совсем немного. Когда он оглядывался назад, ему казалось, что половину школьных лет он провел, глаза в окно, пока поэтическая строчка, смысл которой он не вполне понимал, или отдаленное приглушенное пение уносили его в мир более красочный и широкий, чем здешний. Запахи того мира приносил странно теплый для декабря ветер, тамошние обитатели платили Кэлу дань, оставляя подношения в ногах постели, и он видел их во сне.

Однако, несмотря на близкое знакомство с тем миром и спокойствие, каким от него веяло, его природа и местоположение оставались неясными. И хотя Кэл прочитал все доступные ему книги, уводившие в некие удивительные земли, он неизменно возвращался из этих путешествий разочарованным. Они слишком идеальны, эти королевства для детишек: сплошной приторный мед и вечное лето.

Он знал, настоящая Страна чудес не такая. В ней столько же тени, сколько солнца, а ее тайны можно разгадать, лишь применив все свои способности, когда твои мозги готовы лопнуть от натуги.

Теперь его била дрожь, потому что именно так он себя и чувствовал. Как человек, чья голова вот-вот разорвется на части.

2

Он встал рано, спустился вниз, приготовил себе яичницу и сэндвич с беконом, а потом сидел над завтраком, не ощущая никакого желания есть, пока наверху не проснулся отец. Кэл быстро позвонил в свою контору и сказал Уиллоксу, что заболел и сегодня на работу не выйдет. То же самое он сообщил Брендану – тот как раз умывался и не мог увидеть из-за двери серого встревоженного лица сына. Затем, покончив с обязанностями, Кэл вернулся к себе в комнату и сел на кровать, чтобы заново обдумать события на Рю-стрит в надежде, что вчерашняя загадка в итоге разъяснится.

Ничего из этого не вышло. Как только он мысленно возвращался к недавним событиям, они ускользали от рационального объяснения. Оставалось только острое как бритва воспоминание о пережитом опыте, а вместе с ним – болезненная тоска.

Он знал: все, о чем он мечтал, было заключено в том месте. Все, во что его отучали верить, все чудеса, все загадки, все голубые тени и благоуханные призраки. Все, что знал голубь, все, что знал ветер, все, чем владели когда-то люди, да теперь позабыли, – все ожидало Кэла в том месте. Он видел это собственными глазами.

Отчего, возможно, сошел с ума.

А как еще объяснить такую галлюцинацию, сложную и полную деталей? Да, он сошел с ума. Почему бы нет? У них в роду были психи. Отец его отца, Безумный Муни, под конец жизни спятил, как мартовский заяц. Старик, по словам Брендана, был поэтом, хотя на Чериот-стрит о нем предпочитали не говорить. «Прекрати болтать чепуху», – заявляла Эйлин, когда Брендан поминал старика. Кэл так и не понял, на что именно был наложен запрет – на поэзию, на безумие или на все ирландское. Как бы то ни было, отец нарушал этот запрет, стоило жене отвернуться, потому что Брендан обожал Безумного Муни и его стихи. Кэл даже выучил

несколько строк со слов отца. И вот теперь он продолжил семейную традицию: его посещают видения, и он рыдает над своим виски.

Вопрос в том, говорить об этом или промолчать. Рассказать о том, что видел, рискуя вызвать смех и косые взгляды, или же сохранить все в тайне. Часть существа Кэла нестерпимо хотела все рассказать, выплеснуть на других (хотя бы на Брендана) и посмотреть, что они будут делать. Но другая часть твердила: спокойно, будь осторожен. Страна чудес приходит не к тем, кто о ней болтает, а к тем, кто умеет держать язык за зубами и ждать. Так он и делал. Сидел, трясся и ждал.

3

Страна чудес не появилась, зато появилась Джеральдин, и у нее не было настроения проникаться безумными бреднями. Внизу в прихожей раздался ее голос, затем голос Брендана: Кэл болен и не хочет, чтобы его тревожили, сказал он, – а Джеральдин ответила, что увидит Кэла, болен тот или нет, и через мгновение уже стояла под его дверью.

– Кэл?

Она подергала ручку, обнаружила, что дверь заперта, и заколотила в нее:

– Кэл? Это я. Проснись!

Он прикинулся, будто туго соображает, чему помог и заплетавшийся от выпитого виски язык.

– Кто это? – переспросил он.

– Почему ты запер дверь? Это я, Джеральдин.

– Я не очень хорошо себя чувствую.

– Впусти меня, Кэл.

Он знал: когда Джеральдин в таком настроении, спорить с ней бесполезно, и повернул ключ.

– Ты жутко выглядишь, – сказала она. Голос ее смягчился, едва она взглянула на него. – Что с тобой стряслось?

– Со мной все в порядке, – запротестовал он. – Правда. Я просто упал.

– Почему ты мне не позвонил? Я вчера весь вечер тебя прождала на репетиции свадьбы. Ты что, забыл?

В следующую субботу сестра Джеральдин, Тереза, собиралась выйти замуж за любовь всей ее жизни – доброго католика, чья способность к продолжению рода не вызывала ни малейшего сомнения: его возлюбленная была уже на четвертом месяце. Однако ее выпирающий живот не испортит предстоящего торжества, свадьба будет грандиозная. Кэл, встречавшийся с Джеральдин два года, был почетным гостем. Возлагались большие надежды на то, что он следующий, кто обменяется клятвами верности с одной из четырех дочерей Нормана Келлуэя. И если он пропустит репетицию, это непременно воспримут как мелкую ересь.

– Я же напоминала тебе, Кэл, – упрекнула Джеральдин. – Ты же знаешь, как это важно для меня.

– Со мной произошла небольшая неприятность, – сказал он. – Я упал со стены.

Она смотрела недоверчиво.

– А с чего ты залез на стену? – спросила она, как будто в его возрасте он должен давно позабыть подобные глупости.

Он вкратце рассказал ей о бегстве Тридцать третьего и о том, как он оказался на Рюстрит. Это, конечно, был сильно сокращенный рассказ. В нем не упоминалось о ковре и о том, что Кэл на нем увидел.

– Ты нашел голубя? – поинтересовалась Джеральдин, когда он пересказал все этапы погони.

– Можно и так сказать, – ответил он.

На самом деле, когда он пришел на Чериот-стрит, Брендан сообщил ему, что Тридцать третий вернулся после обеда и теперь водворен в клетку к своей пестрой подружке. Это Кэл и рассказал Джеральдин.

– Значит, ты пропустил репетицию, потому что искал голубя, который и сам мог вернуться домой? – спросила она.

Кэл кивнул.

– Ты же знаешь, как отец любит птиц, – сказал он.

Упоминание о Брендане смягчило Джеральдин: они стали друзьями с той минуты, когда Кэл их познакомил. «Она светится! – сказал тогда отец. – Держись за нее, не то уведут». Эйлин не была в этом уверена. Она всегда держалась с девушкой прохладно, отчего Брендан еще щедрее расточал похвалы.

Джеральдин улыбнулась нежно и снисходительно. Кэл очень не хотел впускать ее в комнату, его мечтательный настрой был разрушен, но внезапно он ощутил благодарность за компанию. Даже дрожь немного стихла.

– Здесь ужасно душно, – сказала она. – Тебе нужен свежий воздух. Почему ты не откроешь окно?

Кэл сделал так, как она предлагала. Когда он развернулся, Джеральдин уже сидела на его кровати, скрестив ноги и опершись спиной на коллаж из картинок. Кэл сделал его в ранней юности, а родители так и оставили висеть. «Стена плача» называла этот коллаж Джеральдин: парад кинозвезд, ядерных взрывов, политиков и свиней.

– Платье получилось прекрасное, – сообщила она.

Кэл задумался над этой ремаркой; голова соображала туго.

– Платье Терезы, – подсказала Джеральдин.

– А.

– Иди сюда, Кэл. Сядь.

Он стоял у окна. Благоуханный чистый воздух напомнил ему...

– Что случилось? – спросила она.

Слова были готовы сорваться с губ. «Я видел Страну чудес», – хотел сказать Кэл. В общем, так оно и было. Сопутствующие обстоятельства, подробности – все это не имело значения. Четыре главных слова произнести нетрудно, правда? «Я видел Страну чудес». Если в его жизни и есть кто-то, кому он должен поведать о случившемся, то это как раз Джеральдин.

– Расскажи мне, Кэл, – попросила она. – Ты болен?

Он покачал головой.

– Я видел... – начал он.

Она смотрела на него в полном недоумении.

– Что? – спросила она. – Что ты видел?

– Я видел... – снова начал он, и снова ничего не вышло. Язык не слушался его, слова не выговаривались. Кэл перевел взгляд с лица Джеральдин на «Стену плача».

– Эти картинки, – произнес он наконец, – они просто уродские.

Странная эйфория охватила его: он был так близок к признанию, но все-таки сдержался. Та часть его существа, которая хотела уберечь увиденное в тайне, в этот миг выиграла сражение, а может быть, и всю войну. Он не мог открыться Джеральдин. Ни сейчас, ни потом. Он почувствовал огромное облегчение, когда наконец принял это решение.

«Я Безумный Муни», – подумал он, и мысль не показалась ему ужасной.

– Ты уже выглядишь получше, – заметила Джеральдин. – Должно быть, свежий воздух помог.

4

Чему же он мог научиться у покойного поэта теперь, когда они сделались родственниками по духу? Что бы сделал Безумный Муни на месте Кэла?

Ответ пришел сам собой: он бы следовал правилам игры, а потом, когда мир повернулся бы к нему спиной, начал поиски. Он бы искал до тех пор, пока не нашел свою цель, и нисколько не беспокоился бы о том, что эти поиски ведут к безумию. Он бы отыскал свою мечту, крепко вцепился в нее и никогда уже не отпускал.

* * *

Они еще немного поболтали, а потом Джеральдин объявила, что ей пора идти. Сегодня днем надо сделать еще много всего, связанного со свадьбой.

– Больше никакой беготни за голубями, – велела она Кэлу. – Я хочу, чтобы в субботу ты был там.

Она обняла его.

– Ты такой худой. Придется мне тебя откормить.

«Сейчас она ждет, что ты ее поцелуешь, – шепнул Кэлу в ухо безумный поэт, – сделай леди одолжение. Мы же не хотим, чтобы она подумала, будто ты потерял интерес к спариванию из-за того, что почти поднялся на небеса и свалился обратно. Поцелуй ее и скажи что-нибудь подобающее такому случаю».

Поцелуй более-менее удался. Кэл беспокоился, как бы Джеральдин не заметила, что он действует по чужой подсказке, но все обошлось. Она щедро ответила на его ложную страсть, прижавшись к нему всем телом, теплым и упругим.

«Готово, – сказал поэт. – А теперь найди какие-нибудь воодушевляющие слова, и пусть она уйдет восвояси счастливой».

И тут уверенность оставила Кэла. Он никогда не умел вести любовные разговоры.

– Увидимся в субботу, – вот и все, что он смог сказать. Но Джеральдин, кажется, это вполне удовлетворило. Она еще раз поцеловала его и ушла.

Он смотрел из окна и считал ее шаги, пока она не завернула за угол. А когда возлюбленная скрылась из виду, Кэл отправился на поиски своей заветной мечты.

Часть вторая

Рождения, смерти и женитьбы

*Ах! Полночь языком своим железным
Двенадцать отсчитала. Спать скорее!
Влюбленные, настал волшебный час.*

Шекспир. Сон в летнюю ночь³

I

Огни в пиджаке

1

День, в который вышел Кэл, был сырым и душным. Лето уже готовилось уступить свое место осени. Даже ветер казался усталым, и его усталость была заразна. Когда Кэл наконец добрался до квартала, где располагалась Рю-стрит, он чувствовал, что его ноги в ботинках распухли, так же как и мозги.

В довершение страданий он никак не мог найти чертову улицу. Накануне он шел к тому дому, не сводя глаз с птиц и не глядя на дорогу, поэтому у него осталось весьма смутное впечатление об окружающей местности. Осознав, что так можно бродить часами и не найти нужную улицу, Кэл спросил дорогу у компании шестилеток, игравших в войну на углу. Его уверенно отправили в противоположном направлении. Однако – то ли по злему умыслу, то ли по незнанию – этот путь оказался явно неправильным. Кэл понял, что ходит кругами, и его отчаяние усилилось.

Оставалось надеяться только на шестое чувство – некий инстинкт, который должен привести его прямо в страну грез. Но, судя по всему, в данный момент это чувство отлучилось.

И лишь везение, исключительно везение привело его в итоге на угол Рю-стрит к дому, некогда принадлежавшему Мими Лашенски.

2

Сюзанна потратила утро на то, что пообещала доктору Чею: она пыталась отыскать в Торонто дядю Чарли. Дело оказалось не из легких. Во-первых, в небольшом отеле, где она остановилась накануне вечером, имелся лишь один общий телефон, и другие постояльцы хотели добраться до него не меньше Сюзанны. Во-вторых, ей пришлось обзвонить нескольких друзей семьи, прежде чем она нашла телефонный номер дяди Чарльза. Все это заняло большую часть утра. Когда она связалась с Чарли, было уже около часа. Единственный сын Мими воспринял известие без малейшего удивления. Он не сказал, что сейчас же бросит работу и примчится к постели матери, а только вежливо попросил Сюзанну позвонить ему, когда будут новости.

³ Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Надо полагать, он хотел узнать, когда придет время прислать венки. Удивительная сыновья любовь!

Поговорив с дядей, Сюзанна позвонила в больницу. Состояние больной не изменилось. Она «держится», сказала дежурная медсестра. От этих слов в воображении возник странный образ бабушки в виде альпиниста, вцепившегося в отвесную скалу. Сюзанна воспользовалась возможностью и спросила о личных вещах Мими. Ей ответили, что та поступила в больницу в одной ночной рубашке. Скорее всего, «стервятники», о которых говорила миссис Памфри, уже успели вынести из дома все ценное, включая шкаф, однако Сюзанна все равно решила заехать туда. Вдруг удастся спасти что-нибудь такое, что хоть немного скрасит последние дни Мими.

Недалеко от гостиницы Сюзанна нашла итальянский ресторан, пообедала и поехала на Рю-стрит.

3

Уходя, грузчики прикрыли за собой ведущие во двор ворота, но не заперли их на засов. Кэл распахнул створку и шагнул во двор.

Если он надеялся на какое-то откровение, то его ждало разочарование. Он не увидел ничего примечательного. Лишь иссушенные сорняки, пробивавшиеся между булыжниками, да разбросанный хлам, который грузчики сочли ничего не стоящим. Даже тени, где могло бы затаиться блаженство, были пусты и лишены таинственности.

Кэл остановился посреди двора, где ему открылись все переворачивающие сознание тайны, и в первый раз по-настоящему усомнился: а было ли в действительности то, что случилось вчера?

Возможно, что-нибудь найдется внутри дома, сказал он себе. Какой-нибудь обломок кораблекрушения, за который он сумеет уцепиться в этом море сомнений.

Кэл пересек двор, где недавно лежал ковер, и подошел к задней двери. Грузчики оставили ее незапертой, или же замок сломали хулиганы. Как бы то ни было, дверь была приоткрыта. Кэл переступил порог.

Тени здесь были гуще, и хотя бы оставалось место для тайны. Кэл подождал, пока глаза привыкнут к сумраку. Неужели он был здесь всего лишь сутки назад, думал Кэл, окидывая пристальным взглядом мрачный интерьер дома. Неужели всего лишь вчера он вошел в этот дом, не имея иных намерений, кроме как поймать улетевшую птицу? Сегодня он хотел найти гораздо больше.

Он миновал прихожую, высматривая повсюду хотя бы намек на то, что пережил накануне. С каждым шагом он ощущал, как рассеиваются надежды. Теней здесь было предостаточно, но в них ничего не таилось. Это место уже показало все свои чудеса. Они ушли вместе с ковром.

На середине ведущей наверх лестницы Кэл остановился. Какой смысл идти дальше? Совершенно очевидно – он упустил свой шанс. Если ему суждено узреть снова то видение, промелькнувшее и исчезнувшее, надо искать в каком-то другом месте. Тем не менее из чистого упрямства (одна из характерных черт Эйлин) он продолжил подъем.

На верхней площадке было так душно, что каждый вдох давался с большим трудом. Из-за этого, а еще из-за того, что он ощущал себя злоумышленником, незваным гостем в чужой гробнице, Кэл хотел поскорее убедиться, что это место лишилось своей магии, и уйти.

Когда он подошел к двери первой спальни, за его спиной что-то шевельнулось. Он обернулся. Грузчики свалили там в кучу различную мебель, а потом, очевидно, решили, что не стоит потеть, стаскивая рухлядь вниз. Комод, несколько стульев и столов. Звук донесся из-за этой свалки. И теперь повторился снова.

Кэл подумал о крысах: звук был такой, словно его производили нескольких пар шустрых лап. Живи сам и дай жить другим, подумал Кэл: у него не больше прав находиться здесь, чем

у них. Может быть, даже меньше. Крысы, наверное, обитали в доме на протяжении многих крысиных поколений.

Кэл вернулся к прерванному делу, толкнул дверь и вошел в первую комнату. Окна были грязные, заляпанные кружевные занавески еще плотнее закрывали поток дневного света. На голых досках лежало перевернутое кресло, кто-то выставил на каминную полку три непарные туфли. И больше ничего.

Кэл постоял несколько минут, затем услышал смех с улицы. Пытаясь обрести поддержку в этом смехе, Кэл подошел к окну и отдернул занавески, но оставил попытки найти весельчака прежде, чем успел его увидеть. Он нутром почуял, что кто-то вошел в комнату вслед за ним. Кэл выпустил занавеску и развернулся. Рядом с ним в полумраке стоял широкоплечий человек, скорее пожилой, чем средних лет, и слишком хорошо одетый, чтобы без спросу вторгаться в чужие дома. Ткань его серого пиджака почти светилась. Однако еще больше притягивала взгляд улыбка – заученная улыбка актера или проповедника. В общем и целом это было лицо человека, привыкшего убеждать.

– Могу я чем-нибудь помочь? – произнес вошедший звучным и мягким голосом.

От столь неожиданного появления Кэл похолодел.

– Помочь мне? – переспросил он запинаясь.

– Может быть, вы интересуетесь недвижимостью? – продолжал человек.

– Недвижимостью? Нет... я... я просто... знаете ли... осматривался.

– Дом прекрасный, – произнес незнакомец. Его улыбка была настойчива, как рука хирурга, и так же стерильна. – Вы хорошо разбираетесь в домах?

Эту фразу он произнес так же, как и предыдущие, без всякой иронии или злости. Кэл не ответил, и человек сказал:

– Я торговец. Моя фамилия Шедуэлл, – он стянул лайковую перчатку с толстопалой руки. – А ваша?

– Кэл Муни. Кэлхоун, если точно.

Ладонь без перчатки протянулась к нему. Он на два шага подошел к человеку – тот оказался на добрых четыре дюйма выше Кэла с его пятью футами одиннадцатью дюймами – и пожал ему руку. Рука была прохладной, и Кэл понял, что сам он вспотел, как мышь под метлой.

Рукопожатие состоялось, дружище Шедуэлл расстегнул пиджак и распахнул его, чтобы достать из внутреннего кармана ручку. От этого небрежного движения на короткий миг показалась подкладка, и из-за какой-то игры света она вдруг засверкала, будто сотканная из зеркальных нитей.

Шедуэлл заметил выражение лица Кэла. Он заговорил, и слова его были легки как пух:

– Ты увидел что-нибудь, что тебе нравится?

Кэл не верил ему. Улыбка ли, лайковые ли перчатки возбудили в нем подозрения? Как бы то ни было, он хотел как можно скорее покинуть общество этого человека.

Но в пиджаке Шедуэлла что-то было. Оно светилось и заставляло сердце Кэла биться быстрее.

– Пожалуйста... – вкрадчиво произнес Шедуэлл. – Взгляни еще разок.

Его руки снова потянулись к пиджаку и распахнули его.

– Скажи мне, – промурлыкал он, – видишь ли там что-нибудь такое, что занимает твои мысли.

На этот раз он распахнул пиджак полностью, выставив напоказ подкладку. И в самом деле, первое впечатление Кэла было верным: она светилась.

– Как я уже сказал, я торговец, – объяснял Шедуэлл. – У меня есть золотое правило: всегда носить с собой образчики своих товаров.

Товары. Это слово вертелось в голове Кэла, не сводившего глаз с подкладки пиджака. Что за слово такое – «товары»? И он видел, как там, на подкладке пиджака, оно обретает вес. Это

переливаются драгоценные камни. Искусственные бриллианты, ослепительно сверкающие, как сверкают только фальшивки. Кэл сощурился от блеска, стараясь осмыслить то, что видел, а голос Шедуэлла продолжал уговаривать:

– Скажи мне, что ты хочешь, и оно станет твоим. Что может быть справедливее? Такой прекрасный молодой человек должен иметь возможность выбирать и брать. Этот мир лежит перед тобой, как устрица. Я это вижу. Открой его. Забери то, что тебе нравится. Бесплатно, даром, без всякого обмена. Скажи мне, что ты там видишь, и в следующий миг оно окажется у тебя в руках.

«Отвернись, – говорил кто-то внутри Кэла, – ничего не дается даром. За все надо платить».

Но его взгляд был настолько околдован тайнами, спрятанными в складках пиджака, что он не смог бы отвести от него глаз, даже если бы от этого зависела его жизнь.

– Скажи мне, – повторял Шедуэлл, – что ты видишь...

Ах, в этом-то и заключалась трудность.

– ...и оно твое.

Он видел позабытые сокровища. Некогда он всей душой желал обладать этими вещами, уверенный, что если их получить, то не захочется ничего другого. Большинство из них было ничемными безделушками, однако они пробуждали прежние желания. Пара рентгеновских очков – он видел объявление о продаже таких очков на обложке книжки с комиксами («Пронзи взглядом стены! Изуми своих друзей!»), но так и не купил. Они были здесь, пластмассовые линзы поблескивали, и при виде их Кэл вспомнил октябрьские ночи, когда лежал без сна, гадая, как же они действуют.

А что рядом с ними? Еще один фетиш его детства. Фотография женщины, одетой в одни лишь туфли на шпильках и сверкающие блестками трусики. Она показывала зрителям свои немыслимые груди. Такая фотография имела у мальчика, жившего через два дома от Кэла, – похищенная, как тот уверял, из бумажника дядюшки. Кэл так страстно хотел ее заполучить, что едва не умирал от желания. И вот теперь фотография, потрепанное воспоминание, висела на мерцающей подкладке пиджака Шедуэлла, дожидаясь, пока Кэл попросит.

Но не успела она проявиться, как тоже померкла, а на ее месте возникали все новые соблазнительные сокровища.

– Что ты там видишь, друг мой?

Ключи от машины, которую Кэл давно мечтал купить. Призового голубя, победителя несметного множества соревнований, которого он так сильно хотел заполучить, что с радостью украл бы...

– Только скажи мне, чего ты хочешь. Попроси, и оно твое...

Они мелькали, их было так много. Вещи, на час – а то и на целый день! – становившиеся ося, на которой вращался мир, прятались сейчас в чудесном вместилище этого пиджака.

Но они были скоротечны, все без исключения. Появлялись только для того, чтобы сразу испариться. Было там что-то еще, и оно не позволяло Кэлу сосредоточиться на подобных банальностях дольше чем на мгновенье. Что это такое, он пока не мог разглядеть.

Он смутно осознал, что Шедуэлл снова обращается к нему, и на этот раз тон торговца переменился. Голос звучал как-то озадаченно, в нем звенела злоба.

– Говори же, мой друг... Почему ты не говоришь мне, чего ты хочешь?

– Я не могу... как следует... рассмотреть.

– Так старайся усерднее. Сосредоточься.

Кэл попытался. Образы возникали и исчезали, все та же ничтожная чепуха. Главное по-прежнему ускользало.

– Ты не стараешься, – укорил его Шедуэлл. – Если человек хочет чего-то по-настоящему, он сразу же видит это. Образ явственно запечатлен у него в голове.

Кэл оценил справедливость его слов и удвоил усилия. Он вошел в азарт, стараясь рассмотреть за бесполезным хламом истинное сокровище. Странное чувство сопровождало эти попытки: беспокойное шевеление в груди и горле, словно часть его существа готовилась бежать за его взглядом, прочь от Кэла и дальше. Бежать в пиджак.

За спиной Кэла, в том месте, где позвоночник входил в череп, забормотали предостерегающие голоса. Но он слишком сильно втянулся в игру, чтобы сопротивляться. Что бы ни заключалось в пиджаке, оно дразнило его, не показываясь до конца. Кэл уставился на подкладку, отбросив приличия, и смотрел, пока пот не заструился с висков.

Вкрадчивый монолог Шедуэлла снова обрел уверенное звучание. Сахарная глазурь треснула и отвалилась. Орех внутри оказался черным и горьким.

– Давай же, – сказал он. – Не будь таким слабаком. Там есть то, чего ты хочешь, верно? Очень сильно хочешь. Давай! Скажи мне. Сознайся. Нет смысла тянуть время. Пока ты выжидаешь, возможность ускользает от тебя.

Наконец-то образ начал проявляться...

– Скажи мне, и оно твое.

Кэл ощутил ветер на лице и вдруг снова взлетел, а под ним расстилалась чудесная страна. Ее долины и горы, ее реки и башни – все было здесь, запечатленное в подкладке пиджака Шедуэлла.

Кэл ахнул при виде ее. Шедуэлл отреагировал со скоростью молнии:

– Что это?

Кэл смотрел во все глаза, потеряв дар речи.

– Что ты видишь?

Кэла охватили противоречивые чувства. Глядя на эту землю, он ощущал восторг и в то же время боялся того, чем ему придется заплатить (может быть, он уже платит, даже не подозревая об этом) за такое пип-шоу. В Шедуэлле было что-то мерзкое, несмотря на улыбки и посулы.

– Скажи мне, – потребовал Шедуэлл.

Кэл попытался удержать слова, вертевшиеся на языке. Он не хотел расставаться со своей тайной.

– Что ты видишь?

Этому голосу было трудно противиться. Кэл хотел промолчать, но ответ сам рождался в нем.

– Я... – («Не говори», – предостерег поэт.) – Я вижу... – («Борись. Это опасно».) – Я... вижу...

– Он видит Фугу.

Голос, завершивший за него предложение, принадлежал женщине.

– Ты уверена? – переспросил Шедуэлл.

– Куда уж больше. Посмотри ему в глаза.

Кэл чувствовал себя глупым и никчемным. Все еще зачарованный мерцавшими в подкладке видениями, он не находил сил, чтобы отвести глаза и посмотреть на тех, кто сейчас рассматривал его.

– Он знает, – сказала женщина.

В ее голосе не слышалось ни намек на душевную теплоту. Или хотя бы человечность.

– Значит, ты права, – заметил Шедуэлл. – Она была здесь.

– Разумеется.

– Просто прекрасно, – заявил Шедуэлл, запахивая пиджак.

Для Кэла это стало катастрофой. Когда мир – Фуга, назвала его женщина, – так внезапно ускользнул, он ощутил себя слабым, как младенец. Все силы уходили только на то, чтобы устоять на ногах. Взгляд закатывающихся глаз устремился на женщину.

Она прекрасна, такова была его первая мысль. Одета во что-то красное и пурпурное, цвета очень темные, почти черные. Ткань полностью обтягивала верхнюю часть тела, отчего женщина выглядела целомудренной, спеленатой и укрытой и в то же время подчеркнуто эротичной из-за плотно облегающей материи. Точно так же противоречивы были черты ее лица. Волосы надо лбом были сбиты на два дюйма, а брови – полностью, отчего лицо жутким образом лишалось всякого выражения. Кожа блестела, как намашенная. Несмотря на сбитые волосы и полное отсутствие косметики, способной подчеркнуть достоинства, это лицо так и дышало сексуальностью. Рот слишком правильно очерчен, а глаза – янтарные, золотистые – слишком выразительны, чтобы скрывать чувства. Какие именно чувства, Кэл мог лишь смутно догадываться. Одним из них явно было нетерпение, словно от пребывания здесь женщину тошнило. Еще там клубилась ярость, и Кэл очень не хотел бы увидеть, как она выплеснется наружу. Презрение – скорее всего к нему – и сильная сосредоточенность, словно женщина видела сквозь его плоть и была готова заморозить его одной мыслью.

Однако в ее голосе не отразилось никаких противоречий. Он был тверже стали.

– Когда? – требовательно спросила она. – Когда ты в последний раз видел Фугу?

Кэл не мог выдерживать ее взгляд дольше одного мгновения. Он перевел глаза на каминную полку и три непарных туфли.

– Не понимаю, о чем вы говорите, – произнес он.

– Ты ее видел. И сейчас увидел снова в подкладке. Бессмысленно отрицать.

– Тебе лучше ответить, – посоветовал Шедуэлл.

Кэл перевел взгляд с каминной полки на дверь. Они оставили ее открытой.

– Да пошли вы оба ко всем чертям, – произнес он ровно.

Кажется, Шедуэлл засмеялся? Кэл не был уверен.

– Нам нужен ковер, – заявила женщина.

– Он, видишь ли, принадлежит нам, – сказал Шедуэлл. – У нас есть законные основания, чтобы потребовать его.

– Так что, будь так любезен... – губы женщины искривились от этих вежливых слов. – Скажи мне, куда делся ковер, и мы покончим с этим делом.

– Какой простой вопрос, – сказал Торговец. – Ответь нам, и мы уйдем.

Притворяться ничего не понимающим не было смысла. Кэл подумал: они знают, что я знаю, и переубедить их не получится. Он в ловушке. Однако, несмотря на серьезность ситуации, он ощущал возрастающее воодушевление. Его мучители подтвердили существование мира, который он видел мельком: это Фуга. Желание как можно скорее избавиться от общества этих людей смешивалось с желанием поводить их за нос. Вдруг они расскажут что-нибудь еще о том видении?

– Может быть, я и видел что-то, – признал Кэл.

– Никаких «может быть», – отрезала женщина.

– Все как в тумане... – сказал он. – Я помню кое-что, но не совсем уверен, что именно.

– Ты не знаешь, что такое Фуга? – спросил Шедуэлл.

– А с чего бы ему знать? – вставила женщина. – Он оказался рядом случайно.

– Но он же видел, – возразил Шедуэлл.

– Многие чокнутые видели кое-что, но это не значит, что они поняли. Он сбит с толку, как и все они.

Кэла возмутил ее снисходительный тон, но в общем она была права. Он сбит с толку.

– Что ты видел – не твое дело, – сказала ему женщина. – Просто ответь, куда ты дел ковер, а потом забудь все, что промелькнуло у тебя перед глазами.

– У меня нет ковра, – ответил он.

Лицо женщины потемнело целиком, зрачки стали похожи на луны, излучающие тусклый апокалиптический свет.

Кэл снова услышал на площадке скребущий звук, который он изначально принял за крысину возню. Теперь он уже сомневался в его происхождении.

– Я больше не буду с тобой вежлива, – произнесла женщина. – Ты обычный вор.

– Нет... – возразил он.

– Да. Ты пришел сюда, чтобы ограбить дом старой женщины, и случайно увидел то, чего не должен был видеть.

– Хватит впустую терять время, – произнес Шедуэлл.

Кэл начал сожалеть о своем желании водить эту пару за нос. Нужно было бежать, пока оставалось хотя бы полшанса. Шум с другой стороны двери усиливался.

– Слышишь? – спросила женщина. – Это бастарды моей сестры. Ее ублюдки.

– Они кошмарны, – вставил Шедуэлл.

Кэл в этом не сомневался.

– Еще раз, – продолжала женщина. – Где ковер?

И он повторил:

– У меня нет ковра, – на этот раз его слова звучали умоляюще, а не уверенно.

– Тогда нам придется заставить тебя говорить, – заключила женщина.

– Осторожнее, Иммаколата, – сказал Шедуэлл.

Если Иммаколата и услышала, то не обратила внимания на его предостережение. Она слегка потерла средним и безымянным пальцами правой руки по ладони левой, и на этот безмолвный призыв тут же явились дети ее сестры.

II

На волосок от гибели

1

Сюзанна приехала на Рю-стрит около трех часов и сначала зашла к миссис Памфри, чтобы рассказать о состоянии здоровья бабушки. Миссис Памфри зазывала ее в дом с такой настойчивостью, что она не смогла отказаться. Они выпили чаю и поговорили минут десять, в основном о Мими. Виолетта Памфри говорила о старой женщине без злобы, однако нарисованный ею портрет был совсем не лестным.

– Газ и электричество отключили в доме много лет назад, – говорила Виолетта. – Она не оплачивала счета. Жила в совершенном убожестве, причем я всегда могла бы помочь ей по соседски. Но она была груба, и, знаете ли, что касается ее здоровья... – миссис Памфри чуть понизила голос. – Я понимаю, что не следует так говорить, однако... ваша бабушка была не вполне в своем уме.

Сюзанна пробормотала что-то в ответ, зная, что ее реплику все равно не услышат.

– У нее в доме были только свечи. Ни телевизора, ни холодильника. Одному богу ведомо, чем она питалась.

– Вы не знаете, есть ли у кого ключ от дома?

– О, что вы, она никому бы не дала ключ. У нее на двери больше замков, чем вы за свою жизнь съели обедов. Она, видите ли, никому не доверяла. Никому.

– Я просто хотела заглянуть.

– С тех пор как ее увезли, все время кто-нибудь приходит и уходит, так что дом скорее всего открыт нараспашку. Я и сама подумывала заглянуть, но что-то не тянет. Некоторые дома, они как бы не совсем нормальные. Вы меня понимаете?

Сюзанна понимала. Оказавшись наконец на крыльце восемнадцатого дома, она призналась себе, что обрадовалась бы любому срочному делу, позволившему отложить визит. Сцена

в больнице подтверждала подозрения родственников относительно Мими. Бабушка была не такая, как все. Она умела передавать видения через прикосновение. Какими бы силами ни обладала старая женщина, чем бы ни была одержима, разве не могло это до сих пор оставаться в доме, где она прожила столько лет?

Сюзанна ощущала, как прошлое усиливает хватку, и теперь оно не казалось таким простым. Она не стояла бы в нерешительности на пороге только из-за страха наткнуться на призраки своего детства. Сюзанна смутно чувствовала: именно здесь, на этой сцене, дожидаются несыгранные драмы и Мими выбрала ее на главную роль. А она-то думала, что ушла отсюда навсегда.

Сюзанна толкнула дверь. Несмотря на обещания Виолетты, дверь оказалась заперта. Сюзанна заглянула в окно комнаты, полной хлама и пыли. Отсутствие людей странным образом успокаивало. Может быть, ее страхи окажутся беспочвенными? Она зашла за дом. Здесь ей повезло больше. Ворота во двор были открыты, как и задняя дверь дома.

Гостиная была разорена, практически все следы пребывания в доме Мими Лашенски – за исключением свечей и не имеющего ценности мусора – уничтожены. Сюзанну охватили смешанные чувства. С одной стороны, уверенность, что ничего ценного здесь уцелеть не могло и ей придется возвращаться к Мими с пустыми руками, а с другой стороны – несомненное облегчение от того, что дело обстоит именно так, что сцена пуста.

Воображение Сюзанны развешало по стенам исчезнувшие картины и расставило по местам мебель, но все это осталось лишь у нее в голове. В доме нет ничего, что способно нарушить спокойный и размеренный ритм ее нынешней жизни.

Она прошла через гостиную в прихожую и заглянула в маленькую комнату, прежде чем свернуть к лестнице. Лестница оказалась не такой уж громадной и темной. Но не успела Сюзанна и шага ступить, как услышала шум движения на площадке наверху.

– Кто здесь? – окликнула она.

2

...И этих слов оказалось достаточно, чтобы отвлечь внимание Иммаколаты. Твари, которых она призвала, ублюдки ее сестры, остановили наступление на Кэла, дожидаясь указаний.

Кэл воспользовался случаем и ринулся через комнату, ударив ногой ближайшее к нему существо.

У твари не было тела, четыре руки выросли прямо из раздутой шеи, под ней болтались многочисленные влажные бурдюки, как печень или легкие. Удар Кэла попал в цель, и один из бурдюков лопнул, выпустив зловонное облако. Другие единоклассники монстры были уже близко. Кэл рванул к двери, но раненая тварь оказалась проворной. Ублюдок по-крабьи передвигался на руках и плевался на ходу. Один плевок угодил в стену рядом с головой Кэла, и обои пошли волдырями. Ужас придал Кэлу сил. Он в мгновение ока достиг двери.

Шедуэлл двинулся, чтобы перехватить его, но один из ублюдков кинулся ему под ноги, словно ошалевшая собака. Прежде чем торговец сумел восстановить равновесие, Кэл выскочил за дверь на лестничную площадку.

Девушка, задавшая вопрос, стояла у подножия лестницы и глядела вверх. Она была словно ясный день после ночи, едва не поглотившей Кэла в оставшейся за спиной комнате. Большие серо-голубые глаза, лицо обрамляют локоны рыжевато-каштановых золотистых волос, губы собираются произнести слова, замершие на языке от жуткого вида Кэла.

– Уходите отсюда! – закричал он, скатываясь вниз по ступенькам.

Девушка стояла разинув рот.

– Дверь! – выкрикнул Кэл. – Ради всего святого, откройте дверь!

Он не оборачивался, чтобы посмотреть, гонятся ли за ним чудовища, зато услышал донесшийся сверху крик Шедуэлла:

– Держи вора!

Девушка перевела взгляд на Торговца, потом обратно на Кэла, затем на дверь.

– Откройте дверь! – крикнул Кэл, и на этот раз она послушалась.

Либо она не поверила Шедуэлли, раз взглянув на него, либо испытывала слабость к ворам. Как бы то ни было, девушка широко распахнула дверь. Внутри хлынул солнечный свет, в его лучах заплясали пылинки. Позади слышались протестующие вопли, но девушка не сделала ничего, чтобы задержать убегающего Кэла.

– Уходите отсюда! – призвал он ее на бегу, тут же выскочил за порог и ринулся на улицу.

Он сделал несколько шагов от двери, затем оглянулся посмотреть, следует ли за ним девушка с серо-голубыми глазами. Но она по-прежнему стояла у подножия лестницы.

– Так вы идете? – крикнул он ей.

Она раскрыла рот, чтобы ответить, но Шедуэлл уже добрался до нижней ступеньки и оттолкнул ее с дороги. Кэл не мог больше медлить, его отделяло от Торговца всего несколько шагов. Он побежал.

* * *

Человек с засаленными волосами не пытался преследовать беглеца, когда погоня переместилась на свежий воздух. Молодой человек был поджарым и бегал раза в два быстрее, преследователь же походил на медведя в костюме с Сэвил-роу⁴. Сюзанна с первого взгляда невзлюбила его. И вот теперь он развернулся и спросил:

– Зачем ты это сделала, женщина?

Сюзанна не удостоила его ответом. Во-первых, она все еще пыталась осмыслить то, что сейчас увидела, а во-вторых, ее внимание сосредоточилось уже не на «медведе», а на его спутнице – или хозяйке. На женщине, спускавшейся по ступенькам вслед за ним.

Ее лицо было лишено выражения, как лицо мертвого ребенка, но Сюзанна никогда не видела лица, которое бы настолько завораживало.

– Уйди с дороги, – сказала женщина, дойдя до конца лестницы.

Ноги Сюзанны сами начали выполнять приказ, но она остановила себя и преградила женщине путь к двери. От этого действия волна адреналина захлестнула Сюзанну, как будто она вышла на шоссе перед несущимся грузовиком.

Однако женщина остановилась, ее взгляд крючком зацепил девушку, впился в нее и заставил поднять лицо. Сюзанна поняла, что выброс адреналина тут вполне уместен: она только что разминувшись со смертью. Этот взгляд, без сомнений, уже убивал и убьет еще. Но не сейчас. Сейчас женщина с любопытством рассматривала ее.

– Он твой приятель, верно? – произнесла она.

Сюзанна услышала слова, но не увидела, шевельнулись ли губы женщины, чтобы произнести их. «Медведь» возле двери воскликнул:

– Проклятый вор!

Затем он крепко ухватил Сюзанну за плечо.

– Разве ты не слышала, что я кричал тебе? – спросил он.

Сюзанна хотела развернуться и приказать ему убрать руки, но женщина все еще изучала ее, удерживая взглядом.

– Она слышала, – сказала женщина.

⁴ Сэвил-роу – лондонская улица, где расположены ателье самых дорогих портных.

На этот раз губы ее шевельнулись, и Сюзанна ощутила, что хватка немного ослабла. Но от одного присутствия этой женщины пробирала дрожь. В паху и груди как будто покалывали крошечные шипы.

– Кто ты такая? – хотела знать женщина.

– Оставь ее в покое, – отозвался «медведь».

– Я хочу знать, кто она такая. И почему она здесь, – взгляд, на мгновение переместившийся на мужчину, снова впился в Сюзанну. В нем светилось убийственное любопытство.

– Здесь нет ничего, что нам нужно, – продолжал мужчина.

Женщина не обращала на него внимания.

– Пойдем же... Оставь ее...

Его голос звучал так, словно он был на грани истерики. Сюзанна мысленно благодарила его за вмешательство.

– Нас увидят... – говорил он. – Особенно здесь...

Спустя долгий миг – у Сюзанны перехватило дыхание – женщина едва заметно кивнула, соглашаясь с этими доводами. Она вдруг утратила интерес к девушке и отвернулась к лестнице. Сумрак на верхней площадке, где Сюзанне некогда мерещились затаившиеся ужасы, не был статичным. Там шевелились смутные образы, такие неясные, что она не могла понять, в самом ли деле видит их или только ощущает их присутствие. Они сползли по ступеням облаком ядовитого дыма, теряя всякую материальность по мере приближения к открытой двери, и начисто испарились, едва поравнялись с дожидавшейся их женщиной.

Женщина отвернулась от лестницы и прошла мимо Сюзанны к выходу, унося с собой облако холодного и болезнетворного воздуха, как будто призраки, только что присоединившиеся к ней, ожерельем легли ей на шею и забили в складки платья. Она несла их, невидимых, через залитый солнцем мир людей туда, где они смогут заново воплотиться.

Мужчина уже вышел на мостовую. Прежде чем подойти к нему, женщина снова обернулась к Сюзанне. Она ничего не сказала, ни губами, ни иным способом. Зато ее глаза были достаточно выразительны и все их обещания – безрадостны.

Сюзанна отвернулась и услышала шаги женщины на крыльце. Когда она снова подняла голову, парочки уже не было. Переведя дух, Сюзанна подошла к двери. Хотя день клонился к вечеру, солнце было еще ярким и теплым.

Неудивительно, что женщина и ее «медведь» перешли на другую сторону, чтобы идти по тенистой стороне улицы.

3

Двадцать четыре года – это треть обычной жизни: вполне достаточный срок, чтобы прийти к определенным выводам по поводу устройства мира. Несколько часов назад Сюзанна могла поклясться, что так оно и есть.

Конечно, в общей картине имелись и пробелы. Какие-то тайны и внутри Сюзанны, и в окружающем мире оставались неразгаданными. Но от этого решимость не поддаваться никаким самообольщениям и чувствам, которые могли бы позволить этим тайнам взять над ней верх, только крепла. Эта истовая решимость влияла и на личную, и на профессиональную жизнь Сюзанны. В любовных делах она усмирляла страсти практицизмом, избегая эмоциональной несдержанности, ведущей, как она часто наблюдала, к жестокости и горечи. В дружеских отношениях она добивалась точно такого же равновесия: ни чрезмерной привязанности, ни отстраненности. Так же дело обстояло и с работой. Самое привлекательное в деле изготовления керамики – прагматичность, когда художественные фантазии сдерживаются функциональностью предмета.

При взгляде на самый изысканный кувшин на свете Сюзанна задалась бы вопросом «А он не протекает?» И такой добротности она добивалась во всех аспектах своей жизни.

И вот возникла проблема, не уместившаяся в эти простые определения. Она лишала Сюзанну равновесия, доводила до головокружения и сбивала с толку.

Сначала воспоминания. Затем Мими, скорее мертвая, чем живая, но телепатически передающая внучке свои видения.

А теперь эта встреча с женщиной, в чьем взгляде сквозит смерть. Однако благодаря ее взгляду все чувства Сюзанны сделались такими живыми, как никогда раньше.

Последнее противоречие вынудило Сюзанну покинуть дом. Не завершив поиски, она закрыла дверь перед возможными ожидавшими ее драмами. Подчиняясь какому-то инстинкту, она пошла к реке. Там, сидя на солнышке, она собиралась подумать над смыслом происходящих событий.

Кораблей на Мерси не было, зато небо такое ясное, что Сюзанна различала тени облаков над холмами Клайда. Однако внутри нее была не ясность, а сумятица чувств. И все они казались неприятно знакомыми, как будто долгие годы жили внутри, терпеливо дожидались за стеной из прагматизма, которую Сюзанна выстроила, чтобы удержать их подальше от чужих глаз. словно эхо, спящее до первого крика над горами, они были созданы для отклика.

Сегодня Сюзанна услышала такой крик. Точнее, столкнулась с ним лицом к лицу, в той самой узкой прихожей, где в шестилетнем возрасте стояла и дрожала от страха перед темнотой. Эти противостояния были неразрывно связаны, хотя Сюзанна не понимала как. Она понимала только одно: она вдруг оказалась в пространстве внутри себя самой, где ритм и привычки ее взрослой жизни не имели власти.

Она лишь смутно ощущала проплывавшие в этом пространстве страсти, как кончиками пальцев ощущают туман. Но со временем она изучит их, изучит и страсти, и поступки, которые они порождают. В этом Сюзанна была абсолютно уверена, как ни в чем другом в последние дни. Она знала их и – помоги ей Господь! – любила, как свои собственные.

III

Весточка из Рая

– Мистер Муни? Мистер Брендан Муни?

– Верно.

– У вас, случайно, нет сына по имени Кэлхоун?

– А какое вам дело? – отозвался Брендан. Затем, не дожидаясь ответа, спросил: – С ним что-то случилось?

Незнакомец отрицательно покачал головой, взял Брендана за руку и стал неистово пожимать ее.

– Простите мне мою дерзость, мистер Муни, но вы счастливчик!

Это, насколько знал Брендан, была ложь.

– Чего вам надо? – спросил он. – Вы что-то продаете? – он высвободил руку из хватки незнакомого человека. – Что бы это ни было, мне ничего не нужно.

– Продаю? – переспросил Шедуэлл. – Гоните прочь такие мысли. Я дарю, мистер Муни. Ваш сын – умный парень. Он использовал ваше имя, и, о чудо, компьютер выбрал вас победителем...

– Я же сказал, мне ничего не нужно, – перебил Брендан и попытался захлопнуть дверь, но незнакомец успел поставить ногу на порог.

– Прошу вас, – вздохнул Брендан, – оставьте меня в покое. Я не хочу ваших призов. Я вообще ничего не хочу.

– Что ж, это означает, что вы весьма необычный человек, – заявил Торговец, открывая дверь шире. – Возможно, даже уникальный. Неужели во всем мире нет ничего такого, чего бы вы хотели? Это изумительно.

Из глубины дома доносилась музыка – запись шедевров Пуччини, которую несколько лет назад подарили Эйлин. Она сама почти не ставила эту пластинку, но после ее смерти Брендан (никогда в жизни не бывавший в опере и гордившийся этим фактом) просто помешался на «Любовном дуэте» из «Мадам Баттерфляй». Он прослушал запись уже сотни раз, и каждый раз слезы наворачивались на глаза. Сейчас он хотел одного: вернуться к музыке, пока она не умолкла. Однако Торговец настаивал на своем:

– Брендан, – сказал он. – Могу я называть вас Бренданом?

– Не надо называть меня никак.

Торговец расстегнул пуговицы пиджака.

– Вообще-то, Брендан, нам с вами есть что обсудить наедине. Для начала вот ваш приз.

Подкладка пиджака заискрилась, привлекая внимание Брендана. Он никогда в жизни не видел такой ткани.

– Вы уверены, что ничего не хотите? – спросил Торговец. – Абсолютно уверены?

«Любовный дуэт» достиг новых высот, голоса Баттерфляй и Пинкертон побуждали друг друга к новым излияниям страдания. Брендан слушал, но его внимание все сильнее сосредоточивалось на пиджаке. И в самом деле, там было то, чего он хотел.

Шедуэлл смотрел Брендану в глаза и видел, как в них загорелось пламя желания. Этот огонек никогда не обманывал.

– Вы ведь видите что-то, мистер Муни.

– Да, – тихо сознался Брендан.

Он видел, и радость от этого созерцания снимала с его души тяжкий груз.

Эйлин сказала ему однажды (тогда они были молоды и разговоры о смерти служили лишь для того, чтобы выразить привязанность друг другу): «Если я умру первой, Брендан, я найду способ рассказать тебе, каково там, на небесах. Клянусь, я сделаю это». А он поцелуями заставил ее замолчать и ответил, что если умрет она, то умрет и он, от разрыва сердца.

Но ведь он не умер. Он прожил три долгих пустых месяца и за это время не раз вспомнил ее легкомысленное обещание. А теперь, когда отчаяние так изменило его, на пороге вдруг появился этот небесный посланник. Какой странный выбор – явиться в облике торговца. Без сомнения, у серафима есть на то причины.

– Вы хотите получить то, что видите? – спросил гость.

– Кто вы? – выдохнул Брендан, охваченный благоговейным трепетом.

– Моя фамилия Шедуэлл.

– И вы принесли это мне?

– Ну конечно. Но вы должны понимать: если вы это возьмете, Брендан, за услугу я захочу получить с вас небольшую плату.

Брендан не сводил глаз с сокровища в пиджаке.

– Все, что пожелаете, – ответил он.

– Например, мы можем попросить вас о помощи, и вы будете обязаны немедленно ее предоставить.

– Разве ангелы нуждаются в помощи?

– Время от времени.

– Ну конечно, – согласился Брендан. – Почту за честь.

– Прекрасно, – Торговец улыбнулся. – Тогда прошу вас... – он шире распахнул пиджак. – Не стесняйтесь.

Брендан знал, чем пахнет и каково на ощупь письмо от Эйлин, прежде чем оно оказалось у него в руках. И письмо его не разочаровало. Бумага была теплой, как он и ожидал, и от нее веяло ароматом цветов. Конечно, Эйлин писала письмо в саду, в райском саду.

– Итак, мистер Муни. Мы заключили договор, верно?

«Любовный дуэт» завершился, дом за спиной у Брендана погрузился в тишину. Он прижимал письмо к груди, все еще опасаясь, что это сон и он проснется с пустыми руками.

– Все, что пожелаете, – выговорил он отчаянно, в страхе, что у него отнимут это благословение.

– Любезность и благожелательность, – последовал ответ, сопровождавшийся улыбкой. – Чего еще может пожелать мудрый человек? Любезности и благожелательности.

Брендан почти не слушал. Он водил пальцами по письму. Его имя было написано на лицевой стороне аккуратным почерком Эйлин.

– Так вот, мистер Муни, – начал серафим, – меня интересует Кэл.

– Кэл?..

– Вы не подскажете, где я могу его найти?

– Он сейчас на свадьбе.

– На свадьбе. Ага. А не могли бы вы назвать мне адрес?

– Да. Разумеется.

– У нас имеется кое-что и для Кэла. Ему повезло.

IV

Бракосочетание

1

Джеральдин потратила немало часов, вбивая в Кэла жизненно важные сведения о своем генеалогическом древе, чтобы на церемонии бракосочетания Терезы он знал, кто есть кто. Дело оказалось не из легких: семейство Келлуэй отличалось поразительной плодовитостью, а Кэл очень плохо запоминал имена. Неудивительно, что большую часть из ста тридцати гостей, собравшихся в зале для приемов прекрасным субботним вечером, он не знал. Кэла это не очень волновало. Он чувствовал себя в безопасности среди такого множества людей, пускай и незнакомых. Выпивка, лившаяся рекой с четырех часов пополудни, совсем успокоила его тревоги. Кэл даже не возражал, когда Джеральдин представила его веренице своих восторженных тетюшек и дядюшек, каждый из которых не преминул спросить, скоро ли он намерен превратить Джеральдин в порядочную замужнюю женщину. Он включился в игру: улыбался, очаровывал и делал все возможное, чтобы не показаться безумцем.

Хотя небольшое сумасшествие в такой атмосфере осталось бы незамеченным. Судя по всему, Норман Келлуэй мечтал, чтобы свадьба дочери превосходила все другие свадьбы настолько, насколько ее талия превосходила прежний размер. Грандиозная церемония прошла по всем правилам, но вот зал для приемов оказался торжеством безрассудства над здравым смыслом. От пола до потолка он был завешан лентами и бумажными фонариками, гирлянды разноцветных лампочек вились по стенам и опутывали деревья снаружи. Пива, вина и крепких напитков в баре хватило бы, чтобы свалить с ног небольшую армию; запас закусок не иссякал, дюжина запаренных официантов разносила их по столам для тех, кто желал просто сидеть и обедать.

Несмотря на распахнутые окна и двери, в павильоне вскоре сделалось жарко, как в аду. Жару поддавали еще и гости, отбросившие стеснение и пустившиеся в пляс под оглушитель-

ную смесь из кантри и рок-н-ролла, причем несколько гостей постарше выделяли такие комические номера, что им горячо аплодировали со всех сторон.

Поодаль от толпы, у двери, ведущей в садик, стояли младший брат жениха, два бывших ухажера Терезы и еще один молодой человек, оказавшийся в их компании только потому, что у него были сигареты. Парни стояли среди разбросанных жестянок из-под пива и изучали доступные кадры. Выбор был невелик: почти все взрослые девушки либо пришли с кавалерами, либо выглядели настолько непривлекательно, что шаг в их сторону походил бы на выражение отчаяния.

Только Элрой, предпоследнему ухажеру Терезы, этим вечером в некотором роде повезло. С самого начала церемонии он положил глаз на одну из подружек невесты. Ее имени он не знал, но она дважды случайно оказывалась у бара, когда он стоял там: весьма многозначительная статистика. И вот теперь он привалился к двери и наблюдал за объектом своих желаний через задымленную комнату.

Огни в зале приглушили, и характер танцев переменялся – от скачков к медленным движениям и томным объятиям.

Как раз подходящий момент, рассудил Элрой, чтобы подойти. Он пригласил бы ее потанцевать, а потом, после пары песен, вывел бы на улицу подышать свежим воздухом. Несколько парочек уже ретировались под сень кустов, дабы предаться тому, что и знаменуют свадьбы. Если отбросить все торжественные клятвы и цветы, люди собрались здесь во имя соития, и будь он проклят, если останется не у дел.

Элрой уже заметил, что Кэл разговаривал с той девушкой, так что проще всего, решил он, попросить Кэла их познакомить. Он пробрался через толпу танцоров туда, где стоял Кэл.

– Как поживаешь, дружище?

Кэл посмотрел на Элроя затуманенным взглядом. Лицо его пылало от выпитого.

– Отлично поживаю.

– Что-то мне не слишком нравится это сборище, – сказал Элрой. – Наверное, у меня аллергия на церкви. Сделай мне одолжение.

– Что именно?

– Я сгораю от страсти.

– К кому?

– К одной из подружек невесты. Она вон там, рядом с баром. Длинные светлые волосы.

– Ты имеешь в виду Лоретту? – уточнил Кэл. – Это кузина Джеральдин.

Как ни странно, чем пьянее он становился, тем больше вспоминал сведений из истории семейства Келлуэй.

– Она чертовски сексуальна. К тому же весь вечер строит мне глазки.

– Неужели?

– Я хотел попросить... не мог бы ты нас познакомить?

Кэл глянул в похотливые глаза Элроя.

– По-моему, ты опоздал, – ответил он.

– Почему?

– Она уже ушла.

Не успел Элрой вслух выразить свою досаду, как Кэл ощутил на плече чью-то руку. Он обернулся и увидел Нормана, отца невесты.

– Отойдем на пару слов, Кэл, мальчик мой? – предложил Норман, искоса взглянув на Элроя.

– Встретимся позже, – сказал Элрой и отошел подальше – на тот случай, если Норман захочет прихватить с собой и его.

– Как ты, веселишься?

– Да, мистер Келлуэй.

– Хватит уже звать меня мистером Келлуэем. Называй меня Норманом.

Он плеснул из бутылки щедрую порцию виски в большой стакан Кэла и затыкнулся сигарой.

– Так скажи же мне, – начал Норман, – как скоро мне предстоит расстаться с еще одной моей дочуркой? Не подумай, что тороплю тебя, сынок. Вовсе нет. Но одной беременной невесты вполне достаточно.

Кэл поболтал виски на дне стакана, ожидая подсказки от своего поэта. Но ничего не услышал.

– Я тут присмотрел для тебя кое-какую работенку, – продолжал Норман, несколько не обескураженный молчанием Кэла. – Хочу быть уверенным, что моя малышка живет в достатке. Ты славный парень, Кэл. Ее мать тебя очень любит, а я всегда доверял ее чутью. Так что подумай над этим.

Он переложил бутылку в правую руку, в которой уже была зажата сигара, и полез в карман пиджака.

От этого невинного жеста Кэла пробрала дрожь. На мгновение он вернулся обратно на Рю-стрит и заглянул в таинственное хранилище Шедуэлла. Но подарок Келлуэя оказался куда прозаичнее.

– Возьми сигару, – сказал он и пошел дальше, исполнив долг гостеприимства.

2

Элрой взял в баре еще одну банку пива, а затем вышел в сад на поиски Лоретты. Воздух здесь был значительно холоднее, чем в помещении. Вдохнув его, Элрой ощутил себя больным, как блоха под рубахой прокаженного. Он отшвырнул банку с пивом и направился в глубину сада, где можно было незаметно проблеяться.

Ряд цветных лампочек заканчивался в нескольких метрах от павильона, куда протянули провода. Дальше начиналась гостеприимная темнота, куда он и нырнул. Блевать Элрой привык: если за неделю его ни разу не выворачивало из-за того или иного излишества, то неделя была прожита зря. Он успешно изверг содержимое желудка на куст рододендрона, и его мысли снова обратились к прелестной Лоретте.

Недалеко от того места, где он стоял, шевельнулась тень листвы или чего-то, скрывавшегося в ней. Элрой вгляделся повнимательнее, пытаясь понять, что именно видит, но света было недостаточно. Однако он услышал вздох. Вздыхала женщина.

Элрой решил, что в тени дерева укрылась парочка, занятая тем, что и призвана скрывать темнота. А вдруг там Лоретта, с задранной юбкой и спущенными трусиками? Такое зрелище разобьет ему сердце, но он должен все выяснить.

Как можно тише Элрой приблизился на пару шагов.

На втором шаге что-то облепило ему лицо. Он испуганно вскрикнул, поднял руку и нашупал нити какого-то вещества у себя над головой. Почему-то он подумал о мокроте, о холодных влажных нитях мокроты. Они двигались по его телу, будто были частью чего-то большего.

Это впечатление подтвердилось через мгновение, когда нечто, добравшееся до его ног и торса, опрокинуло его на землю. Он хотел закричать, но липкая дрянь заклеила ему рот. А затем, как будто происходящее и без того уже не было верхом абсурда, он ощутил холод внизу живота. Кто-то раздирал на нем брюки. Он стал бешено отбиваться, но тщетно. На его живот и бедра опустилось что-то тяжелое, и он почувствовал, как его член затянуло в отверстие, которое могло быть плотью, только холодной, как труп.

Слезы отчаяния застилали глаза, однако Элрой рассмотрел, что напавшее на него существо имеет очертания человека. Он не видел лица, но груди были тяжелые, как раз такие, какие

ему нравились. Хотя все это совершенно не походило на мечтания о Лоретте, Элроя охватило возбуждение, и член отозвался на ледяные авансы удерживавшего его тела.

Элрой приподнял голову, желая получше рассмотреть увесистые груди, и заметил еще одну фигуру, стоявшую позади первой. Полная противоположность зрелой светящейся женщине, оседлавшей его: покрытый пятнами осто́в с зияющими дырами в тех местах, где должны находиться рот, пупок и влагалище. Дыры такие огромные, что сквозь них можно рассмотреть звезды.

Элрой снова начал сопротивляться, но эти подергивания не сбили с ритма его госпожу. Несмотря на панику, он ощутил в мошонке знакомую дрожь.

В голове Элроя сменяли друг друга дюжины картин, рисуя образ некой чудовищной красавицы: скелетоподобная женщина в свете ожерелья из цветных лампочек, висящего на шее ее сестры, задрала юбки, и рот между ее ногами превратился в рот Лоретты, из него высунулся язык. Элрой больше не мог противиться этой порнографии, его член выплеснул свое содержимое. Он замычал залепленным ртом. Наслаждение было коротким, следовавшая за ним боль – чудовищной.

– Что, черт возьми, происходит? – спросил кто-то из темноты.

Элрой не сразу осознал, что его крики о помощи услышаны. Он раскрыл глаза. Силуэты деревьев склонялись над ним, и больше ничего.

Он снова закричал, не обращая внимания на то, что валяется в луже дерьма в спущенных до лодыжек штанах. Он хотел получить подтверждение, что все еще принадлежит к миру живых...

3

Кэл заметил первый промельк неприятностей сквозь дно стакана, допивая остатки односолодового виски Нормана. Два наборщика с фабрики Келлуэя, нанятые на вечер вышибалами и стоявшие у входа, вели дружескую беседу с человеком в хорошо пошитом костюме. Человек, смеясь, быстро заглянул в зал. Это был Шедуэлл.

Его пиджак был застегнут на все пуговицы. Судя по всему, сверхъестественный подкуп не понадобился, Торговец получил право входа с помощью личного обаяния. На глазах у Кэла он похлопал одного из вышибал по плечу, словно они дружили с самого детства, и вошел внутрь.

Кэл не знал, оставаться ли на месте в надежде, что толпа его прикроет, или попытаться бежать, рискуя привлечь внимание врага. Но, как оказалось, у него не было выбора. Ему на руку легла чья-то рука. Рядом стояла одна из тетушек, которой его уже представила Джеральдин.

– А скажи-ка мне, – потребовала тетушка ни с того ни с сего, – бывал ли ты в Америке?

– Нет, – ответил Кэл, переводя взгляд с ее напудренной физиономии на Торговца.

Тот входил в зал, безукоризненный и самоуверенный, даря улыбки налево и направо. Со всех сторон на него устремлялись восхищенные взгляды. Кто-то протянул руку для рукопожатия, кто-то спросил, что он будет пить. Шедуэлл без труда обворожил всех, для каждого нашел дружелюбное слово, пока его взгляд блуждал по сторонам, высматривая свою жертву.

Расстояние между ними все сокращалось. Кэл понимал: еще немного, и Шедуэлл увидит его. Он вырвал руку из тетушкиной хватки и направился в самую гущу толпы. Его внимание привлекло волнение в дальнем конце зала. Там кого-то принесли из сада – похоже, Элроя. Его одежда была испачкана и в полном беспорядке, челюсть отвисла. Кажется, его состояние никого не встревожило: любое сборище привлекает профессиональных пьяниц. Раздались смешки, последовало несколько неодобрительных взглядов, а затем все вернулись к прерванному веселью.

Кэл обернулся через плечо. Где же Шедуэлл? Все еще рядом с дверью, прокладывает себе дорогу по головам, как начинающий политик? Нет, он куда-то переместился. Кэл нервно

оглядел комнату. Веселье и танцы шли своим чередом, но теперь на потных лицах отражалась еще большая жажда счастья: танцоры танцевали, потому что лишь таким образом могли на короткое время забыть об этом мире. В празднике сквозило отчаяние. Шедуэлл с его солидным видом и напускным благодушием знал, как этим воспользоваться, прикинувшись щедрым и добрым.

Кэл сгорал от желания забраться на стол и призвать гуляк остановиться, посмотреть со стороны, как нелепа их попойка и как опасна та акула, которую они пустили к себе.

Но как они воспримут такой призыв? Станут смеяться в кулак и потихоньку говорить друг другу, что у него в роду уже были сумасшедшие?

Здесь ему не найти единомышленников. Это угодья Шедуэлла. Самое безопасное – не привлекая внимания, потихоньку подойти к двери. Потом выбраться наружу и бежать как можно дальше и как можно быстрее.

Он немедленно приступил к осуществлению плана. Благодаря Бога за скудное освещение, он скользил между танцующими, высматривая в гуще людей человека в сияющем пиджаке.

За спиной Кэла раздался крик. Он обернулся и среди толпы увидел Элроя, который трясся, как эпилептик, и кричал «Караул!» Кто-то побежал вызывать врача.

Кэл снова развернулся к двери, и акула вдруг оказалась рядом с ним.

– Кэлхоун, – произнес Шедуэлл мягко и тихо. – Твой отец рассказал мне, где тебя найти.

Кэл не ответил, притворившись, что ничего не слышит. Торговец наверняка не осмелится выкинуть что-нибудь непотребное в такой толпе, а его пиджак безопасен до тех пор, пока не согласишься на подкладку.

– Куда ты направился? – спросил Шедуэлл, когда Кэл пошел дальше. – Я хочу с тобой переговорить.

Кэл не останавливался.

– Мы могли бы помочь друг другу...

Кто-то окликнул Кэла и спросил, не знает ли он, что случилось с Элроем. Кэл отрицательно помотал головой и продолжил прокладывать себе путь к двери. План его был прост: попросить вышибал найти отца Джеральдин, а потом вышвырнуть отсюда Шедуэлла.

– Скажи мне, где ковер, – говорил Торговец, – а я прослежу, чтобы сестрички никогда не добрались до тебя, – его речь была умиротворяющей. – Я не хочу с тобой ссориться. Мне просто нужна информация.

– Я же сказал, – ответил Кэл, понимая, что никакие доводы не помогут. – Я не знаю, куда делся ковер.

Осталась дюжина ярдов до вестибюля, и с каждым новым шагом любезность Шедуэлла испарялась.

– Они высосут тебя до дна, – пообещал он, – эти ее сестры. И я не смогу их остановить, если они примутся за тебя. Они мертвы, а мертвецы не слушают ничьих указаний.

– Мертвы?

– О да. Она их убила, когда все три были в утробе матери. Задушила собственными пуповинами.

Правда это или нет, но от такой картины становилось не по себе. Еще хуже делалось от мысли о прикосновении сестер. Кэл пытался выбросить из головы и то и другое, продвигаясь к двери. Шедуэлл по-прежнему шагал рядом с ним. Он уже не делал вид, будто ведет переговоры. Теперь он сыпал угрозами:

– Ты сам покойник, Муни, если не сознаешься. Я и пальцем не пошевелю, чтобы тебе помочь...

Кэл был уже на расстоянии окрика от вышибал. Он окликнул их. Они оторвались от выпивки и развернулись в его сторону.

– Что случилось?

– Вот этот человек... – начал Кэл, оборачиваясь к Шедуэллу.

Но Торговца уже не было. За долю секунды он покинул Кэла и смешался с толпой, исчез так же ловко, как и вошел.

– Какие-то проблемы? – поинтересовался тот вышибала, что был крупнее.

Кэл озираясь, подыскивая слова. Не стоит и пытаться что-то объяснить, решил он.

– Нет, – ответил Кэл, – все в порядке. Просто нужно глотнуть свежего воздуха.

– Перебрали? – спросил второй вышибала и отступил в сторону, чтобы Кэл мог выйти на улицу.

После удушливой атмосферы зала снаружи было холодно, что и требовалось Кэлу. Он глубоко вдохнул, стараясь прочистить мозги. Затем услышал знакомый голос:

– Ты не хочешь пойти домой?

Это была Джеральдин. Она стояла у двери в наброшенном на плечи пальто.

– Я в порядке, – сказал Кэл. – А где твой отец?

– Не знаю. Зачем он тебе?

– В зале находится кое-кто, кого там быть не должно, – сообщил Кэл, подходя к ней.

Под влиянием алкоголя Джеральдин показалась ему сияющей, как никогда прежде. Ее глаза сверкали, как темные бриллианты.

– Может быть, прогуляемся немного? – предложила она.

– Я должен переговорить с твоим отцом, – настаивал Кэл, но Джеральдин уже шла вперед, жизнерадостно смеясь.

Прежде чем он сумел возразить, она завернула за угол. Он последовал за ней. На улице не горело несколько фонарей, и ее силуэт терялся во тьме. Но Джеральдин смеялась, и он шел на этот смех.

– Куда ты идешь? – спросил он.

В ответ она снова рассмеялась.

По небу стремительно неслись облака, в просветах поблескивали звезды, но их слабое мерцанье не могло осветить то, что происходило на земле. Звезды на мгновение отвлекли Кэла, и когда он снова посмотрел на Джеральдин, девушка как раз поворачивалась к нему с каким-то неясным звуком, похожим и на вздох, и на слово.

Ее окутывали густые тени, но они постепенно расступились, и от того, что предстало перед глазами Кэла, у него сжалось сердце. Лицо Джеральдин искривилось, ее черты растеклись, словно тающий воск. И теперь, когда фасад исчез, Кэл разглядел скрывавшуюся за ним женщину. Увидел и узнал: безбровое лицо, неспособный улыбаться рот. Кто же еще, как не Иммаколата?

Он мог бы убежать, но тут к его виску прижался холодный металл пистолетного дула. Голос Шедуэлла произнес:

– Один звук – получишь пулю.

Кэл промолчал.

Шедуэлл указал на черный «мерседес», припаркованный в ближайшем переулке.

– Иди, – велел он.

У Кэла не было выбора. Он шел и не верил, что эта сцена разыгралась посреди улицы, на которой он знает каждый булыжник с тех пор, как выучился ходить.

Его усадили на заднее сиденье, где он был отделен от похитителей толстым стеклом. Дверцу заперли. Он не мог ничего сделать. Все, что он мог, – смотреть, как Шедуэлл садится на водительское место, а женщина устраивается рядом.

Он понимал: вероятность, что его отсутствие на вечеринке будет замечено, очень невелика, а вероятность того, что кто-то отправится его искать, еще меньше. Все решат, что ему наскучил праздник и он отправился домой. Кэл оказался во власти врагов, бессильный что-либо предпринять.

«Что бы сделал на моем месте Безумный Муни?» – подумал он.

Вопрос занимал его одно мгновение, и тут же пришел ответ. Кэл вынул праздничную сигару, подарок Нормана, откинулся на кожаное сиденье и закурил.

«Отлично!» – воскликнул поэт.

Получай удовольствие, пока можешь, от всего, от чего возможно. Пока ты дышишь.

V

В объятиях Гнойной Мамаши

Одурманенный страхом и сигарным дымом, он вскоре перестал понимать, куда они едут. Когда они наконец остановились, единственным намеком на их местоположение был резкий запах реки. Точнее, широкой полосы черного ила, растянувшейся вдоль линии прилива – обширного пространства, заполненного вязкой жижей. В детстве она наводила на Кэла ужас. Лишь когда он дошел до двузначных цифр в школе, ему разрешили гулять по набережной Бобровой заводи без сопровождения кого-либо из взрослых, который шел обычно между Кэлом и водой.

Торговец приказал ему выйти из машины. Кэл послушался. Трудно не послушаться, когда в лицо тебе смотрит дуло пистолета. Шедуэлл сейчас же вырвал изо рта Кэла сигару и растер подметкой, после чего повел через ворота на обнесенную стеной территорию. Только при виде заваленных мусором оврагов Кэл понял, куда его привезли: муниципальная мусорная свалка. В предыдущие годы на месте городской свалки стали устраивать парк, но теперь у властей не хватало денег, чтобы разбивать здесь газоны. Мусор так и остался мусором. И его вонь – кисло-сладкая вонь разлагающихся овощей – перебивала даже запах реки.

– Стой, – приказал Шедуэлл, когда они достигли какого-то места, на вид ничем не приметного.

Кэл обернулся на голос. Он плохо видел, но Шедуэлл, кажется, убрал свой пистолет. Воспользовавшись моментом, Кэл бросился бежать, не разбирая дороги, в слепой надежде на спасение. Он сделал шага четыре, когда что-то спутало ему ноги и он тяжело упал, задыхаясь. Прежде чем ему удалось подняться, со всех сторон на него двинулись тени – беспорядочная масса конечностей и оскаленных пастей. Они могли принадлежать только детям сестры-призрака. Кэл обрадовался темноте: по крайней мере, он не видел их уродства. Зато он ощущал на себе их конечности, слышал, как их зубы щелкают рядом с его шеей.

Однако они не собирались его пожирать. Подчинившись некоему знаку, которого Кэл не видел и не слышал, они перестали яриться и просто вцепились в него. Кэла держали, растянув руки-ноги так, что хрустели кости, а в нескольких ярдах от него разыгрывался жуткий спектакль.

Там стояла обнаженная женщина, одна из сестер Иммаколаты – в этом Кэл не сомневался. Она мерцала и дымилась, будто ее внутренности пожирал огонь. Но никаких внутренних у нее быть не могло, поскольку совершенно точно не было костей. Ее тело представляло собой столб серого газа, перетянутого окровавленными лохмотьями, и из этого призрачного потока кое-где проступали анатомические подробности: сочащиеся жидкостью груди, раздутый, словно от бесконечно затянувшейся беременности, живот, лоснящееся лицо, сросшиеся до узких щелей глаза. Последнее, без сомнения, объясняло ее неуверенную походку и то, как бесплотные конечности выдвигались из тела, нащупывая дорогу: призрак был слеп.

В свете, исходившем от этой нечестивой матери, Кэл яснее разглядел ее детей. Каких только уродов не было среди них. Вывернутые наизнанку тела демонстрировали полный набор внутренних органов, словно призванные сочиться или сипеть, свешивались, как груди, с тела одного или громоздились петушиным гребнем на голове другого. Однако, несмотря на все их уродства, все головы были в восхищении повернуты к Гнойной Мамаше. Они не моргали,

чтобы не пропустить ни единого мгновения ее присутствия. Она была их матерью, они – ее любящие дети.

Внезапно она испустила крик. Кэл обернулся и снова взглянул на нее. Она присела, широко расставив ноги, и голова ее запрокинулась назад, пока она вопила от боли.

Теперь у нее за спиной появился еще один призрак, такой же голый, как и она сама. Более того, второе привидение не могло похвастать наличием какой-либо плоти. Эта сестра совершенно иссохла, ее груди болтались пустыми мешочками, вместо лица было беспорядочное нагромождение из волос и выбитых зубов. Она поддерживала сидящую на корточках сестру, вопли которой достигли душераздирающей высоты. Когда выпирающее брюхо уже было готово взорваться, между ног мамыши повалил пар. Это зрелище дети приветствовали одобрительными возгласами, оно зачаровывало их. Как и оцепеневшего от ужаса Кэла. Гнойная Мамаша рожала.

Вопль перешел в серию ритмичных криков потише, когда ребенок начал свой путь в мир живых. Она не столько родила, сколько испражнилась им, и он вывалился между ног родительницы, словно большой хнычущий кусок дерьма. Не успел он коснуться земли, как за дело взялась призренная повитуха. Она встала между матерью и зрителями, чтобы очистить тело младенца от обильно покрывавших его выделений. Мать, завершившая труды, поднялась, свет в ее теле угас, и она предоставила ребенка заботам сестрицы.

Шедуэлл снова появился в поле зрения. Посмотрел на Кэла сверху.

– Ты видел? – спросил он шепотом. – Видел, какие ужасы здесь творятся? Я тебя предупреждал. Скажи мне, где ковер, и я позабочусь, чтобы младенец тебя не тронул.

– Я не знаю. Клянусь, не знаю.

Повитуха отошла в сторону. Шедуэлл с выражением притворного сожаления на лице тоже отошел.

В нескольких ярдах от Кэла, в грязи, новый ребенок уже поднимался на ноги. Он был размером с шимпанзе, и с остальными единоутробными братьями его объединяла болезненно извращенная анатомия. Внутренности выпирали из-под кожи, торс местами просвечивал, и кое-где из него торчали наружу кишки. Двойной ряд конечностей свисал с живота, а между ног болталась изрядных размеров мошонка, дымящая, словно кадильница, но лишенная того органа, через который могло бы выплеснуться клокочущее внутри вещество.

Ребенок с самого рождения знал свое предназначение: нагонять ужас.

Хотя его лицо все еще было закрыто последом, слезящиеся глаза отыскивали Кэла. Младенец заковылял к нему.

– О господи...

Кэл озибался в поисках Торговца, но тот испарился.

– Я тебе говорил! – прокричал Кэл в темноту. – Я понятия не имею, где этот чертов ковер!

Шедуэлл ничего не ответил. Кэл закричал снова. Отпрыск Гнойной Мамашы уже подобрался к нему.

– Господи, Шедуэлл, выслушай меня, что тебе стоит?

И тут ребеночек Мамашы заговорил.

– Кэл... – произнес он.

Кэл на мгновение перестал биться в цепких лапах и с недоверием посмотрел на младенца.

Он снова заговорил. Произнес тот же слог:

– Кэл...

Повторяя его имя, отпрыск пальцами стащил пленку с головы. Открывшийся взгляду череп был не вполне целым, но в лице младенца безошибочно угадывалось лицо его отца: это Элрой. При виде знакомых черт посреди такого уродства Кэла пробрал ужас. Когда сынок Элроя протянул к нему руку, Кэл снова закричал. Он почти не сознавал, что именно кричит, умоляя Шедуэлла не подпускать к нему эту тварь.

Единственным ответом был его собственный голос, разнесшийся эхом и затихший. Руки ребенка вытянулись вперед, пальцы впились Кэлу в лицо. Он пытался освободиться, но младенец лишь придвигался ближе, прижимаясь всем своим липким телом. Чем энергичнее Кэл сопротивлялся, тем крепче улюдок к нему прилипал.

Остальные уже отпустили его, оставив новорожденному. Младенец родился лишь несколько минут назад, но сила его была феноменальна, дополнительные руки на животе впились в кожу Кэла. Объятие было таким крепким, что приходилось бороться за каждый вдох.

Улюдок снова заговорил. Его лицо находилось в дюйме от лица Кэла, но голос, выходящий из разорванного рта, принадлежал не его отцу, а Иммаколоте.

– Признайся, – потребовала она. – Расскажи все, что ты знаешь.

– Я просто увидел место... – сказал Кэл, уворачиваясь от слюны, готовый упасть с подбородка улюдка.

Увернуться не удалось. Слюна капнула на щеку и обожгла, словно кипящее сало.

– Ты знаешь, что это за место? – продолжала допрос Иммаколата.

– Нет... – произнес он. – Нет, не знаю...

– Но ты мечтал о нем, верно? Тосковал по нему...

Да, был его ответ. Конечно, он мечтал. Кто не мечтает о рае?

Его мысли мгновенно перенеслись от ужаса настоящего момента к пережитой радости. Кэл вспомнил полет над Фугой, и вид Страны чудес внезапно воспламенил в нем желание сопротивляться. Прекрасные образы, вставшие перед его мысленным взором, необходимо оградить от той мерзости, что окружает его сейчас, от тех, кто создает ее и управляет ею. За это не жалко отдать собственную жизнь. Он ничего не знал о том, где сейчас находится ковер, но был готов погибнуть, лишь бы ни единым словом не помочь Шедуэллу. И пока он жив, он изо всех сил будет противостоять им.

Потомок Элроя, похоже, ощутил обретенную решимость Кэла и еще крепче обхватил его руками.

– Я признаюсь! – выкрикнул Кэл ему в лицо. – Я расскажу все, что вы хотите знать!

И тут же начал говорить.

Однако он говорил вовсе не то, что они хотели услышать. Вместо признания он принялся пересказывать расписание поездов, висевшее на станции «Лайм-стрит». Кэл знал его наизусть. Он начал заучивать его в одиннадцать лет, увидев по телевизору человека с фотографической памятью. Тот демонстрировал свои возможности, пересказывая подробности выбранных наудачу футбольных матчей (команды, голы, имена забивших игроков) начиная с тридцатых годов. Это было совершенно бессмысленное умение, но его героический размах сильно впечатлил Кэла. Следующие несколько недель он посвятил запоминанию любой информации, какая попадалась ему на глаза, пока его не осенило, что главное дело его жизни ходит взад-вперед за стеной сада: поезда. Он начал в тот же день с пригородных поездов, и его амбиции возрастали каждый раз, когда ему удавалось без ошибок воспроизвести дневное расписание. Он обновлял имеющуюся информацию в течение нескольких лет, если переделывали расписание движения или отменяли остановки. И в его голове, с трудом соотносящей имена с лицами, до сих пор хранилась эта бесполезная информация, готовая всплыть по первому требованию.

Именно это он им и выдал. Расписание поездов на Манчестер, Кру, Стаффорд, Вулвергемптон, Бирмингем, Ковентри, курорт Челтенхем, Рединг, Бристоль, Эксетер, Солсбери, Лондон, Колчестер, время прибытия и отправления, а еще примечания, если поезд ходит только по воскресеньям или отменяется в дни праздников.

«Я Безумный Муни», – думал он, скандируя расписание поездов звучным ясным голосом, словно обращаясь к крестину.

Его хулиганская выходка застала монстра врасплох. Младенец таращился на Кэла, не в силах понять, почему пленник вдруг перестал бояться.

Иммаколата проклинала Кэла губами своего племянника, изрыгала новые угрозы, но он почти ничего не слышал. Расписания поездов обладали собственным ритмом, и вскоре он полностью отдался ему. Объятия чудовища делались все крепче, еще немного – и у Кэла треснут кости. Но он продолжал говорить, судорожно втягивая воздух перед каждым новым днем и предоставляя языку делать все остальное.

«Это же поэзия, мальчик мой, – заметил Безумный Муни. – Никогда не слышал ничего подобного. Поэзия в чистом виде».

Возможно, так оно и есть. Заголовки дней, строфы часов превратились в поэзию, потому что все они были выплюнуты в лицо смерти.

Кэл знал: они убьют его за сопротивление, как только осознают, что он больше не скажет им ни единого осмысленного слова. Но в Стране чудес наверняка есть ворота для привидений.

Он как раз добрался до шотландского направления: Эдинбург, Глазго, Перт, Инвернесс, Абердин и Данди, – когда краем глаза заметил Шедуэлла. Торговец качал головой, переговариваясь с Иммаколатой. Кажется, о том, что следует побеседовать со старухой. Затем Торговец развернулся и ушел в темноту. Они бросили своего пленника. До *coup de grace*⁵ остались считанные секунды.

Кэл ощутил, что хватка ослабла. Он на мгновение прервал декламацию в предчувствии решающего удара. Но этого не случилось. Наоборот, ублюдок убрал свои руки и заковывал вслед за Шедуэллом, оставив Кэла лежать на земле. Освобожденный, он едва мог пошевелиться: онемевшие конечности свело судорогой.

И вот тогда он понял, что мучения еще не закончены. Кэл почувствовал на лице ледяную испарину, когда к нему двинулась сама мать чудовищного отпрыска Элроя. Он не мог избежать встречи с ней. Она оседлала его, потом наклонилась, придвигая к его лицу свои груди. Мышцы выкручивало судорогами, но боль отошла на задний план, когда Мамаша прижала к его губам сосок. Давно позабытый инстинкт заставил Кэла взять его. Ему в горло брызнула горькая жижа. Он хотел выплюнуть ее, но тело лишилось сил для сопротивления. Хуже того – он чувствовал, что теряет сознание из-за этого последнего извращения.

Кошмар затмила собой мечта. Он лежал на спине в надушенной постели, а женский голос пел ему какую-то колыбельную без слов. Убаюкивающий ритм сочетался с нежным прикосновением к телу. Пальцы ласкали его живот и чресла. Пальцы были холодны, но знали больше приемов, чем опытная шлюха. Эрекция возникла через мгновение, а через две секунды он уже стонал. Он никогда не ощущал подобной беззаботности, доходя до точки, откуда нет возврата. Его стоны перешли в крики, но колыбельная заглушала их, напев из детской насмехался над его мужским естеством. Кэл был беспомощным младенцем, несмотря на эрекцию или благодаря ей. Прикосновения стали более требовательными, его крики – более настойчивыми.

В какой-то миг судороги вырвали его из сна, и Кэл долго моргал, прежде чем осознал, что пребывает в могильных объятиях сестрицы. Затем удушливое оцепенение снова навалилось на него, и он упал в пустоту столь глубокую, что она поглотила не только его семя, но и колыбельную, и поющий голос, и его сон.

* * *

Он проснулся один, в слезах. Осторожно расслабляя каждую мышцу, вытянулся и поднялся на ноги.

На часах было девять минут третьего. Последний вечерний поезд давным-давно отошел от платформы на Лайм-стрит, а до первого воскресного еще много часов.

⁵ «Удар милосердия», последний добивающий удар (фр.).

VI Больные души

1

Мими то просыпалась, то вновь засыпала. Но теперь эти состояния были очень похожи друг на друга: сны расстраивали ее и тревожили, а наяву преследовали обрывки мыслей, которые растворялись, оставляя после себя совершенную чепуху, точно сны. В какое-то мгновение Мими была уверена, что в углу палаты плачет маленький ребенок, пока не вошла медсестра и не утерла слезы с ее собственных глаз. В другой раз она увидела, словно сквозь заляпанное грязью окно, некое место. Мими знала его, но потеряла, и ее старые кости заныли от желания оказаться там.

А затем пришло новое видение. Наперекор всем вероятностям Мими надеялась, что оно-то как раз окажется сном, однако напрасно.

– Мими? – произнесла темная женщина.

Паралич, сковавший Мими, затуманил ее зрение, но все-таки она узнала возникший в изножье кровати силуэт. После стольких лет, проведенных наедине с ее тайной, кто-то из Фуги все-таки разыскал ее. Но этой ночью не будет места для слез и объятий от радости воссоединения ни с этой посетительницей, ни с ее мертвыми сестрами.

Инкантатрикс Иммаколата явилась сюда исполнить обещание, данное еще до того, как была спрятана Фуга: если она не сможет править ясновидцами, то уничтожит их. Иммаколата всегда говорила, что является потомком Лилит и последней прямой наследницей первозданной магии. Значит, ее власть неоспорима. Но они посмеялись над ее самонадеянностью. Они не подчинялись никому и не придавали значения генеалогии. Иммаколата была унижена, а такие женщины, как она – надо признать, что Иммаколата владела силами куда более действенными, чем большинство сил, – не так легко забывают унижение. И вот теперь она отыскивала последнюю из хранителей ковра, а стоит ей добраться до него, как прольется кровь.

Целую вечность назад совет показал Мими кое-какие приемы древней науки, дабы она во всеоружии встретила события, подобные нынешним. Это были самые незначительные тайны, ничего особенного, просто приемы, способные отвлечь внимание врага. Только отвлечь, не сокрушить. На что-то более серьезное у них не хватало времени. Однако Мими была благодарна и за это. В этих уроках она находила хоть немного утешения, учитывая, что впереди ее ждала целая жизнь в Королевстве чокнутых без ее возлюбленного Ромо. Но годы шли, и никто не приходил – ни для того, чтобы рассказать ей, что ожидание окончено, Сотканный мир готов раскрыть свои тайны; ни для того, чтобы забрать Фугу силой. Волнения первых лет, когда Мими осознавала, что охраняет магию от уничтожения, сменились томительным периодом бдительности. Она стала ленивой и забывчивой. Все они стали такими.

Только под конец, когда Мими осталась одна, она осознала свою слабость, стряхнула с себя оцепенение, вызванное жизнью среди чокнутых, и обратила всю силу ума на решение проблемы: как и дальше сохранить тайну, которой посвящена вся ее жизнь. Но к тому времени ее сознание уже расплывалось, и это был первый симптом приближения парализовавшего ее удара. Полтора дня ушло на то, чтобы собраться с мыслями и написать Сюзанне коротенькое письмо. В этом послании Мими рискнула изложить больше, чем ей хотелось бы, потому что время поджимало и она ощущала близость опасности.

Она оказалась права: вот эта опасность. Иммаколата, должно быть, почувствовала сигналы, которые в те дни посылала Мими: призывы к затерянным среди этого мира ясновидцам, способным прийти ей на помощь. И это, вместе с непредусмотрительностью, стало самой

большой ее ошибкой. Маг-инкантатрикс, обладающий силой Иммаколаты, не мог не заметить подобных сигналов.

И вот она явилась навестить Мими, как заблудшее дитя, желающее припасть к смертному одру родителя и заявить права на наследство. Иммаколата тоже увидела этот образ.

– Я сказала медсестре, что я твоя дочь, – сообщила она, – и что мне нужно немного побыть с тобой. Наедине.

Мими сплюнула бы от отвращения, если бы у нее остались силы для плевка.

– Я знаю, что ты умираешь, поэтому пришла попрощаться, хоть и через столько лет. Ты не можешь говорить, так что я не надеюсь услышать, как ты бормочешь признание. Есть и иные способы. Все, что заключено в сознании, можно выставить напоказ и без слов.

Она немного придвинулась к кровати.

Мими понимала, что инкантатрикс права. Тело, даже такое дряхлое и близкое к смерти, можно заставить выдать все его тайны, если знать нужные методы. А Иммаколата их знала. Она, убийца собственных сестер; она, вечная девственница, чье целомудрие открывало доступ к силам, неподвластным любовникам, – она знала способы. Мими придется напоследок придумать какой-то фокус, иначе все потеряно.

Краем глаза Мими видела Каргу, сгнившую сестру Иммаколаты. Та прислонилась к стене, широко раззявив беззубую пасть. Магдалена, вторая сестра, сидела на стуле для посетителей, широко расставив ноги. Они ждали начала потехи.

Мими раскрыла рот, словно пыталась заговорить.

– Хочешь что-то сказать? – поинтересовалась Иммаколата.

Пока инкантатрикс задавала свой вопрос, Мими собрала все силы и развернула левую руку ладонью вверх. Там, в сплетении линий жизни и любви, был символ, нарисованный хной и множество раз обведенный, так что теперь пятно невозможно вывести с кожи. Этот символ показал ей Бабу, один из совета, за несколько часов до того, как началось великое творение Сотканного мира.

Что он означает и как действует, Мими давным-давно забыла (если ей вообще говорили об этом), но он служил для ее защиты, в каком бы состоянии она ни находилась.

Способы Ло требовали физических усилий, а Мими была парализована. Аяя пользовались музыкой, а Мими, лишенная музыкального слуха, позабыла их в первую очередь. Ясно-видцы Йе-ме, чей гений заключался в способности ткать, вообще не передали ей ни одного способа защиты. В те последние суматошные дни они были слишком заняты своим главным творением – ковром, в котором Фуге предстояло укрыться от взглядов на долгое время.

Да и большая часть того, чему научил ее Бабу, сейчас была не под силу Мими. Словесные способы защиты бессмысленны, если твои губы не могут пошевелиться. Оставалось одно – этот затертый знак, как пятнышко грязи на парализованной руке, не позволявший Иммаколате подойти.

Однако ничего не произошло. Ни выброса силы, ни малейшего выдоха. Мими пыталась вспомнить, что говорил Бабу про начальный толчок, но в голове всплывали лишь его лицо и улыбка. Он улыбался, и сквозь крону дерева у него за головой лились солнечные лучи. Какие прекрасные дни! Она была такой юной, и все казалось настоящим приключением.

Теперь Мими не ждала никаких приключений. Впереди лишь смерть на стылой постели.

И вдруг раздался рев. С ее ладони – быть может, высвобожденная воспоминанием – сорвалась волна силы.

Шарик энергии соскочил с ладони. Иммаколата отошла назад, когда гудящий сгусток света закружился вокруг кровати, удерживая зло на расстоянии.

Инкантатрикс быстро нашлась чем ответить. Из ее ноздрей заструился менструум, поток пронзительной тьмы, живший в ее хрупком теле. Проявления этой силы Мими наблюдала не больше дюжины раз за свою жизнь. Она присуща только женщинам: эфирный растворитель, в

котором, как говорили, его обладательница способна утопить весь свой прежний опыт, а потом возродить в образе нынешнего желания. Если древняя наука была магией демократической, доступной для всех, вне зависимости от пола, возраста или моральных устоев, то менструум якобы избирал своих фавориток сам. Многие совершили самоубийство по его требованию или под влиянием вызванных им видений. Вне всяких сомнений, для этой силы или состояния плоти не было никаких границ.

Потребовалось лишь несколько капель: поверхности маленьких сфер заострились в воздухе, разрывая сеть, созданную заклинанием Бабу, чтобы Мими осталась без всякой защиты.

Иммаколата смотрела на пожилую женщину сверху вниз, опасаясь ее дальнейших действий. Без сомнения, совет снабдил хранительницу какими-то особыми заклинаниями, чтобы применить их в экстремальной ситуации. Именно поэтому Иммаколата требовала от Шедуэлла испытать все возможные способы поиска, чтобы избежать смертельно опасного противостояния. Но все способы привели в тупик. Из дома на Рю-стрит сокровище украли. Муни, единственный свидетель, свихнулся. Иммаколате пришлось явиться сюда и предстать перед хранительницей, подвергаясь опасности не от самой Мими, а от методов защиты, какими совет наверняка оградил ее.

– Давай дальше, – пробормотала она, – переходи к самому худшему.

Старуха не двигалась, а ее взгляд выражал отвращение.

– Нельзя же тянуть вечно, – произнесла Иммаколата. – Если у тебя есть защита, покажи ее.

Мими просто лежала, словно самоуверенный человек, обладающий доступом к безграничной силе.

Иммаколата больше не могла выносить ожидание. Она сделала шаг к кровати в надежде заставить эту суку показать свои способности, каковы бы они ни были. И снова не увидела никакой реакции.

Может быть, она неверно истолковала выражение лица Мими? Может быть, она лежит так спокойно вовсе не от самоуверенности, а от отчаяния? Можно ли надеяться, что хранительница каким-то чудесным образом оказалась беззащитна?

Иммаколата коснулась раскрытой ладони Мими, провела пальцем по затертому рисунку. Сила, заключенная в нем, изошла. Больше ничто не отделяло ее от женщины, лежащей на кровати.

Если до сих пор Иммаколата не знала, что такое удовольствие, то сейчас она это узнала. Невероятно, но хранительница была беспомощна. У нее не нашлось никакого финального разрушительного заклятия. Если она когда-либо и обладала силой, то возраст уничтожил ее.

– Пришло время откровений, – произнесла Иммаколата, позволяя капле из потока взмыть в воздух над трясущейся головой Мими.

2

Дежурная медсестра посмотрела на часы на стене. Прошло полчаса с тех пор, как она вышла из палаты, оставив заплаканную дочь миссис Лашенски с ней наедине. Строго говоря, она должна была перенести этот визит на следующее утро, но женщина добиралась до больницы всю ночь, а кроме того, пациентка могла и не дотянуть до рассвета. Иногда приходится нарушать правила, однако тридцати минут вполне достаточно.

Когда медсестра двинулась по коридору, из палаты пожилой женщины донесся крик и грохот перевернутой мебели. Сестра бросилась к двери. Ручка была липкая и наотрез отказывалась поворачиваться. Сестра забарабанила в дверь, поскольку шум в палате становился все громче.

– Что у вас происходит? – кричала она.

А в палате инкантатрикс смотрела сверху вниз на мешок старых костей и иссохшей плоти, лежавший на кровати. Откуда эта старуха нашла силу воли, чтобы отказать ей? Сопротивляться колющим иглам вопросов, когда менструум затекал ей в рот, добираясь до каждой ее мысли?

Совет сделал верный выбор, назначив Мими одной из трех хранителей Сотканного мира. Даже теперь, когда менструум снял печати с ее разума, она готовилась к последнему, абсолютному, противостоянию. Она готовилась умереть. Иммаколата видела, что она желает, чтобы смерть пришла до того, как иглы выпустят наружу ее тайны.

Призывы медсестры с другой стороны двери становились все настойчивее и пронзительнее:

– Откройте дверь! Прошу вас, скорее откройте дверь!

Время уходит. Не обращая внимания на крики сестры, Иммаколата закрыла глаза и покопалась в прошлом. Она надеялась, что этот ворох образов продлит жизнь разума старухи достаточно, чтобы иглы успели сделать свое дело. Первую часть видения Иммаколата сотворила быстро: образ смерти из ее единственного настоящего убежища в Королевстве, из усыпальницы. Другая часть была более сложной, поскольку Иммаколата всего раз или два видела мужчину Мими, оставшегося в Фуге. Но менструум имеет свои способы оживлять память. Есть ли лучшее доказательство могущества иллюзии, чем выражение лица старухи, когда ее давно потерянная любовь возникла в ногах кровати и протянула к ней гниющие руки? Иммаколата приготовилась и нацелила вопросы прямо в мозг хранительницы, но, прежде чем она успела отыскать там ковер, Мими последним титаническим усилием вцепилась в простыню парализованной рукой и оттолкнулась, устремляясь навстречу призраку, красноречивому наваждению инкантатрикс.

После чего упала с кровати и умерла, не успев коснуться пола.

Иммаколата взвизгнула от ярости, и в этот миг медсестра широко распахнула дверь.

О том, что она увидела в пятой палате, она не рассказывала никому до конца своих дней. Отчасти из-за того, что боялась наказания, отчасти потому, что если ее глаза не лгали и в мире действительно существуют такие ужасы, какие она мельком увидела в палате Мими Лашенски, то сами разговоры о них могут приблизить их приход. А она, обычная современная женщина, не умела молиться и не знала никаких способов уберечься от этой тьмы.

Кроме того, кошмар растворился у нее на глазах. Обнаженная женщина и мертвый мужчина в ногах кровати исчезли, будто их никогда не было. В палате осталась только дочь, приговаривающая: «Нет... нет...» – и мертвая мать на полу.

Но когда она вошла в палату, безутешная дочь уже сказала матери прощальное «прости» и ушла.

3

– Что случилось? – спросил Шедуэлл на обратном пути из больницы.

– Она умерла, – проронила Иммаколата и больше не произнесла ни слова, пока они не удалились на две мили от ворот.

Шедуэлл слишком хорошо знал ее, чтобы настаивать. Она расскажет сама, когда придет время. Что она и сделала.

– У нее не было никакой защиты, Шедуэлл, не считая одного жалкого трюка, которому я научилась еще в колыбели.

– Разве такое возможно?

– Может быть, она просто состарилась, – последовал ответ Иммаколата. – Ее разум сгнил.

– А что с остальными хранителями?

– Кто знает? Может быть, умерли. Скитаются по Королевству. Под конец она осталась совсем одна, – инкантатрикс улыбнулась, хотя улыбка была незнакома ее лицу. – Я так осто-

рожничала, так предусмотрительно себя вела, так боялась, что она знакома со смертельными заклинаниями. А у нее не было ничего! Ничегошеньки. Обычная старуха, умирающая на больничной постели.

– Если она последняя, значит, нас больше никто не остановит? Нет никого, кто помешал бы нам добраться до Фуги.

– Похоже, так, – отозвалась Иммаколата, затем снова погрузилась в молчание, с удовольствием наблюдая, как за стеклом скользит спящее Королевство.

Оно по-прежнему забавляло ее, это скорбное место. Не внешними особенностями, а непредсказуемостью.

Они состарились здесь, хранители Сотканного мира. Те, кто любил Фугу так сильно, что посвятил жизнь ее защите, в итоге утомились от вечного бдения и сделались забывчивыми.

Зато ненависть все помнит. Ненависть помнит даже тогда, когда любовь потеряла память. Иммаколата – живое тому доказательство. Ее цель – отыскать Фугу и вырвать ее сияющее сердце – была ясна и после поисков, затянувшихся на целую человеческую жизнь.

Поиски скоро завершатся. Фуга будет найдена и выставлена на аукцион, ее земли сделают игровыми площадками для чокнутых, а ее народы, четыре великие семьи, продадут в рабство или обрекут на вечное скитание по этому безнадежному миру. Иммаколата оглядела город. Слабый свет омывал асфальт и кирпич, прогоняя остатки очарования, которое придавала улицам ночь.

Магия ясновидцев недолго продержится в таком мире. А кто они без своих заклинаний? Потерянные люди, преследуемые видениями, но не способные их оживить.

Они могли бы о многом поговорить с этим тусклым жалким городом.

VII Шкаф

1

За восемь часов до смерти Мими в больнице Сюзанна вернулась в дом на Рю-стрит. Спускался вечер, дом был насквозь пронизан лучами янтарного света, его мрачность почти исчезла. Но радость длилась недолго. Солнце закатилось, и Сюзанне пришлось зажечь свечи – они во множестве стояли на подоконниках и шкафах, утопленные в могилах своих предшественников. Иллюминация получилась более яркой, чем ожидалось, и более торжественной. Сюзанна переходила из комнаты в комнату, ощущала запах тающего воска и почти понимала, как Мими могла быть счастлива здесь, в своем коконе.

Того узора, что показала ей бабушка, она не нашла нигде. Ни в рисунке половиц, ни на обоях. Что бы это ни было, оно исчезло. Сюзанна предпочитала не думать о предстоящей печальной необходимости сообщить об этом бабушке.

Зато она нашла тот самый шкаф за горой мебели на лестничной площадке. Ей потребовалось время, чтобы разобрать сложенные перед ним вещи; зато когда она наконец поставила свечу на пол и распахнула дверцы, ее ожидало настоящее откровение.

Стервятники, обчистившие дом, забыли изучить содержимое шкафа. Одежда Мими до сих пор висела на плечиках: пальто, меха, бальные платья – все, кажется, ни разу не надевалось с того дня, когда Сюзанна обнаружила хранившийся здесь клад. Эта мысль напомнила ей о том, что она ищет на этот раз. Сюзанна присела на корточки. Она убеждала себя, что нелепо предполагать, будто ее подарок остался лежать на прежнем месте, и все-таки не сомневалась, что так оно и есть.

Она не была разочарована. Внизу, среди туфель и отрезков ткани, обнаружился сверток, упакованный в простую оберточную бумагу с надписанным сверху ее именем. Подарок задержался в пути, но не пропал.

У нее задрожали руки. Узел выпетшей ленты долго не поддавался, но все-таки развязался. Сюзанна сняла бумагу.

Внутри оказалась книга. Не новая, судя по обтрепанным уголкам, в красивом кожаном переплете. Сюзанна раскрыла ее. К изумлению девушки, книга оказалась на немецком. *Geschichten der Geheimen Orte*, называлась она, и Сюзанна неуверенно перевела это как «Истории о таинственных местах». Но даже если бы она совсем не понимала языка, иллюстрации не оставляли сомнений: это книга сказок.

Сюзанна присела на верхнюю ступеньку, поставив рядом свечу, и принялась внимательно изучать книгу. Сказки, конечно же, были знакомые, она встречала их в том или ином варианте сотни раз. Она видела их вариации в голливудских мультфильмах и эротических легендах, они служили предметом диссертаций и нападок феминисток. Но очарование историй не могли разрушить ни коммерция, ни наука. Ребенок, живущий в душе Сюзанны, желал услышать все эти сказки еще раз, хотя каждый поворот сюжета она помнила наизусть и вспоминала окончание раньше, чем успевала прочесть первую строку. Но это конечно же не имело никакого значения. Ведь их сила отчасти и заключалась в их предсказуемости. Есть истории, которые несколько не надоедают от пересказов.

Она многое почерпнула из жизненного опыта: в большинстве случаев жди беды. А эти истории давали совсем другие уроки. Например, в том, что сон похож на смерть, не было ничего поразительного, однако то, что с помощью поцелуев можно смерть превратить в обыкновенный сон... это знание совершенно иного порядка. Ты выдаешь желаемое за действительное, ругала себя Сюзанна. В настоящей жизни нет никаких чудес. Если хищному зверю распороть живот, его жертвы не выйдут оттуда целыми и невредимыми. Крестьянин не станет в одночасье принцем, а зло не рассеется от единения любящих сердец. Все это просто иллюзии, и суровый прагматик, каким воспитала себя Сюзанна, предпочитал держаться от них подальше.

Однако сказки трогали ее сердце. Сюзанна не могла этого отрицать. Такое впечатление производят только истинные ценности. Вовсе не из сентиментальности у нее на глазах выступили слезы. Эти сказки не были сентиментальными. Они были суровыми, даже жестокими. Нет, она плакала, потому что книга напомнила о внутренней жизни, так хорошо знакомой ей в детстве. В той жизни были чудесные спасения и месть, боль и разочарования; она не казалась тошнотворной или непознаваемой. Эту жизнь в выдуманном мире с привидениями и полетами Сюзанна предпочла забыть, когда решила стать взрослой.

Более того, в мифологии сказок она отыскала образы, позволившие ей понять причину нынешнего смятения чувств.

Из-за странной истории, случившейся с ней после приезда в Ливерпуль, все ее прежние убеждения обратились в хаос. Но на страницах книги она увидела возможность бытия, где ничто окончательно не утверждено. Здесь правила магия, несущая с собой превращения и чудеса. Сюзанна уже бродила по такому миру, совершенно не ощущая себя потерянной, и запросто могла сойти за одного из местных жителей. Если бы она сумела поставить это безрассудство выше разума, если бы она позволила ему вести себя через лежащий впереди лабиринт, возможно, ей удалось бы понять те силы, которые – она знала это – затаились рядом и ждут.

Но ей было больно отказываться от своего прагматизма. Он очень поддерживал ее в тяжелые времена. Перед лицом потерь и скорби Сюзанна оставалась хладнокровной и мыслила рационально. Даже когда умерли ее родители, разобщенные неким предательством (о нем не говорилось вслух, и оно не позволяло им даже в самом конце поддерживать друг друга), она справилась с этим, погрузившись с головой в насущные дела, пока не миновало самое худшее.

Теперь же книга манила Сюзанну химерами и волшебством, в ней ее привлекали сплошные неясности и вечное движение, а прагматизм обесценивался. Прагматизм стал бессмысленным. Несмотря на весь опыт потерь, компромиссов и поражений, Сюзанна снова оказалась здесь, в лесу, где девочки приручают драконов, и у одной из них по-прежнему было ее лицо.

Пробежав глазами три или четыре сказки, она вернулась к началу книги в поисках указаний.

«Для Сюзаннны, – гласила дарственная надпись. – С любовью от М. Л.».

Надпись была сделана на одной странице со старинной сентенцией:

Das, was man sich vorstellt, brauch man nie zu verlieren.

Сюзанна продиралась сквозь фразу, полузабытый немецкий давался ей с трудом. В ее приблизительном переводе фраза звучала так:

«То, что можно вообразить, никогда не умрет».

Получив столь туманное наставление, Сюзанна вернулась к сказкам. Иллюстрации в книге походили на грубоватые гравюры, но при ближайшем рассмотрении там обнаружились многочисленные художественные ухищрения. Рыбы с человеческими лицами выглядывали над гладкой поверхностью пруда, два незнакомца на пиру обменивались репликами, обретавшими контуры в воздухе у них над головами, посреди дремучего леса между деревьями прятались люди, и из ветвей смотрели их бледные выжидающие лица.

Сюзанна забыла о времени. Просмотрев книгу от корки до корки, она на минутку закрыла глаза, чтобы дать им отдых, и ее сморил сон.

Когда она проснулась, оказалось, что ее часы остановились чуть позже двух. Фитиль рядом с ней моргал в луже воска, готовый вот-вот захлебнуться. Она поднялась и похромала по лестничной площадке, пока не отошли затекшие ноги, затем отправилась в дальнюю спальню, чтобы поискать еще свечей.

Одна свечка нашлась на подоконнике. Сюзанна подошла туда и заметила внизу во дворе какое-то движение. Сердце заколотилось, но она стояла совершенно неподвижно, чтобы не привлекать к себе внимания, и наблюдала. Человек был скрыт тенью. Только когда он обогнул угол двора, сияние звезд осветило его, и Сюзанна узнала молодого человека, бежавшего отсюда накануне.

Она взяла новую свечу и пошла вниз. Ей хотелось поговорить с этим человеком, выяснить причину его бегства и узнать, кто такие его преследователи.

Когда Сюзанна вышла во двор, он выскочил из темного угла и метнулся к задним воротам.

– Постойте! – крикнула она ему вслед. – Это Сюзанна.

Ее имя не могло ничего для него значить, но он все-таки остановился.

– Кто? – переспросил он.

– Я видела вас вчера. Вы убегали...

Девушка из прихожей, вспомнил Кэл. Та, которая встала между ним и Торговцем.

– Что с вами случилось? – спросила она.

Кэл выглядел ужасно. Одежда разодрана, лицо в грязи и, как показалось Сюзанне, в крови.

– Я не знаю, – ответил он хриплым голосом. – Я больше ничего не знаю.

– Может быть, зайдете в дом?

Кэл не двинулся с места.

– А давно вы здесь? – спросил он.

– Несколько часов.

– И в доме никого нет?

– Кроме меня, никого.

После такого заверения он пошел вслед за ней к задней двери. Сюзанна зажгла еще несколько свечей. При свете ее предположения подтвердились: он действительно был в крови, и от него разило канализацией.

– Здесь есть проточная вода? – спросил он.

– Не знаю, но можно посмотреть.

Им повезло: водопроводная компания еще не отключила воду. Кухонный кран дергался, трубы стонали, но в конце концов все-таки хлынул поток ледяной воды. Кэл снял пиджак и принялся отмывать руки и лицо.

– Я поищу полотенце, – сказала Сюзанна. – Кстати, как вас зовут?

– Кэл.

Она вышла. Кэл стащил с себя рубаху и вымыл холодной водой грудь, шею и спину. Он еще мылся, когда Сюзанна вернулась с наволочкой в руках.

– Вот единственное подобие полотенца, какое мне удалось отыскать, – сообщила она.

Она принесла в нижнюю гостиную два стула и зажгла в комнате несколько свечей. Они сели рядом и начали разговор.

– Почему вы вернулись? – хотела знать Сюзанна. – После вчерашнего.

– Я кое-что видел здесь, – осторожно пояснил Кэл. – А вы? Что здесь делаете вы?

– Это дом моей бабушки. Она в больнице. Умирает. Я вернулась, чтобы осмотреть дом.

– Те двое, которых я видел вчера... – произнес Кэл. – Они друзья вашей бабушки?

– Сомневаюсь. Чего они от вас хотели?

Кэл знал, что с этого момента ступает на топкую землю. Как рассказать о радостях и страхах, пережитых за последние дни?

– Это непросто... – начал он. – То есть я не уверен, что случившееся со мною имеет какое-то особенное значение.

– Это касается нас обоих, – сказала Сюзанна.

Он смотрел на свои руки, как хиромант, изучающий будущее. Сюзанна рассматривала его. Торс Кэла был покрыт глубокими царапинами, будто он дрался с волками.

Когда он поднял на нее светло-голубые глаза с черными ресницами, то заметил ее пристальный взгляд и слегка покраснел.

– Вы сказали, что видели здесь кое-что, – напомнила она. – Может быть, расскажете, что именно?

Это был простой вопрос, и Кэл не видел причин не отвечать на него. Если она не поверит, это ее проблемы, а не его. Но она поверила. Более того, когда он начал описывать ковер, ее глаза широко раскрылись и тревожно заблестели.

– Ну конечно, – сказала он. – Ковер. Разумеется.

– Вы что-то знаете о нем? – спросил он.

Она рассказала ему, что произошло с ней в больнице, и об орнаменте, который старалась показать ей Мими.

Все сомнения относительно того, стоит ли рассказывать историю полностью, отпали. Кэл поведал о своем приключении начиная с того момента, когда улетел голубь. Рассказал о том, как увидел Фугу, о Шедуэлле и его пиджаке, об Иммаколате, о вырождаках, об их матери и повитухе, о событиях на свадьбе и после нее. Сюзанна вставляла в его повествование свои собственные интерлюдии: о том, как Мими жила в этом доме с запертыми дверьми и заколоченными гвоздями окнами, будто в крепости в ожидании осады.

– Должно быть, она знала, что рано или поздно кто-то явится за ковром.

– Не за ковром, – поправил Кэл. – За Фугой.

Она видела, как мечтательно заблестели его глаза, и позавидовала тому, что он хотя бы мельком видел это место, его холмы, озера, дремучие леса.

«Не заметил ли ты среди тех деревьев девушек, укрощающих драконов своей песней?» – хотела спросить она.

Но кое-что она должна выяснить сама.

– Так, значит, ковер – это дверь, верно? – спросила Сюзанна.

– Я не знаю, – ответил он.

– Хорошо бы спросить у Мими. Может быть, она...

Не успела она закончить фразу, как Кэл вскочил на ноги.

– О господи! – Только сейчас он вспомнил, как Шедуэлл на свалке говорил о необходимости потолковать со старухой.

Он имел в виду Мими, кого же еще! Натягивая рубаху, Кэл рассказал об этом Сюзанне.

– Нам срочно нужно ехать к ней, – воскликнул он. – Господи! Как же я не подумал?

Его волнение было заразительным. Сюзанна задула свечи и оказалась у входной двери раньше него.

– Думаю, в больнице Мими в полной безопасности, – заметила она.

– Никто не в безопасности, – отозвался Кэл, и она поняла, что он прав.

Уже на лестнице Сюзанна вдруг вспомнила что-то и ушла в дом, вернувшись через минуту с потрепанной книгой в руках.

– Дневник? – спросил Кэл.

– Карта, – ответила она.

VIII

Идя по ниточке

1

Мими умерла.

Ее убийцы пришли, а затем исчезли в ночи, оставив искусно созданную дымовую завесу, чтобы скрыть свое преступление.

– В смерти вашей бабушки нет ничего таинственного, – настаивал доктор Чей. – Болезнь быстро прогрессировала.

– Прошлой ночью здесь кто-то был.

– Верно. Ее дочь.

– У нее только одна дочь – моя мать. И она умерла два с половиной года назад.

– Кто бы здесь ни был, он не причинил миссис Лащенски никакого вреда. Ваша бабушка умерла от естественных причин.

Нет смысла спорить дальше, осознала Сюзанна. Все дальнейшие попытки объяснить, на чем основаны ее подозрения, завершатся конфузом. Кроме того, смерть Мими породила еще один виток загадок. И главная среди них: что знала старая женщина и кем она была, если кто-то ее убрал?

И какую из ее тайн Сюзанна обязана теперь принять на себя? Второй вопрос естественно вытекал из первого, и оба они остались без ответа после смерти Мими. Единственным источником информации может быть существо, не погнушавшееся убить старуху на смертном одре: Иммаколата. А к противостоянию с ней Сюзанна была совершенно не готова.

Они вышли из больницы и пошли пешком. Сюзанну била дрожь.

– Может, нам перекусить? – предложил Кэл.

Было еще только семь утра, но им удалось найти кафе, где подавали завтрак, и они заказали себе гигантские порции. Яичница с беконом, тосты и кофе немного подкрепили обоих, хотя бессонная ночь все еще давала о себе знать.

– Я должна позвонить дяде в Канаду, – сказала Сюзанна. – Сообщить ему о том, что произошло.

– Всё? – спросил Кэл.

– Нет, конечно, – покачала головой Сюзанна. – Это останется между нами.

Кэл был рад это слышать. Ему не нравилась мысль об огласке, а общая тайна их сближала. Сюзанна совершенно не походила на тех женщин, которых он встречал до сих пор. Никаких личин, никаких заигрываний. За одну ночь признаний и это печальное утро они внезапно стали товарищами по тайне. И даже если эта тайна смертельно опасна, он согласен рискнуть ради возможности находиться в обществе Сюзанны.

– Мими не будут оплакивать, – говорила она. – Ее никто не любил.

– Даже ты?

– Я никогда ее не знала, – ответила Сюзанна и вкратце описала жизнь своей бабушки. – Мими была не такая, как все, – завершила она рассказ. – И теперь мы знаем почему.

– Что снова возвращает нас к ковру. Нам надо пойти по следу тех грузчиков.

– Сначала тебе нужно поспать.

– Нет. У меня открылось второе дыхание. Но я действительно хочу зайти домой. Надо покормить голубей.

– А они не подождут несколько часов?

Кэл нахмурился.

– Если бы не они, – заметил он, – меня бы здесь не было.

– Извини. Не возражаешь, если я пойду с тобой?

– Буду рад. Может, твое присутствие заставит отца улыбнуться.

2

Оказывается, Брендан сегодня только и делал, что улыбался. С того дня, когда заболела Эйлин, Кэл не видел отца таким счастливым. Перемена была разительная. Брендан пригласил сына и его спутницу в дом, просто светясь от радости.

– Хотите кофе? – спросил он и тут же умчался в кухню. – Кстати, Кэл, заходила Джеральдин.

– Зачем?

– Принесла какие-то книги, которые ты ей давал. Сказала, что они ей больше не нужны, – Брендан отвернулся от кофеварки и внимательно посмотрел на Кэла. – Она сказала, что ты вел себя как-то странно.

– Должно быть, голос крови, – произнес Кэл, и отец снова улыбнулся. – Пойду взглянуть на птиц.

– Я уже кормил их сегодня. И чистил клетки.

– Так ты действительно чувствуешь себя лучше?

– Почему бы нет? – отозвался Брендан. – Ведь обо мне заботятся.

Кэл кивнул, не вполне его понимая. Затем повернулся к Сюзанне.

– Хочешь посмотреть на чемпионов? – спросил он, и они вышли из дома.

Начало дня выдалось прекрасное.

– Что-то странное творится с отцом, – заметил Кэл, когда они шли по заросшей тропинке к голубятне. – Два дня назад он был на грани самоубийства.

– Возможно, самое трудное время наконец прошло, – предположила Сюзанна.

– Возможно, – кивнул Кэл, открывая дверь голубятни.

В этот момент загрохотал поезд, и земля затряслась.

– Девять двадцать пять до Пензанса, – объявил Кэл, приглашая девушку войти.

– Неужели это не пугает птиц? – спросила она. – Жить так близко к железной дороге.

– Они привыкли еще в яйце, – ответил Кэл и пошел здороваться с голубями.

Сюзанна наблюдала, как он разговаривает с ними, просовывая пальцы через проволоочную сетку. Станный тип, безусловно, но не более странный, наверное, чем она сама. Ее удивляло то спокойствие, с каким они оба принимали нечто, не поддающееся осмыслению, внезапно вошедшее в их жизнь. Они стоят, чувствовала Сюзанна, на некоем пороге, а за этим порогом без маленьких странностей не обойтись.

Кэл внезапно отвернулся от клетки.

– Гилкрайст, – произнес он с дикой ухмылкой. – Я только что вспомнил. Они говорили о парне по фамилии Гилкрайст.

– Кто говорил?

– Грузчики. Когда я сидел на стене. Господи, ну да! Я посмотрел на голубей и вспомнил. Я сидел на стене, а они говорили о том, чтобы продать ковер кому-то по фамилии Гилкрайст.

– Значит, он нам и нужен.

Кэл тут же вернулся в дом.

– У нас нет ничего к чаю... – начал Брендан, когда его сын понесся к телефону в прихожей. – Что за спешка?

– Ничего особенного, – успокоила его Сюзанна.

Брендан налил ей чашку кофе, пока Кэл листал телефонный справочник.

– Вы ведь нездешняя? – поинтересовался Брендан.

– Я живу в Лондоне.

– Никогда не любил Лондон, – сообщил он. – Бездушное место.

– У меня студия на Мьюсуэлл-хилл. Вам бы там понравилось.

Брендан смотрел озадаченно, и Сюзанна пояснила:

– Я делаю керамику.

– Нашел! – объявил Кэл, держа в руке справочник. – К. У. Гилкрайст, – прочитал он. – Продавец подержанных вещей.

– А что случилось? – поинтересовался Брендан.

– Я позвоню ему, – сказал Кэл.

– Сегодня воскресенье, – напомнила Сюзанна.

– Многие подобные места открыты по воскресеньям, – возразил он и вернулся в прихожую.

– Вы собираетесь что-то купить? – спросил Брендан.

– Можно сказать и так, – ответила Сюзанна.

Кэл набрал номер. Трубку на другом конце взяли тотчас же. Женский голос произнес:

– Гилкрайст.

– Здравствуйте, – сказал Кэл. – Я бы хотел поговорить лично с мистером Гилкрайстом.

Последовала секундная пауза, после чего женщина произнесла:

– Мистер Гилкрайст умер.

Господи, Шедуэлл опередил нас, подумал Кэл. Но секретарша еще не закончила.

– Он умер восемь лет назад, – продолжала она. В ее голосе было меньше эмоций, чем у «говорящих часов». – А по какому вы делу?

– По поводу ковра, – сказал Кэл.

– Вы хотите купить ковер?

– Нет. Не совсем. Кажется, один ковер был отправлен на ваш аукцион по ошибке...

– По ошибке?

– Вот именно. И я хотел бы вернуть его. Как можно скорее.

– В таком случае, боюсь, вам необходимо переговорить с мистером Уайльдом.

– А вы не могли бы соединить меня с мистером Уайльдом?

– Он сейчас на острове Уайт.

– Когда он вернется?

– В четверг утром. Перезвоните ему.

– Уверю вас, мне необходимо...

Он остановился, потому что на другом конце повесили трубку.

– Проклятье, – выругался он. Поднял голову и увидел Сюзанну в дверях кухни. – Там не с кем разговаривать, – он вздохнул. – И как мы будем теперь действовать?

– Как воры в ночи, – негромко ответила она.

3

Когда Кэл с приятельницей ушли, Брендан немного посидел, разглядывая сад. Скоро он примется за него; Эйлин в письме журила мужа за то, что он совсем забросил сад.

Мысли о письме неизменно возвращали его к тому, кто его принес, к небесному посланнику мистеру Шедуэллу.

Не задаваясь вопросом, зачем он это делает, Брендан поднялся и подошел к телефону, сверился с карточкой, оставленной ангелом, и набрал номер. Воспоминания о встрече с Шедуэллом почти затмил яркий свет доставленного Торговцем подарка, но Брендан помнил твердо, что у них есть уговор и что он как-то касается Кэла.

– Мистер Шедуэлл?

– С кем имею честь говорить?

– Это Брендан Муни.

– О, Брендан. Как я рад слышать ваш голос. Вы хотите мне что-то сообщить? Относительно Кэла?

– Он отправился на склад, где держат мебель и все такое...

– Вот оно как. Значит, мы отыщем его и сделаем счастливым. Он был один?

– Нет. С ним женщина. Чудесная женщина.

– Ее имя?

– Сюзанна Пэрриш.

– А как называется склад?

Смутная тень подозрения коснулась Брендана.

– А зачем вам Кэл?

– Я же рассказывал вам. Приз.

– Ах да. Приз.

– Такой, что Кэл задохнется от счастья. Как же называется склад, Брендан? В конце концов, мы заключили сделку. Уговор есть уговор.

Брендан сунул руку в карман. Письмо все еще хранило тепло. Ведь нет ничего дурного в том, что он заключил договор с ангелом? Что может быть безопаснее?

Брендан сказал название склада.

– Они просто пошли за ковром... – начал он.

В трубке раздались гудки.

– Вы меня слышите? – спросил Брендан.

Но божественный посланник, наверное, уже улетел.

IX

Хранители находок

1

Склад подержанной мебели Гилкрайста был кинотеатром в те годы, когда синематографы походили на нелепые дворцы. Нелепым он и остался: фасад в стиле карикатурного рококо, сверху нахлобучен дурацкий купол – вот все, что осталось от его бывшего «великолепия». Он находился на расстоянии полета камня от Док-роуд, единственный действующий объект в этом районе. Все остальные дома либо были заколочены досками, либо сгорели.

Кэл стоял на углу Джамайка-стрит, глядел на этот обломок прошлого и гадал: стал бы покойный мистер Гилкрайст гордиться тем, что его имя красуется на гниющем здании? Какой бизнес не мог бы процветать здесь, разве что такие дела, какие лучше проворачивать подальше от посторонних глаз.

Часы работы склада были обозначены на выдавшей виды доске объявлений, где некогда висели афиши идущих в кинотеатре фильмов. По воскресеньям склад работал с половины десятого до двенадцати. Сейчас была четверть второго. Двустворчатые двери были заперты на засов и дополнительно защищены железной решеткой с висячим замком – нелепое дополнение к нелепому фасаду.

– Как у тебя со взломом замков? – поинтересовался Кэл у Сюзанны.

– Слабовато, – ответила она. – Но я быстро обучаюсь.

Они перешли Джамайка-стрит, чтобы рассмотреть двери поближе. Не было нужды приоткрывать, будто они оказались здесь случайно: за все время, пока они стояли на улице, не появилось ни одного прохожего, и транспорт почти не ходил.

– Должен же быть другой способ, – сказала Сюзанна. – Пойдем в обход. Ты с той стороны, а я с этой.

– Хорошо. Встретимся там.

Они разошлись. Кэлу досталась теневая сторона, а путь Сюзанны пролегал под ярким солнцем. Странно, но она поймала себя на том, что сожалеет об отсутствии облаков. От жары ее кровь пела, словно настроенная на некую инопланетную радиоволну, и эти мелодии жалобно ныли в голове.

Сюзанна прислушивалась к этой музыке, и эти мелодии жалобно ныли в голове, когда Кэл появился из-за угла, заставив ее вздрогнуть.

– Я нашел вход, – сообщил он и повел Сюзанну туда, где некогда находился пожарный выход из кинотеатра.

Дверь здесь тоже была заперта, но и цепь, и замок сильно проржавели. Кэл успел подобрать половинку кирпича и теперь сбивал замок. Осколки кирпича летели во все стороны, но после дюжины ударов цепь поддалась. Кэл навалился на дверь плечом. Изнутри донесся грохот, упало зеркало и еще какие-то сложенные под дверью вещи, но он сумел расширить щель настолько, чтобы пробраться в помещение.

2

Внутри оказалось некое подобие чистилища, где тысячи предметов домашнего обихода – пыльные кресла, гардеробы, лампы всех размеров, портьеры, ковры – дожидались Судного дня. Пахло обитавшими здесь старыми вещами, страдавшими от древоточцев, крыс и от самого

времени. Прекрасная мебель так обветшала, что даже ее создатели не нашли бы ей места в доме.

А за запахом дряхлости скрывался запах более горький и более человеческий. Возможно, это был запах пота, впитавшийся в доски кровати больного, или запах материи от абажура горевшей всю ночь лампы, чей хозяин не дожил до утра. В таком месте не хотелось задерживаться.

Они снова разделились, чтобы сделать все побыстрее.

– Если увидишь хоть что-нибудь, похожее на ковер, – сказал Кэл, – кричи.

Он скрылся за горой мебели.

Жалобное пение в голове Сюзанны не стихло, когда она ушла с солнца. Наоборот, оно усилилось. Может быть, голова кружилась от стоявшей перед ними непосильной задачи, похожей на невероятное задание из сказки: отыскать частицу волшебства среди мерзости запустения.

Та же самая мысль, только иначе сформулированная, преследовала Кэла. Чем дальше, тем больше он сомневался в правильности своих воспоминаний. Может быть, грузчики упоминали вовсе не Гилкрайста? А может быть, они решили, что возможная выручка не стоит того, чтобы тащить сюда ковер.

Когда он завернул за угол, из-за стены мебели донесся царапающий звук.

– Сюзанна? – позвал он.

Слово вылетело и вернулось без ответа. Звук затих за спиной, но волна паники затопила Кэла, и он ускорил шаг, направляясь к следующей горе вещей. До нее оставалось ярдов пять, когда его взгляд упал на свернутый ковер, почти полностью заваленный полудюжиной стульев и комодом с множеством ящиков. Ни на одном предмете не было ярлыка с ценой. Значит, это недавние, еще не рассортированные поступления.

Кэл опустился на колени и потянул ковер за край, собираясь рассмотреть узор. Край ковра был потертый, нитки старые, и, когда Кэл потянул, он услышал их треск. Но он увидел достаточно, чтобы убедиться: это ковер с Рю-стрит. Ковер, который Мими Лашенски оберегала всю жизнь, пока не умерла, защищая его. Ковер с Фугой.

Кэл поднялся на ноги и начал убирать стулья, не замечая приближающегося звука шагов за спиной.

3

Первое, что заметила Сюзанна, – тень на полу. Она подняла глаза. Между двумя шкафами возникло лицо и тут же исчезло, прежде чем Сюзанна успела назвать имя. Мими! Это была Мими!

Сюзанна зашла за шкаф. Там не оказалось никого. Неужели она теряет рассудок? Сначала звон в голове, теперь галлюцинации?

Однако как бы они оказались здесь, если б не верили в чудеса? Сомнения утонули во внезапно поднявшейся волне надежды: вдруг мертвец все-таки может вырваться из невидимого мира и вернуться к живым.

Сюзанна негромко позвала бабушку по имени. И получила ответ. Не словами, а запахом лавандовой воды. Слева от нее, по тоннелю из привалившихся друг к другу чайных столов, покотился и остановился комок пыли. Сюзанна пошла к нему – точнее, к источнику дуновения, принесшему его сюда, – и запах становился сильнее с каждым шагом.

4

– Полагаю, эта вещь принадлежит мне, – прозвучал голос позади Кэла.

Он обернулся. В нескольких шагах от него стоял Шедуэлл. Пиджак Торговца был растегнут.

– Ну-ка отойди в сторонку, Муни, и дай мне забрать то, что мне принадлежит.

Кэл сожалел, что ему не хватило ума вооружиться. Сейчас он без колебаний ткнул бы Шедуэлла ножом прямо в блестящий глаз и считал бы себя героем. Но он явился сюда с пустыми руками. Придется обойтись без оружия.

Он сделал шаг в сторону Шедуэлла, но тут Торговец отступил в сторону. У него за спиной стоял кто-то еще. Наверняка одна из сестричек или какой-нибудь из ублюдков.

Кэл не стал присматриваться, он развернулся и подхватил стул, лежавший поверх ковра. Его движение вызвало небольшую лавину: стулья посыпались на пол между ним и его врагом. Кэл швырнул один в неясную фигуру, занявшую место Шедуэлла. Поднял второй и отправил вслед за первым, но его мишень исчезла в мебельном лабиринте. Как и сам Шедуэлл.

Кэл развернулся и уперся спиной в шатающийся комод. И он преуспел: комод завалился назад, сбив по дороге еще несколько предметов мебели. Кэл надеялся, что грохот услышит Сюзанна. Он потянулся, чтобы забрать ковер, но одновременно с ним кто-то вцепился в ковер с другой стороны. Кэл изо всех сил дернул добычу к себе, и клочок ковра остался у него в руке, а сам он полетел на пол.

Он рухнул в кучу фотографий и картин в затейливых рамах, которые рассыпались и частично разбились. Кэл полежал немного среди осколков, чтобы отдышаться, но задохнулся снова, едва поднял глаза.

Из сумрака на него надвигался ублюдок.

– Вставай! – приказал он Кэлу.

Но Кэл не слышал его. Он не мог отвести взгляда от лица монстра. Чудовище походило на своего отца, но это не был потомок Элроя. Это был сын самого Кэла.

Кошмар, привидевшийся ему среди мусора и грязи, где он лежал и слушал колыбельную, оказался реальностью. Сестры сумели выжать его семя, и тварь с лицом Кэла служила тому подтверждением.

Сходство между ними было неполным. Голое тело ублюдка было полностью лишено волос и чудовищно искажено в некоторых местах: пальцы одной руки в два раза длиннее обычного, на другой – обрубки в полдюйма, а из лопаток выпирает что-то вроде деформированных крыльев. Должно быть, монстр был пародией на ангелов, которые привиделись Кэлу.

Тем не менее он больше походил на отца, чем все остальные твари. Глядя на его лицо, как на свое собственное, Кэл на миг остановился в сомнении.

Этого мига хватило, чтобы ублюдок начал действовать. Он кинулся на Кэла, вцепился ему в горло рукой с длинными пальцами. В его прикосновении не было ни намека на теплоту. Рот чудовища тянулся ко рту Кэла, чтобы вырвать дыхание жизни из его губ.

Ублюдок явно намеревался совершить отцеубийство, он держал родителя мертвой хваткой. Ноги Кэла подкосились, и ребенок дал ему упасть на колени, опустившись на пол вместе с ним. Кэл нащупал осколки стекла и сделал слабую попытку взять один из них, но между мыслью и делом лишился сил. Оружие выпало из его руки.

Где-то там, в потерянном мире воздуха и света, Кэл слышал смех Шедуэлла. Потом звук оборвался. Кэл глядел в собственное лицо, которое таранилось на него, будто из кривого зеркала. Вот его глаза, ему всегда нравился их цвет; вот рот – в детстве Кэл стеснялся его, считая слишком девчоночьим, но потом, когда того потребовали обстоятельства, научился мужественно сжимать губы и улыбаться (как ему говорили) заразной улыбкой. Вот его уши, большие и оттопыренные, смешные уши при таком лице, обещавшем что-то более утонченное...

Возможно, большинство людей покидают сей мир с подобными банальными мыслями в голове. Но Кэлу это не подходит.

Когда он подумал про свои уши, его подхватил и повлек за собой поток.

X Менструум

Сюзанна поняла, что это ошибка, за миг до того, как вошла в фойе бывшего кинотеатра. Она еще могла повернуть назад, но голос Мими звал внучку по имени, и, прежде чем разум заставил ее остановиться, Сюзанна перешагнула порог.

В фойе было темнее, чем на складе, но она видела размытый силуэт бабушки, застывший около заколоченной досками кассы.

– Мими! – позвала Сюзанна.

В голове мелькали противоречивые образы.

– Я здесь, – произнесла пожилая леди, раскрывая ей свои объятия.

Эти объятия тоже были ошибкой, но на этот раз ошибся ее враг. Мими при жизни не любила подобных нежностей, и Сюзанна не находила причин, по которым бабушкины привычки могли бы измениться после смерти.

– Ты не Мими, – сказала она.

– Я знаю, ты очень удивлена, – произнес в ответ призрак голосом тихим, как звук падающего перышка. – Но тебе нечего бояться.

– Кто ты?

– Ты знаешь, кто я, – последовал ответ.

Сюзанна не собиралась выслушивать эти лживые слова и повернулась к выходу. До двери оставалось ярда три, но они вдруг показались милями. Сюзанна попыталась сделать первый шаг на этом длинном пути, но звон в голове внезапно стал оглушительным.

Это существо явно пыталось задержать ее. Оно искало конфронтации, и избежать столкновения вряд ли удастся. Поэтому Сюзанна развернулась и присмотрелась.

Маска таяла, хотя в глазах за ней был не огонь, а ледяной холод. Сюзанна знала это лицо. Она сомневалась, что готова противостоять такой ярости, но ощутила странное воодушевление. Черты Мими окончательно испарились, и перед Сюзанной предстала Иммаколата.

– Моя сестра, – произнесла она, и воздух вокруг нее заплескался, – моя сестра Старая Карга заставила меня сыграть эту роль. Ей показалось, она увидела в твоём лице Мими. Она права? Ты дитя Мими?

– Внучка, – пробормотала Сюзанна.

– Дитя, – последовал уверенный ответ.

Сюзанна вглядывалась в лицо этой женщины, зачарованная зрелищем скрытого в ее чертах горя. Иммаколата вздрогнула от ее пристального взгляда.

– Как ты смеешь меня жалеть? – произнесла она, будто прочитала мысли Сюзанны, и в этот миг что-то слетело с ее лица.

Оно двигалось слишком быстро, и Сюзанна не успела разглядеть, что это. Ей хватило времени только на то, чтобы отскочить в сторону. Стена у нее за спиной вздрогнула, когда это врезалось в нее. В следующее мгновение с лица Иммаколаты слетел новый пучок света.

Сюзанна не испугалась. Демонстрация силы еще больше вдохновила ее. Пока новая молния двигалась своим путем, интуиция взяла верх над сдержанностью и рассудительностью, и Сюзанна протянула руку, словно хотела схватить этот свет.

Ей показалось, что она погрузила руку в ледяной поток. В этом потоке плыли бесчисленные рыбы, они преодолевали силу течения и спешили на нерест. Сюзанна сжала пальцы в кулак, захватила сверкающий поток и потянула.

Ее поступок имел три последствия. Первое: Иммаколата закричала. Второе: звон в голове внезапно затих. Третье: все, что почувствовала рука Сюзанны – холод, движение воды, косяки

рыбы, – все это вдруг оказалось внутри нее. Ее тело сделалось потоком. Но не тело из плоти и костей, а некое другое, не материальное, а скорее мысленное и гораздо более древнее. В нападающей Иммаколате оно вдруг узнало себя и очнулось от сна.

Никогда прежде Сюзанна не ощущала себя такой цельной. На фоне этого чувства все прочие мечты – о счастье, об удовольствии, о власти – померкли.

Она снова посмотрела на Иммаколату, и ее новые глаза увидели не врага, а женщину, владеющую тем же потоком, что мчался по ее собственным венам. Женщину измученную и полную тоски, но все-таки очень похожую на саму Сюзанну.

– Это было глупо, – сказала инкантирикс.

– Что именно? – спросила Сюзанна. Она так не считала.

– Лучше бы ты ничего не знала. Лучше бы никогда не пробовала силы менструума.

– Менструума?

– Теперь ты знаешь больше, чем хотела бы знать, чувствуешь больше, чем когда-либо мечтала почувствовать, – в голосе Иммаколаты слышалось нечто вроде сочувствия. – Так и начинается горе, – продолжала она. – И никогда не заканчивается. Поверь мне. Лучше бы тебе родиться и умереть чокнутой.

– Так, как умерла Мими? – спросила Сюзанна.

Ледяные глаза сверкнули.

– Она знала, какой опасности подвергается. В ней текла кровь ясновидцев, всегда свободная. И в тебе, благодаря твоей бабке, течет та же кровь.

– Ясновидцы? – как много новых слов! – Это народ Фуги?

– Это народ покойников, – последовал ответ. – Не ищи у них ответов. Они скоро обратятся в прах. Пойдут тем же путем, каким идет все в этом вонючем Королевстве. Прах и посредственность. Мы еще увидим это. Ты одна. Как прежде она.

Это «мы» напомнило Сюзанне о Торговце и о свойствах его пиджака.

– А Шедуэлл тоже из ясновидцев? – спросила она.

– Он? – такая мысль явно была абсурдной. – Нет. У него только та сила, какую я ему подарила.

– Но зачем? – удивилась Сюзанна.

Она едва знала Иммаколату, но уже поняла, что с Шедуэллом они не пара.

– Он научил меня... – начала инкантирикс, поднимая руку к лицу. – Он научил меня притворяться, – она провела рукой по лицу, а когда убрала ладонь, Сюзанна увидела почти дружелюбную улыбку. – Тебе теперь это тоже понадобится.

– И поэтому ты стала его любовницей?

Ответ ее собеседницы немного походил на смех, но только немного.

– Любить я предоставляю Магдалене, моей сестре. У нее есть к этому охота. Спроси Муни...

Кэл. Сюзанна забыла про него.

– ...если у него хватит духу ответить.

Сюзанна обернулась на дверь.

– Иди, – сказала Иммаколата, – поищи его. Я не буду тебя останавливать.

Менструум, яркий свет внутри Сюзанны, знал: она говорит правду. Этот поток объединял обеих женщин каким-то удивительным способом, о котором Сюзанна и не подозревала.

– Битва уже проиграна, сестра, – пробормотала Иммаколата, когда Сюзанна подошла к порогу. – Пока ты удовлетворяла свое любопытство, Фуга досталась нам.

Сюзанна вернулась на склад, впервые ощутив страх. Не за себя, а за Кэла. Она прокричала во тьму его имя.

– Слишком поздно, – произнесла женщина у нее за спиной.

– Кэл!

Ответа не было. Сюзанна отправилась искать его, время от времени окликая по имени; ее тревога усиливалась с каждым новым безответным криком. Это место походило на лабиринт, она дважды оказывалась там, откуда начинала поиски.

Ее внимание привлек блеск битого стекла, а затем она увидела лежащего лицом вверх Кэла. Прежде чем подойти и дотронуться до него, Сюзанна ощутила всю глубину его неподвижности.

«Он был слишком несговорчив, – сообщил ей менструум. – Ты же знаешь, какими бывают эти чокнутые».

Она оторвала эти мысли. Они принадлежали не ей.

«Не умирай!»

Вот это ее мысль. Она появилась, когда Сюзанна опустилась на колени рядом с Кэлом и обратилась к безмолвному телу:

– Прошу тебя, ради бога, не умирай!

Она боялась прикоснуться к нему и обнаружить самое худшее. Она понимала, что никто, кроме нее самой, не может сейчас прийти ему на помощь. Кэл лежал лицом вверх, с закрытыми глазами и открытым ртом, откуда вытекала струйка кровавой слюны. Рука Сюзанны инстинктивно потянулась к его волосам, словно она собиралась погладить его и разбудить, однако привычный прагматизм еще не покинул ее, и вместо волос пальцы нащупали пульс на шее. Совсем слабый.

«Так и начинается горе», – сказала ей Иммаколата всего пару минут назад. Знала ли она, что Кэл уже на полпути к смерти?

Конечно же, знала. Знала и приветствовала горе, ожидавшее Сюзанну. Она хотела, чтобы радость от обретения менструума была подпорчена таким открытием; чтобы они сделались сестрами по несчастью.

Эти мысли отвлекли Сюзанну, но она снова сосредоточилась на Кэле и обнаружила, что ее рука все же гладит его по голове. Зачем она это делает? Кэл – не спящий ребенок. Он ранен, ему нужна действенная помощь. Но пока она упрекала себя, менструум начал подниматься из нижней части ее живота, затопляя внутренности, легкие, сердце, и без всяких осознанных указаний стекал по рукам вниз, к Кэлу. Прежде равнодушный к ранениям человека («Ты же знаешь, какими бывают эти чокнутые!») поток вдруг очистился под влиянием ее гнева или, может быть, печали. Теперь Сюзанна чувствовала, что силы менструума наполнены ее желанием разбудить Кэла, исцелить его, проникая через ее ладони внутрь его невосприимчивой головы.

Ощущение было одновременно невероятное и совершенно естественное. Когда в самый последний миг поток остановился, словно передумал, она заставила его двигаться дальше. И менструум послушался, хлынул в Кэла. Сюзанна осознала, что может управлять им, и ее захлестнула радость. Затем пришла боль потери, когда неподвижное тело впитало в себя поток.

Кэл жадно поглощал целительный свет. Руки Сюзанны подрагивали, пока менструум вытекал из нее, а в голове дюжиной сирен опять взревела та чужеродная мелодия. Сюзанна пыталась оторвать руку от головы Кэла, но мышцы не слушались. Менструум захватил власть над ее телом. Она поспешила с выводом, что потоком легко управлять. Он намеренно ослаблял себя, а теперь показал свою силу.

Сюзанна уже теряла сознание, когда менструум решил, что хватит, и отпустил ее. Течение резко оборвалось. Сюзанна поднесла трясущиеся руки к лицу. На пальцах остался запах Кэла. Пение в голове постепенно стихало. Слабость отступала.

– Ты в порядке? – спросил ее Кэл.

Она уронила руки и посмотрела на него. Он поднимался с пола, проверяя свой разбитый рот.

– Вроде бы да, – ответила она. – А ты?

– Со мной все будет нормально, – отозвался он. – Не знаю, что здесь произошло... – Кэл не договорил, потому что память возвращалась к нему. На лице его отразилась тревога. – Ковер...

Он вскочил на ноги, озираясь по сторонам.

– Я держал его в руках, – воскликнул он. – Боже мой, ведь я держал его в руках!

– Они забрали его! – сказала Сюзанна.

Его лицо исказилось, словно он готов был заплакать, как подумала Сюзанна. Но на самом деле это была ярость.

– Чертов Шедуэлл! – выкрикнул Кэл, сметая сваленные на комод настольные лампы. – Я прикончу его! Клянусь...

Сюзанна встала на ноги, все еще ощущая головокружение, и ее взгляд наткнулся на что-то среди осколков стекла на полу. Она снова опустилась и разгребла осколки. Там лежал обрывок ковра.

– Они получили ковер не полностью, – сказала она, протягивая находку Кэлу.

Гневное выражение его лица изменилось. Он взял обрывок почти с благоговением и внимательно рассмотрел его. В узоре этого лоскутка сплеталось с полдюжины мотивов, хотя Кэл не понимал заключенного в них смысла.

Сюзанна наблюдала за ним. Он держал обрывок ковра так осторожно, словно боялся причинить ему боль. Потом он громко чихнул и вытер нос тыльной стороной ладони.

– Чертов Шедуэлл, – повторил он, но уже мягко, без гнева.

– И что нам теперь делать? – спросила Сюзанна.

Кэл посмотрел на нее. Теперь в его глазах стояли слезы.

– Выбираться отсюда, – ответил он. – Посмотрим, что подскажут небеса.

– Что?

Кэл улыбнулся.

– Извини, – сказал он. – Должно быть, это заговорил Безумный Муни.

Часть третья

Изгнанники

*Скитаясь между двух миров: одним, умершим,
И вторым, бессильным народиться.*

Мэтью Арнольд. Великий картезианец

I

У реки

Они потерпели сокрушительное поражение. Торговец вырвал ковер прямо из рук Кэла. Но хотя праздновать им нечего, они все-таки уцелели. Может быть, именно этот простой факт вызвал у Кэла душевный подъем, когда они вышли из склада на теплый воздух?

Там пахло Мерси: илом и солью. И именно туда, по настоянию Сюзанны, они сейчас направлялись. Они прошли, не произнеся ни слова, по Джамайка-стрит до Док-роуд, затем зашагали вдоль высокой черной стены, огораживающей доки, пока не обнаружили ворота, через которые можно выйти к верфям. Вокруг было пустынно. Прошло много лет с тех пор, когда последний большой корабль заходил сюда на разгрузку. Они брели через призрачный городок заброшенных мастерских. Взгляд Кэла то и дело скользил в сторону, на лицо идущей рядом женщины. Он чувствовал, что с ней произошла некая перемена, появилась какая-то тайна, и он не мог подобрать к этому ключ.

Зато поэту было что сказать.

«Разучился говорить, сынок? – съехидничал он в голове Кэла. – Она странная штука, верно?»

Конечно же, так оно и было. Когда Кэл впервые увидел девушку у подножия лестницы, она показалась ему не от мира сего. Это их и объединяло. В них жила одинаковая целеустремленность, и ее подогревал невысказанный страх потерять след тайны, о которой они так долго мечтали. Или же Кэл обманывал себя, отыскивая в лице Сюзанны следы собственной жизни? Может быть, лишь страстное желание найти союзника заставляет его видеть сходство между ними?

Сюзанна всматривалась в реку, и змейки солнечного света, отражавшегося от воды, пробегали по ее лицу. Кэл знал ее всего одну ночь и один день, но она пробуждала в нем те же противоречивые чувства – неловкость и полный покой, ощущение чего-то знакомого и одновременно неведомого, – какие он испытал при первом взгляде на Фугу.

Кэл хотел сказать ей и об этом, и о многом другом, если бы только мог подобрать слова. Но первой заговорила Сюзанна.

– Я видела Иммаколату, – сообщила она, – пока ты сражался с Шедуэллом...

– Да?

– И я не знаю, как описать то, что произошло...

Она начала рассказ, запинаясь и не сводя глаз с реки, как будто замороженная ее течением. Кэл с трудом, но понимал, о чем она говорила. Значит, Мими была из ясновидцев, обитателей Фуги, и Сюзанна, ее внучка, по крови тоже принадлежит к этому народу. Но когда речь зашла о менструуме, о силе, перешедшей к ней или по наследству, или как зараза, или то и другое вместе, он совершенно перестал понимать, о чем она толкует. К тому же речь Сюзанны

сделалась невнятной, как во сне, и, глядя на нее, мучительно подбирающую нужные слова, Кэл заговорил сам.

– Я люблю тебя, – сказал он.

Сюзанна умолкла. Она больше не пыталась описать поток менструума, а полностью отдалась ритму волн, плещущих о верфь.

Кэл не понял, услышала ли она его. Она не двигалась и не отвечала.

Наконец она просто произнесла его имя.

Кэл неожиданно ощутил себя полным дураком. Она не хотела выслушивать признаний в любви, ее мысли блуждали где-то далеко. Возможно, в мире Фуги. После откровений этого дня у нее было гораздо больше прав находиться там, чем у него.

– Прости, – пробормотал он, пытаясь прикрыть неловкость другими словами. – Не знаю, зачем я сказал это. Забудь.

Его оправдания вывели Сюзанну из транса. Она отвлеклась от созерцания реки и взглянула ему в лицо. В глазах ее застыла боль, как будто ей было тяжело отрывать взор от сверкающей воды.

– Не говори так, – сказала Сюзанна. – Никогда не говори так.

Она шагнула к нему, обхватила его руками и крепко обняла. Он тоже обнял ее в ответ. Она жарко дышала ему в шею, ставшую влажной от слез, не от поцелуев. Они не говорили ничего, просто замерли на несколько минут, и река бежала рядом.

Потом Кэл произнес:

– Может быть, пойдем домой?

Сюзанна отступила на шаг и посмотрела на Кэла, словно изучала его лицо.

– Все уже закончилось или только начинается? – спросила она.

Он покачал головой.

Она снова бросила быстрый взгляд на реку. Но прежде чем живой поток успел захватить над ней власть, Кэл взял ее за руку и повел обратно, в мир кирпича и бетона.

II

Пробуждение в темноте

Сквозь сумерки, выдававшие приближение осени, они вернулись на Чериот-стрит. Там они поискали на кухне, чем успокоить бурчащие от голода животы, поели и поднялись в комнату Кэла, прихватив с собой купленную на обратном пути бутылку виски. Они собирались обсудить план ближайших действий, однако у них ничего не получилось. Усталость и неловкость, вызванная сценой на берегу реки, заставляли тщательно подбирать слова, они кружили на одном месте, но озарение не приходило. Никто не знал, что делать дальше.

После сегодняшней переделки у них осталась единственная добыча – фрагмент ковра. Но он ничем не мог им помочь.

Диалог становился все более неуверенным, незавершенные фразы сменялись долгими паузами.

Около одиннадцати вернулся Брендан, поприветствовал Кэла снизу и отправился спать. Его приход встревожил Сюзанну.

– Мне пора идти, – сказала она. – Уже поздно.

Кэл представил себе пустую комнату без нее, и у него упало сердце.

– Почему бы тебе не остаться? – спросил он.

– Кровать маленькая, – ответила она.

– Зато удобная.

Она провела рукой по его лицу, дотронулась до синяка вокруг рта.

– Мы не должны становиться любовниками, – сказала она тихо. – Мы слишком похожи друг на друга.

Это было грубо, и слышать это было больно. Однако в тот самый миг, когда мечты о сексе испарились, Кэл ощутил, как окрепла иная, куда более важная надежда. В этом деле они принадлежат друг другу – она, дитя Фуги, и он, случайно вторгшийся в чудесный мир. Вместо короткого удовольствия от занятий любовью он получал удивительное приключение и понимал, несмотря на протесты своего члена, что сделал правильный выбор.

– Тогда давай спать, – сказал он. – Если ты хочешь остаться.

Она улыбнулась.

– Я хочу остаться, – сказала она.

Они стянули с себя грязную одежду и нырнули под одеяло. Сон сморил их раньше, чем успела остыть лампа.

* * *

И они не просто уснули. Им кое-что снилось. Точнее, им снился один и тот же, вполне определенный сон.

Им снился звук. Планета пчел, от громогласного жужжания которых едва не рвались налитанные медом сердца; этот нарастающий гул был музыкой лета.

Им снился запах. Множество запахов: улицы после дождя, выдохшихся духов, ветра, дующего из теплых краев.

Но главное – им снились образы.

Началось все с узора: переплетение бесчисленных нитей, окрашенных в сотни оттенков, дышало такой энергией, так слепило, что сновидцам пришлось закрыть глаза своего воображения.

А затем, как будто узор из гордости решил изменить нынешний порядок вещей, узелки начали развязываться и распадаться. Цвета каждого фрагмента растворялись в воздухе, пока взгляд не потонул в вареве пигментов, где распустившиеся нити провозглашали свободу линиями, запятыми и точками, похожими на мазки кисти мастера каллиграфии. Сначала значки казались совершенно беспорядочными, но по мере того как каждый из них втягивал в себя цвет и поверх него ложились все новые и новые мазки, становилось очевидно: из хаоса методично рождаются некие формы.

Там, где мгновение назад были лишь уток и основа, из потока возникли очертания пятирých совершенно разных людей, и невидимый художник с безумной скоростью продолжал добавлять детали в их портреты.

Голоса пчел зазвучали громче, выпевая в головах спящих имена появившихся незнакомцев.

Первой из квинтета появилась молодая женщина в длинном темном платье. Ее маленькое личико было бледным, закрытые глаза обрамлены рыжеватыми ресницами. Это, сказали пчелы, Лилия Пеллиция.

Словно пробудившись от звука своего имени, Лилия открыла глаза.

Как только она сделала это, вперед выдвинулся круглый бородатый человек лет пятидесяти в накинутах на плечи пальто и широкополой шляпе. Это Фредерик Каммелл, сообщили пчелы, и глаза за круглыми линзами очков размером с монету открылись. Его рука тотчас потянулась к шляпе, он снял ее, обнажив голову с тщательно подстриженными и набриолиненными волосами.

– Ага, – произнес он и улыбнулся.

Вслед за ним возникли еще трое. Одна из них, нетерпеливо стремившаяся высвободиться из мира красок, уже готовилась к пробуждению. (Куда делось, думали спящие, то буйство

красок, какими изначально сверкали нити? Куда спрятались цвета и оттенки под этим траурным одеянием, неужели в нижние юбки попугайской расцветки?) Кислая физиономия третьей гостьи не позволяла заподозрить ее в подобных вольностях.

Апполин Дюбуа, объявили пчелы, и женщина открыла глаза. Усмешка, на миг мелькнувшая на ее лице, обнажила зубы цвета старой слоновой кости.

Последние участники собрания явились вместе. Один из них был негром, чьи тонкие черты даже во сне дышали печалью. Второй – голый младенец на руках первого – пускал слюни на рубаху своего покровителя.

Джерико Сент-Луис, сказали пчелы, и негр открыл глаза. Он тотчас посмотрел на младенца, захныкавшего раньше, чем было произнесено его имя.

Нимрод, назвали его пчелы, и, хотя младенцу, судя по всему, не исполнилось и года, он уже знал два слога своего имени. Он поднял веки, за которыми скрывались глаза ясного золотистого оттенка.

С его пробуждением процесс завершился. Все краски, пчелы и нити исчезли, в комнате Кэла остались пятеро незнакомцев.

Первой заговорила Апполин Дюбуа.

– Так не должно быть, – заявила она, подходя к окну и отдергивая занавески. – Куда мы, черт возьми, угодили?

– И где все остальные? – спросил Фредерик Каммелл.

Он заметил зеркало на стене и принялся изучать в нем свое отражение. Фыркнул, достал из кармана ножницы и стал подстригать какие-то слишком сильно отросшие волоски на щеках.

– Хороший вопрос, – отозвался Джерико. Затем спросил, обращаясь к Апполин: – И как там снаружи?

– Пустынно, – ответила женщина. – Глубокая ночь. И...

– Что?

– Посмотри сам, – сказала она, шумно втягивая слюну между обломков зубов, – чего-то там не хватает, – она отвернулась от окна. – Все не такое, каким должно быть.

Место Апполин у окна заняла Лилия Пеллиция.

– Она права, – согласилась девушка. – Все совсем не такое.

– И почему здесь только мы? – снова спросил Фредерик. – Вот самый главный вопрос.

– Что-то произошло, – сказала Лилия негромко. – Что-то ужасное.

– Вне всякого сомнения, ты это чувствуешь нутром, – вставила Апполин. – Как и всегда.

– Ведите себя прилично, мисс Дюбуа. – призвал Фредерик со страдальческим, как у школьного учителя, выражением лица.

– Не смей называть меня «мисс»! – воскликнула Апполин. – Я замужняя дама.

Погруженные в сон Кэл с Сюзанной прислушивались к перепалке и забавлялись тем, какую чепуху производит воображение. Однако, несмотря на странность этих людей, на их допотопные одеяния, имена и нелепые разговоры, они все равно казались удивительно реальными. Каждая деталь была совершенно отчетливой. И словно желая еще сильнее смутить спящих, человек по имени Джерико посмотрел на постель и сказал:

– Может быть, они смогут нам что-то объяснить.

Лилия уставилась на спящую парочку своими светлыми глазами.

– Надо их разбудить, – сказала она и протянула руку, чтобы сделать задуманное.

«Так это не сон!» – догадалась Сюзанна, когда рука Лилии приблизилась к ее плечу.

Она почувствовала, что просыпается, и открыла глаза, как только пальцы девушки коснулись ее.

Занавески были отдернуты, как и представлялось во сне. Уличные фонари заливали светом маленькую комнату. Посреди нее, внимательно глядя на кровать, стояли пятеро.

Сон претворился в реальность. Сюзанна села. Простыня соскользнула, и Джерико с младенцем Нимродом уставились на ее грудь. Она подтянула простыню к шее, раскрыв таким образом Кэла. Холодный воздух потревожил его. Он взглянул на Сюзанну широко раскрытыми глазами.

– Что происходит? – спросил он хриплым со сна голосом.

– Проснись, – сказала она. – У нас гости.

– Мне снился такой сон... – пробормотал он. Затем переспросил: – Гости? – поднял на нее глаза, проследил за ее взглядом. – О господи...

Младенец на руках Джерико засмеялся, указывая пухлым пальчиком на поднявший голову член Кэла. Тот схватил подушку и прикрылся.

– Это что, одна из шуточек Шедуэлла? – шепотом спросил он.

– Я так не думаю, – ответила Сюзанна.

– Кто такой Шедуэлл? – хотела знать Апполин.

– Еще один чокнутый, надо полагать, – вставил Фредерик.

Он держал наготове ножницы на случай, если эти двое проявят враждебность.

При слове «чокнутый» Сюзанна начала кое-что понимать. Первой его употребила Иммаколата, имея в виду представителей рода людского.

– Фуга... – произнесла Сюзанна.

Стоило ей сказать это, как все глаза устремились на нее, и Джерико спросил:

– Что ты знаешь о Фуге?

– Не слишком много, – ответила она.

– Ты знаешь, где находятся остальные? – спросил Фредерик.

– Какие остальные?

– И наша земля? – добавила Лилия. – Где вообще все?

Кэл оторвал взгляд от квинтета и посмотрел на стол рядом с кроватью, куда перед сном положил фрагмент Сотканного мира. Он исчез.

– Они вышли из клочка ковра, – сообщил он, не вполне веря собственным словам. –

Именно это мне и снилось.

– Мне тоже это снилось, – сказала Сюзанна.

– Из клочка ковра? – переспросил Фредерик в ужасе. – Вы хотите сказать, что нас разлучили с остальными?

– Да, – ответил Кэл.

– Так где же они? – спросила Апполин. – Отведите нас туда.

– Мы не знаем, где они теперь, – признался Кэл. – Шедуэлл унес ковер.

– Будь прокляты эти чокнутые! – взорвалась дама. – Нельзя верить никому из них. Вечные уловки и надувательство!

– Он действует не один, – сказала Сюзанна. – Он вместе с одной из вас.

– Сомневаюсь, – покачал головой Фредерик.

– Но это правда. С Иммаколатой.

При звуке этого имени Фредерик и Джерико вскрикнули от ужаса. Апполин, хоть и замужняя дама, просто плюнула на пол.

– Разве сучку еще не вздернули? – поинтересовалась она.

– Дважды, я знаю совершенно точно, – ответил Джерико.

– Она воспринимает это как комплимент, – заметила Лилия.

Кэл передернул плечами. Он замерз и устал, он хотел видеть сны о залитых солнцем холмах и блестящих реках, а не траурные лица, искаженные злостью и подозрением. Не обращая внимания на их взгляды, он отбросил в сторону подушку, подошел к куче одежды на полу и стал натягивать рубашку и джинсы.

– А где же тогда хранители? – спросил Фредерик, обращаясь ко всем собравшимся. – Кто-нибудь знает?

– Моя бабушка... – начала Сюзанна. – Мими...

– Да? – нетерпеливо произнес Фредерик. – Где же она?

– Боюсь, она умерла.

– Но есть и другие хранители, – сказала Лилия, заразившись нетерпеливостью Фредерика. – Где они?

– Этого я не знаю.

– Ты права, – произнес Джерико с видом почти трагическим. – Произошло что-то ужасное.

Лилия вернулась к окну и распахнула его.

– Ты сможешь их почуять? – спросил ее Фредерик. – Они где-то рядом?

Лилия отрицательно покачала головой.

– Воздух воняет, – сказала она. – Это не прежнее Королевство. Здесь холодно. Холодно и грязно.

Кэл, уже успевший одеться, протолкнулся между Фредериком и Апполин и взял бутылку виски.

– Хочешь глотнуть? – спросил он Сюзанну.

Она покачала головой. Он налил себе щедрую порцию и выпил.

– Мы должны разыскать этого вашего Шедуэлла, – заявил Сюзанне Джерико, – и забрать у него Сотканный мир.

– К чему такая спешка? – воскликнула Апполин с какой-то нездоровой беззаботностью. Она придвинулась к Кэлу. – Ничего, если я присоединюсь?

Он с неохотой протянул ей бутылку.

– Что ты хочешь сказать? «К чему такая спешка!» – возмутился Фредерик. – Мы проснулись не пойми где, совершенно одни...

– Мы не одни, – возразила Апполин, отхлебывая виски. – Мы нашли друзей, – она ода-рила Кэла кривоватой улыбкой. – Как тебя зовут, милый?

– Кэлхоун.

– А ее?

– Сюзанна.

– Я Апполин. Это Фредерик.

Каммелл отвесил официальный поклон.

– Там стоит Лилия Пеллиция, а этот младенец ее брат, Нимрод...

– А я Джерико.

– Итак, – провозгласила Апполин, – мы теперь друзья, верно? Нам вовсе не нужны все остальные. Пусть себе гниют.

– Они наши соотечественники, – напомнил ей Джерико. – Они нуждаются в помощи.

– И поэтому они оставили нас в Кайме? – невесело съехидничала она, снова поднося к губам бутылку с виски. – Нет уж. Они оставили нас там, где мы могли погибнуть, и не пытайтесь найти в этом какой-то высший смысл. Мы для них грязь. Разбойники, негодяи и бог знает кто еще! – она посмотрела на Кэла. – Да, да. Ты попал в воровскую шайку. Мы – их позор. Каждый из нас, – затем Апполин обратилась к своим товарищам: – Это даже лучше, что мы разделились. Сможем хорошо повеселиться.

Кэлу показалось, что он заметил всполохи разноцветных красок, промелькнувшие в складках ее вдовьего одеяния, пока она говорила.

– Перед нами целый мир, – продолжала она. – Он наш, будем им наслаждаться.

– Все равно, потерялись так потерялись, – настаивал Джерико.

Апполин в ответ лишь яростно засопела.

– Он прав, – сказал Фредерик. – Без Сотканного мира мы изгнанники. Ты же знаешь, как сильно ненавидят нас чокнутые. Всегда ненавидели. Всегда будут ненавидеть.

– Проклятые дураки, – отозвалась Апполин и вернулась к окну, прихватив с собой виски.

– Мы тут несколько отстали от жизни, – Фредерик повернулся к Кэлу. – Может, вы скажете нам, какой теперь год? Девятьсот десятый? Одиннадцатый?

Кэл засмеялся.

– Накинь еще лет семьдесят, – предложил он.

Фредерик заметно побледнел и отвернулся к стене. Лилия испустила болезненный крик, словно ее ударили. Она задрожала и присела на край кровати.

– Восемьдесят лет... – пробормотал Джерико.

– Почему же они так долго ждали? – спросил Фредди, обращаясь к притихшей комнате. – Что случилось, из-за чего им пришлось так долго ждать?

– Прошу вас, прекратите сыпать загадками, – перебила его Сюзанна, – и объяснитесь.

– Мы не можем, – сказал Фредди. – Ты не ясновидец.

– Только не говори глупостей, – отрезала Апполин. – Кому от этого будет вред?

– Расскажи им, Лилия, – попросил Джерико.

– Я протестую, – заявил Фредди.

– Расскажи им столько, сколько они должны знать, – нашла выход Апполин. – Если рассказывать все, ты не закончишь до Судного дня.

Лилия вздохнула.

– Почему я? – спросила она, все еще дрожа. – Почему это я должна рассказывать?

– Потому что ты самая лучшая лгунья, – произнес Джерико с натянутой улыбкой. – У тебя все получится убедительно.

Она бросила на него мрачный взгляд.

– Ладно, – согласилась она и начала рассказывать.

III

Что она рассказала

– Мы не всегда были потерянными, – начала она. – Когда-то мы жили в саду.

Всего две фразы, а Апполин уже перебила.

– Это просто сказка, – сообщила она Кэлу и Сюзанне.

– Так дай ей рассказать, черт тебя подери! – возмутился Джерико.

– Ничему не верьте, – стояла на своем Апполин. – Эта женщина не узнала бы правду, даже если бы та трахнула ее!

В ответ Лилия только показала ей язык и продолжила с того места, где остановилась.

– Это было в саду, – сказала она. – Вот оттуда и происходят семейства.

– Что за семейства? – спросил Кэл.

– Четыре ветви ясновидцев: Ло, Йе-ме, Айя и Бабу. Те семейства, потомками которых мы являемся. Конечно, кое-кто из нас сбивался с пути, – продолжала она, бросив колючий взгляд на Апполин, – но все мы ведем происхождение от одного из четырех семейств. Мы с Нимродом из рода Йе-ме. Наша ветвь соткала ковер.

– И посмотрите, куда это завело, – пробурчал Каммелл. – Хорошенькую службу сослужила нам вера в ткачей. Ловкие пальцы и блуждающие умы. Вот Айя, мой род, владеет настоящим мастерством и знает толк во всем.

– А ты кто? – спросил Кэл Апполин, протягивая руку и забирая у нее бутылку. Там осталось не больше пары глотков.

– Моя мать происходит из Айя, – ответила Апполин. – Вот откуда у меня певучий голос. Что касается моего отца, никто не знает толком, кто он. Он умел творить чары в танце, мой отец...

– Когда бывал трезв, – вставил Фредди.

– Что ты вообще понимаешь? – сморщилась Апполин. – Ты никогда не встречался с моим отцом.

– Зато твоей матери хватило одного раза, – немедленно огрызнулся Фредди.

Младенец громогласно захохотал, хотя для этой шутки был явно маловат.

– Все равно, – сказала Апполин. – Он танцевал, а это значит, в нем было что-то от Ло.

– И от Бабу тоже, судя по тому, как ты говоришь, – заметила Лилия.

Тут в беседу вмешался Джерико.

– Я из семейства Бабу, – заявил он. – И по-моему, дыхание – слишком ценная штука, чтобы растрачивать его впустую.

Дыхание. Танцы. Музыка. Ковры. Кэл постарался запомнить и соотнести эти навыки с названиями семейств, но это было не легче, чем запомнить всех членов клана Келлуэев.

– Суть в том, – продолжала Лилия, – что семейства обладают умениями, каких нет у представителей рода человеческого. Эти силы вы считаете чудесными. А для нас они не более удивительны, чем то, что трава растет. Это лишь способы существования и познания.

– Магические чары? – уточнил Кэл. – Вы так это называете?

– Именно, – подтвердила Лилия. – И мы владеем ими изначально. Мы не задумывались о них. По крайней мере, пока не попали в Королевство. Тогда мы поняли, что ваши люди любят придумывать законы. Любят все определять и устанавливать порядки, что хорошо, а что плохо. А мир, поскольку он вас любит и не хочет разочаровать или обескуражить, потакает вам. Подстраивается, как будто ваши доктрины являются неким абсолютом.

– Это спорная метафизика, – пробормотал Фредди.

– Законы Королевства суть законы чокнутых, – говорила Лилия. – Так сказано в одном из постулатов Капры.

– Капра ошибался, – тотчас ответил Фредди.

– Очень редко, – возразила Лилия. – И не в этот раз. Мир ведет себя так, как предпочитают думать о нем чокнутые. Без снисхождения. Это считается доказанным. До тех пор, пока у кого-то не появится идея получше...

– Погоди минутку, – попросила Сюзанна. – Так вы хотите сказать, что земля каким-то образом прислушивается к нам?

– Таково мнение Капры.

– А кто этот Капра?

– Великий мудрец...

– Или мудрая женщина, – уточнила Апполин.

– Которая жила когда-то, а может быть, и нет, – подхватил Фредди.

– Но даже если Капры никогда не было, – сказала Апполин, – все равно есть что сказать за нее.

– Этот ответ ничего не значит, – заметила Сюзанна.

– Вот вам и Капра, – произнес Каммелл.

– Продолжай, Лилия, – попросил Кэл. – Расскажи историю до конца.

И Лилия заговорила снова.

– Итак, есть вы, человечество, со всеми вашими законами, ограничениями и со всей вашей безграничной завистью. А есть мы, семейства ясновидцев. Мы отличаемся от вас, как день от ночи.

– Ну, не так сильно, – заметил Джерико. – Мы же когда-то жили среди них, вспомни-ка.

– И с нами обращались как с грязью, – ответила Лилия запальчиво.

– Верно, – согласился Джерико.

– Наши способности, – продолжала Лилия, – вы, чокнутые, именуете магией. Некоторые из вас и сами хотели бы обладать ими. Некоторые боялись их. И лишь немногие любили нас за наши таланты. Города тогда были маленькими, как вы, наверное, знаете. В них было трудно спрятаться. Поэтому мы уходили. Уходили в леса и холмы, где, как нам казалось, мы будем в безопасности.

– Но среди нас, между прочим, были и те, кто никогда не являлся с чокнутыми, – напомнил Фредди. – Особенно среди Айя. Поскольку нам нечего им продать, нет смысла мучиться среди чокнутых. Лучше жить на воле среди зеленых лугов.

– Это просто лицемерие, – сказал Джерико. – Вы любите города точно так же, как и все мы.

– Верно, – признал Фредди. – Мне нравится жить среди каменных построек, но я завидую пастуху...

– Его одиночеству или его близости к овцам?

– Его незатейливым радостям, кретин! – отрезал Фредди. Затем добавил, обращаясь к Сюзанне: – Сударыня, вы должны понять, что я не имею ничего общего с этими людьми. Честное слово, не имею! Он, – Фредди ткнул пальцем в сторону Джерико, – убежденный вор. Она, – палец устремился на Апполин, – держала бордель. А эти, – он указал на Лилию, – и она, и ее братец причинили немало горя...

– Ребенок? – изумилась Лилия, взглянув на младенца. – Как ты можешь обвинять невинного...

– Хватит вешать нам лапшу на уши! – возмутился Фредди. – Пусть твой братец и выглядит как грудной младенец, но мы-то всё знаем. Вы оба притворщики. Иначе с чего бы вы оказались в Кайме?

– Я могу задать тебе тот же вопрос, – огрызнулась Лилия.

– Я стал жертвой заговора! – запротестовал Фредди. – Мои руки абсолютно чисты.

– Никогда не доверяла людям с чистыми руками, – пробормотала Апполин.

– Шлюха! – выпалил Фредди.

– Скотина! – ответила она, и перепалка зашла в тупик.

Кэл и Сюзанна недоверчиво переглянулись. Совершенно очевидно, что эти люди не испытывают друг к другу никакой любви.

– Так вот... – произнесла Сюзанна. – Вы рассказывали нам о том, как прятались среди холмов.

– Мы не прятались, – покачал головой Джерико. – Мы жили невидимо.

– А разве есть какая-то разница? – спросил Кэл.

– О, несомненно. Некоторые места, священные для нас, большинство чокнутых не увидит, даже вплотную приблизившись к ним...

– И к тому же мы зачаровывали людей, – добавила Лилия, – если кто-то из них оказывался слишком близко.

– Что происходило время от времени, – подхватил Джерико. – Некоторые проявляли любопытство. Болтались по лесам, выискивая наши следы.

– Так, значит, они знали, кто вы? – спросила Сюзанна.

– Нет, – ответила Апполин. Она сбросила со стула кучу одежды и оседлала его. – Нет, все, что они знали, это сплошные слухи и глупые домыслы. Как нас только не называли! Тенями и сказочными существами. Всякую ерунду выдумывали. Лишь немногие на самом деле видели нас близко. Но только потому, что мы позволили им.

– Кроме того, нас было не так уж много, – вставила Лилия. – Мы никогда не отличались плодовитостью. Никогда не испытывали особой тяги к совокуплению.

– Говори за себя, – бросила Апполин и подмигнула Кэлу.

– В общем, нас редко замечали, и, как сказала Апполин, если мы шли на контакт, то только по своим причинам. Например, если кто-то из вашего рода обладал умениями, из которых мы могли извлечь пользу. Коннозаводчики, виноторговцы... Тем не менее столетия шли, и вы делали все более опасными.

– Верно, – подтвердил Джерико.

– Все связи, какие были между нами, обратились в ничто. Мы предоставили вам вести жизнь, исполненную кровопролития и зависти...

– Почему вы постоянно говорите о зависти? – спросил Кэл.

– Так ведь именно из-за нее о вас идет дурная слава, – сказал Фредди. – Вы вечно стремитесь заполучить то, что вам не принадлежит.

– Ну а вы-то, конечно, совершенные существа? – спросил Кэл. Его уже достали бесконечные упреки в адрес чокнутых.

– Если бы мы были совершенны, – сказал Джерико, – мы были бы невидимы.

Его ответ ужасно расстроил Кэла.

– Нет, мы не совершенны. Мы из плоти и крови, как и вы, – продолжал Джерико. – Но нас это не печалит. А вот вы... вы, видимо, ощущаете трагичность своего положения. Или же вам кажется, что вы живете неполной жизнью.

– Почему же моей бабушке доверили заботу о ковре? – спросила Сюзанна. – Она ведь из чокнутых.

– Не употребляй это слово, – попросил Кэл. – Она была человеком.

– Она была полукровкой, – поправила его Апполин. – Ясновидцем по матери и чокнутой по отцу. Я встречалась с ней пару раз. У нас с ней, видишь ли, было кое-что общее. Смешанные браки. Ее первый муж был ясновидцем, а мой – из племени чокнутых.

– Но она стала одним из хранителей. Единственная женщина и, если я правильно помню, единственная, в ком текла человеческая кровь.

– Нам был нужен хотя бы один хранитель, знающий Королевство и не привлекающий к себе внимания. Мы надеялись, что так нас перестанут замечать, а потом забудут.

– И все это только ради того, чтобы скрыться от человечества? – спросила Сюзанна.

– О нет, – ответил Фредди. – Мы могли бы жить, как жили, на окраинах Королевства... но обстоятельства изменились.

– Я и не помню, в каком году это началось... – произнесла Апполин.

– В тысяча восемьсот девяносто шестом, – подсказала Лилия. – Это был тысяча восемьсот девяносто шестой, год начала бедствий.

– А что случилось? – спросил Кэл.

– До сих пор никто не понимает. Нечто возникло вдруг из ниоткуда. Существо, обуреваемое одним-единственным желанием: сжить нас со света.

– И что это за существо?

Лилия пожала плечами:

– Ни один из тех, кто столкнулся с ним лицом к лицу, не уцелел.

– Это человек? – спросил Кэл.

– Нет. Люди слепы, а оно нет. Оно умело вынюхивать нас. Даже самые изощренные чары не могли обмануть его. А когда Бич проходил мимо, то, на что он бросал взгляд, просто переставало существовать.

– Мы оказались в ловушке, – произнес Джерико. – С одной стороны – человечество, с каждым днем захватывающее новые земли, а с другой – Бич. Так мы назвали это существо, стремившееся уничтожить наш народ. Мы понимали, что рано или поздно Бич истребит нас.

– Что весьма печально, – сухо вставил Фредди.

– Но в жизни были не только мрак и жуть, – заметила Апполин. – Как ни странно, я отлично провела те последние годы. Отчаяние, знаете ли, прекрасный афродизиак, – она усмех-

нулась. – Нам удалось отыскать такие места, где Бич не мог нас почуять, и мы на время укрылись в безопасности.

– Не помню, чтобы я чувствовала себя счастливой, – сказала Лилия. – Я помню только кошмары.

– А как же тот холм? – спросила Апполин. – Как он назывался? Холм, где мы провели последнее лето. Я помню, словно это было вчера.

– Лучезарный холм.

– Верно. Лучезарный холм. Я была счастлива там.

– Но сколько бы это продлилось? – проговорил Джерико. – Рано или поздно Бич нашел бы нас.

– Может быть, – сказала Апполин.

– У нас не было выбора, – продолжала Лилия. – Нам требовалось укромное место. Там, где Бич никогда не станет нас искать. Где мы будем спать, пока о нас не забудут.

– Ковер, – произнес Кэл.

– Именно, – подтвердила Лилия. – Именно такое убежище избрал совет.

– После бесконечных споров, – заметил Фредди. – Пока они шли, погибли сотни. В тот год, когда заработал Станок, каждая неделя приносила новые жертвы. Ужасные истории. Кошмарные.

– Мы, разумеется, были уязвимы, – продолжала Лилия. – Отовсюду приходили новые беженцы... приносили с собой клочки своих земель... вещи, спасенные от истребления... Все сосредоточилось здесь, в этой стране, в надежде пристроить в ковер свою собственность.

– Какую еще собственность?

– Дома. Участки земли. Обычно они имели дело с добрым Бабу, умевшим превращать поля, дома и что угодно в подобие списка. В таком виде их можно было переносить...

– Нет, я не понимаю, – возразил Кэл. – Объясни.

– Речь идет о вашем семействе, – обратилась Лилия к Джерико. – Тебе и объяснять.

– Мы, Бабу, умеем создавать иероглифы, – начал Джерико, – и держать их в голове. Есть великие мастера, вроде моего учителя Куэкетта. Он мог составить список небольшого города, а потом выговорить его обратно до последней черепицы, – Джерико рассказывал, и его удлинненное лицо светилось счастьем. Но затем воспоминания потушили радостный огонек. – Учитель находился в Нидерландах, когда его отыскал Бич. Он исчез, – Джерико щелкнул пальцами. – Раз – и нету.

– Но почему вы все собрались именно в Англии? – хотела знать Сюзанна.

– Она была самой безопасной страной в мире. Здешние чокнутые, как водится, были озабочены только своей империей. Мы могли затеряться в толпе, пока Фуга превращалась в ковер.

– Что такое Фуга? – спросил Кэл.

– Это все, что нам удалось спасти от уничтожения. Осколки Королевства, которое чокнутые никогда не видели, а значит, не стали бы беспокоиться о его исчезновении. Лесок, пара озер, излучина реки, дельта еще одной. Наши дома, несколько городских площадей, пара улиц. Мы объединили их в некое подобие города.

– Идеал, вот как его называют, – сообщила Апполин. – Дурацкое, бессмысленное имя.

– Сначала мы пытались сохранять определенный порядок, – сказал Фредди. – Но вскоре все пошло кувырком из-за беженцев, желавших попасть в ковер. Их прибывало с каждым днем все больше. Люди ночами простаивали под Домом Капры, чтобы получить хотя бы маленькую нишу, где можно спрятаться от Бича.

– Вот почему ушло так много времени, – пояснила Лилия.

– Но никто не был отвергнут, – заметил Джерико. – Так решили с самого начала. Каждый, кто хотел получить место в Сотканном мире, получил его.

– Даже мы, – вставила Апполин, – хотя мы никогда не были непорочно чисты. Нам все равно дали место.

– Но почему именно ковер? – не понимала Сюзанна.

– А что проще всего не заметить? – спросила Лилия в ответ. – Вещь, на которой стоишь. Кроме того, мы владеем этим ремеслом.

– У каждого есть свой узор, – вмешался Фредди. – Если сумеешь его отыскать, можно заключить великое в малое.

– Разумеется, укрыться в ковре захотели не все, – сказала Лилия. – Некоторые предпочли остаться среди чокнутых и попытать счастья самостоятельно. Но большинство согласилось.

– И на что это похоже?

– На сон. Сон без сновидений. Мы не старели. Не чувствовали голода. Мы просто ждали момента, когда хранители решат, что вокруг достаточно безопасно, и разбудят нас.

– А птицы? – спросил Кэл.

– О, в ковер вплетено великое множество флоры и фауны...

– Я не о Фуге. Я про своих голубей.

– А при чем тут твои голуби? – удивилась Апполин.

Кэл коротко описал, каким образом он обнаружил ковер.

– А, это сказалось влияние Вихря, – пояснил Джерико.

– Вихря?

– Когда ты увидел Фугу, – сказала Апполин, – помнишь облака в середине? Так это Вихрь. Именно там находится Станок.

– Но как ковер может содержать в себе Станок, соткавший его? – недоумевала Сюзанна.

– Станок – это не механизм, – ответил Джерико. – Это состояние созидания. Оно превращает частицы Фуги в наваждение, напоминающее обыкновенный ковер. В основном тут срабатывает ваша человеческая самонадеянность, но чем ближе вы подходите к Фуге, тем больше странностей происходит. Там есть места, где мелькают призраки прошлого и будущего...

– Не надо об этом говорить, – перебила Лилия. – Это к несчастью.

– Какие еще несчастья могут с нами произойти? – возразил Фредди. – Нас осталось так мало...

– Мы разбудим семейства, как только отыщем ковер, – провозгласил Джерико. – Наверное, Вихрь слабеет, иначе как этот человек сумел увидеть Фугу? Сотканный мир не может существовать вечно...

– Он прав, – согласилась Апполин. – Мы просто обязаны что-то предпринять.

– Но сейчас небезопасно, – предупредила Сюзанна.

– Небезопасно для чего?

– Я имею в виду, небезопасно здесь, в мире. В Англии.

– Бич, должно быть, уже забыл о нас, – сказал Фредди, – прошло уже столько лет.

– Тогда почему Мими вас не разбудила?

У Фредди вытянулась физиономия.

– Может, она забыла о нас.

– Забыла? – переспросил Кэл. – Невозможно!

– Легко тебе говорить, – отозвалась Апполин. – Нужно быть очень сильным, чтобы противостоять Королевству. Стоит забраться в него поглубже, и ты уже собственное имя забыл!

– Не верю, что она могла забыть, – сказал Кэл.

– Наша первоочередная задача, – постановил Джерико, не обращая внимания на его протесты, – отыскать ковер. После чего мы выберемся из города и отыщем место, куда Иммаколата не догадается заглянуть.

– А что будет с нами? – спросил Кэл.

– А что с вами?

– Нам дадут посмотреть?
– На что посмотреть?
– На Фугу, черт побери! – воскликнул Кэл, выведенный из себя этими людьми – у них не было ни тени вежливости или признательности.
– Вас это уже не касается, – заявил Фредди.
– Еще как касается! – возмутился Кэл. – Я видел. Едва не погиб из-за этого!
– Лучше держись подальше, – посоветовал Джерико. – Если так печешься о своем здоровье.
– Я не это хотел сказать.
– Кэл... – Сюзанна положила руку ему на плечо.
Она старалась его успокоить, но Кэл распалился еще сильнее:
– Не надо их защищать!
– Дело не в том, кто кого защищает... – начала Сюзанна, но он не утихомирился.
– Тебе-то хорошо! – обиженно говорил Кэл. – У тебя есть родственные связи...
– Ты несправедлив.
– ...и этот менструум...
– Что?! – вскричала Апполин, заглушая Кэла. – У тебя?
– Похоже, да, – сказала Сюзанна.
– И он не спалил тебя живьем?
– С чего бы?
– Только не при нем, – произнесла Лилия, взглянув на Кэла.
Это стало последней каплей.
– Ладно, – сказал он. – Не хотите говорить при мне, прекрасно. Катитесь ко всем чертям.
Он пошел к двери, не обращая внимания на попытки Сюзанны остановить его. У него за спиной захихикал Нимрод.
– И ты тоже заткнись на хрен, – бросил он младенцу и вышел из комнаты, оставив ее во власти незваных гостей.

IV Ночные страхи

1

Шедуэлл очнулся от сна об империи: привычная фантазия, в которой он был владельцем такого огромного магазина, что зал его казался бесконечным. И торговля приносила такую прибыль, что бухгалтеры рыдали от счастья. Груды товаров всех видов громоздились со всех сторон – вазы эпохи Мин, игрушечные обезьянки, говяжьи туши, – а люди осаждали двери, отчаянно желая присоединиться к толпе покупателей.

Но сон, как ни странно, был не о прибыли. Деньги утратили свою ценность с тех пор, как Шедуэлл встретил Иммаколату, способную извлечь из воздуха все, в чем они нуждались. Нет, это был сон о власти: будучи повелителем товаров, из-за которых люди бились насмерть, Торговец стоял в стороне от толпы и улыбался обворожительной улыбкой.

Но вдруг он проснулся, шум толпы затих, и он услышал чье-то дыхание во тьме комнаты. Шедуэлл сел на постели. Пот только что пережитого восторженного волнения охлаждал лоб.

– Иммаколата?

Это была она. Иммаколата стояла у дальней стены, шаря руками по штукатурке в поисках опоры. Глаза ее были широко раскрыты, но она ничего не видела. Во всяком случае, ничего,

что мог бы заметить Шедуэлл. Он уже наблюдал ее в таком состоянии, в последний раз это случилось дня два-три назад, в фойе того самого отеля.

Шедуэлл выбрался из постели и накинул халат. Иммаколата ощутила его присутствие и пробормотала его имя.

– Я здесь, – ответил он.

– Опять, – сказала она. – Я снова чувствую его.

– Бич? – уточнил он угрюмо.

– Именно. Мы должны продать ковер и покончить с этим делом раз и навсегда.

– Продадим, продадим, – заверил он, медленно приближаясь к ней. – Приготовления идут полным ходом, ты же знаешь.

Он говорил размеренно, успокаивающе. Иммаколата была опасна и в обычном состоянии, но в таком виде Шедуэлл ее особенно боялся.

– Приглашения разосланы, – произнес он. – Покупатели едут. Они только и ждали вестей от нас. Скоро они прибудут, мы заключим сделку, и все останется позади.

– Я видела место, где он обитает, – продолжала она. – Там были стены, громадные стены. И песок, внутри и снаружи. Похоже на край света.

Теперь взгляд Иммаколаты устремился на него, и видение, захватившее ее, постепенно таяло.

– Когда, Шедуэлл? – спросила она.

– Что «когда»?

– Аукцион.

– Послезавтра. Как мы и договаривались.

Она кивнула.

– Странно, – произнесла она, голос ее внезапно сделался совершенно будничным. Скорость, с какой менялись ее настроения, всегда обескураживала его. – Странно, что эти кошмары не проходят.

– Все из-за того, что ты увидела ковер, – сказал Шедуэлл. – Он пробудил воспоминания.

– Нет, дело не только в этом, – возразила она.

Иммаколата подошла к двери в другую комнату апартаментов Шедуэлла и открыла ее. Мебель в той комнате за дверью была сдвинута к стенам, чтобы на полу уместилась их добыча, Сотканный мир. Иммаколата застыла на пороге, разглядывая ковер.

Из какого-то суеверия она не решилась ступить на него босыми ногами и обошла по периметру, пристально вглядываясь в каждый дюйм.

У середины противоположной стороны она остановилась.

– Смотри, – сказала она, указывая на Сотканный мир.

Шедуэлл подошел к ней:

– Что там такое?

– Не хватает клочка.

Он проследил за ее взглядом. Иммаколата была права: небольшой кусочек ковра был оторван, скорее всего во время стычки на складе.

– Ничего страшного, – заметил он. – наших покупателей это не смутит, поверь мне.

– Меня волнует не цена, – отозвалась она.

– Тогда что же?

– Раскрой глаза, Шедуэлл! Каждый из узоров – это один из ясновидцев.

Шедуэлл опустил на корточки и изучил орнамент на кайме. В узоре трудно было увидеть лица. Скорее пятна краски.

– И это люди? – удивился он.

– Ну да. Самые отбросы. Низшие из низших. Вот почему они помещены на край. Здесь опаснее всего. Но они все равно полезны.

– Чем же?

– Они – первая линия обороны, – ответила Иммаколата, не сводя глаз с дырки в ковре. – Они первыми попадают под удар и первыми...

– Просыпаются, – завершил Шедуэлл.

– Да, просыпаются.

– Так ты думаешь, они уже где-то здесь? – спросил он и перевел взгляд на окно.

Занавески были задернуты, чтобы никто не увидел их сокровище, но Шедуэлл прекрасно представлял ночной город за стеклом. Мысль о том, что где-то там находится высвобожденная магия, неожиданно встревожила его.

– Именно так, – кивнула Иммаколата. – Я думаю, они проснулись. И Бич чует их во сне. Он знает, Шедуэлл.

– Так что же нам делать?

– Мы отыщем их раньше, чем они привлекут к себе внимание. Бич, наверное, уже совсем дряхлый. Может быть, он стал слабым и забывчивым. Однако его сила...

Голос Иммаколаты затих, как будто слова не имели смысла перед лицом подобного ужаса. Она тяжело вздохнула, прежде чем начать снова.

– Каждый день, – сказала она, – с помощью менструума я ищу признаки его приближения. А он придет, Шедуэлл. Наверное, не сегодня ночью. Но придет. И тот день, когда он придет, станет последним днем магии.

– Даже твоей?

– Даже моей.

– Значит, мы должны отыскать их, – решил Шедуэлл.

– Не мы, – возразила Иммаколата. – Нечего нам марать руки, – она пошла обратно в спальню Шедуэлла. – Они не могли уйти далеко, – говорила она на ходу. – Они чужаки в этом мире.

У двери Иммаколата остановилась и повернулась к нему.

– Ни в коем случае не выходи из этой комнаты, пока мы тебя не позовем, – приказала она. – Я собираюсь кое-кого пригласить в качестве наемного убийцы.

– Кого? – спросил Шедуэлл.

– Ты его не знаешь, – ответила Иммаколата. – Он умер за сотню лет до твоего рождения. Впрочем, у тебя с ним очень много общего.

– И где он находится сейчас?

– В усыпальнице, где и закончилась его жизнь. Он, видишь ли, пытался доказать, что он мне ровня, и соблазнить меня. Поэтому и захотел сделаться некромантом. Может, у него и получилось бы. Он был готов пойти на все. Но дело не заладилось. Он вызвал из какого-то низшего мира Хирургов, а им это совсем не понравилось. Они гоняли его по всему Лондону, и в конце концов он ворвался в усыпальницу. Умолял меня отправить их обратно, – Иммаколата понизила голос до шепота. – Но разве я могла? Он сам сотворил заклинание. Я могла лишь позволить Хирургам сделать то, что они должны делать. И в конце, когда он превратился в кровавое месиво, он попросил меня: «Забери мою душу».

Она замолчала. Затем продолжила:

– Я так и сделала.

Она посмотрела на Шедуэлла.

– Сиди здесь, – сказала она и закрыла дверь.

Шедуэлл и сам предпочитал держаться подальше от сестер, когда они что-то затевали, а еще лучше – вообще никогда не видеть ни Магдалены, ни Старой Карги. Однако призраки были неотделимы от своей живой сестры, и каждая из них непостижимым образом являлась частью другой. Этот гнусный союз являл собой лишь одну из их тайн помимо множества других.

Усыпальница, например. Там собирались приверженцы ее культа в те времена, когда Иммаколата была в полном расцвете сил и амбиций. Но она утратила прежнюю власть. Ее желание править Фугой, к тому времени обратившейся в горстку разрозненных селений, не осуществилось. Враги Иммаколаты разоблачали ее, они составили список ее преступлений, начиная с совершенных в материнской утробе. Она вместе со своими приверженцами отвечала ударом на удар. Произошло кровопролитие, хотя Шедуэлл так и не выяснил его подробностей. Но о последствиях он знал: оклеветанной и униженной Иммаколате было запрещено впредь переступать границы магической Фуги.

Она плохо переносила изгнание. Не в силах обуздать свою природу и таким образом затеряться среди чокнутых, она превратила свою жизнь в череду кровавых вылазок, преследований и новых вылазок. Ее до сих пор помнили, ей поклонялись посвященные, придумавшие для нее дюжину имен: черная мадонна, мать скорбей, матер малифекориум; но она стала жертвой собственной странной непорочности. Безумие привлекало ее как единственное убежище от банальности Королевства, куда она изгнана.

Вот такой была Иммаколата, когда ее встретил Шедуэлл. Безумная, она толковала о каких-то неслыханных вещах. И если бы только он сумел заполучить эти вещи, они сделали бы его могущественным.

И вот теперь они были перед ним, все эти чудеса. Заключенные в прямоугольник ковра.

Шедуэлл вышел на середину, глядя вниз, на спираль стилизованных облаков и молний, именуемых Вихрем. Сколько бессонных ночей он провел, размышляя над этим сгустком энергий? Каково это – быть богом? А может быть, дьяволом?

Его вывел из задумчивости вой, донесшийся из соседней комнаты, и лампа у него над головой внезапно потускнела, как будто весь свет засосало под соседнюю дверь. Предвестие непроглядной тьмы, приближавшейся издалека.

Он отошел подальше от двери и сел.

«Долго ли еще до рассвета?» – подумал он.

2

Еще не рассвело, когда – казалось, много часов спустя – дверь отворилась.

За ней была только тьма. Оттуда раздался голос Иммаколаты:

– Зайди посмотри.

Шедуэлл поднялся и подтащился к двери на онемевших ногах.

Волна жара встретила его на пороге. Ощущение было такое, будто он вошел в печь, где пеклись плюшки из человеческой грязи и крови.

Он смутно видел Иммаколату, стоявшую – или парившую? – недалеко от него. Воздух душил, ужасно хотелось уйти. Но она поманила его.

– Смотри, – приказала она, уставившись в темноту. – Пришел наш наемник. Вот он. Доходяга.

Сначала Шедуэлл ничего не увидел. Затем сгусток текучей энергии взлетел по стене и, наткнувшись на потолок, скатился вниз полосой гнилостного света.

Теперь он увидел того, кого она назвала Доходягой.

Неужели это существо прежде было человеком? Шедуэлл верил с трудом. Хирурги, о которых говорила Иммаколата, подробно исследовали его анатомию. Он висел в воздухе, как раскroенное пальто, его тело немыслимым образом вытянулось в длину. Затем, словно подхваченное ветром снизу, это тело задергалось и пришло в движение. Его верхние конечности – клочья человеческой плоти, неуклюже скрепленные ниточками подвижных хрящей, – поднялись, подобно рукам распятого. От этого жеста покров, прятавший его голову, упал. Шедуэлл не сдержал крика, когда понял, что именно Хирурги сотворили с Доходягой.

Они изрезали его, как филе. Вынули из тела все кости и сделали из него существо, более подходящее для океанской волны, чем для атмосферы: истерзанный остаток человека, вырванный из лимба и оживленный заклятиями трех сестер. Доходяга покачивался и дрожал, лишенная черепа голова принимала дюжины разных очертаний, пока Шедуэлл смотрел на него. В один миг всю голову занимали выпученные глаза, а в следующий – огромная, воющая от недовольства пасть.

– Тсс... – сказала ему Иммаколата.

Доходяга передернулся и вытянул руки, будто хотел прикончить женщину, сотворившую с ним такое. Но он все-таки замолчал.

– Донвилль, – произнесла Иммаколата. – Ты когда-то признавался мне в любви.

Он запрокинул голову назад, словно в отчаянии от того, куда привело его желание.

– Ты боишься, мой Доходяга?

Донвилль смотрел на нее, и глаза его походили на кровавые мозоли, готовые лопнуть.

– Мы дали тебе немного жизни, – продолжала Иммаколата, – и достаточно силы, чтобы вывернуть улицы этого города наизнанку. Я хочу, чтобы ты применил свою силу.

Глядя на жуткое существо, Шедуэлл разнервничался.

– А он себя контролирует? – шепотом спросил он. – Вдруг он впадет в неистовство?

– Ну и пускай, – ответила Иммаколата. – Ненавижу этот город. Пусть спалит его дотла. Если он убьет ясновидцев, мне плевать, что он сделает еще. Ему нельзя останавливаться, пока он не исполнит мой приказ. Смерть – лучшее, что ему когда-либо обещали.

Кровавые мозоли глаз Донвилля по-прежнему были устремлены на Иммаколату, и этот взгляд подтверждал ее слова.

– Отлично, – произнес Шедуэлл и развернулся, направляясь обратно в свою комнату.

Он увидел столько магии, сколько может воспринять человек.

Сестры имели к ней вкус. Им нравилось полностью погружаться в такие ритуалы. Что касается Шедуэлла, он был доволен тем, что родился человеком.

Ну, почти доволен.

V

Устами младенца

1

Заря осторожно спускалась на Ливерпуль, словно опасалась того, что может там увидеть. Кэл наблюдал, как свет снимает покров с города, и все вокруг, от дренажных канав до печных труб, казалось ему серым.

Он прожил здесь всю жизнь, это был его мир. В телевизоре и в глянцевах журналах он видел иные просторы, но почему-то до конца не верил в их реальность. Они оставались далеки от его нынешнего жизненного опыта и даже от того, что он надеялся постичь годам к семидесяти, – как звезды, мерцавшие у него над головой.

А Фуга была иной. На короткий сладостный миг Кэлу почудилось, что это тот самый мир, к которому он по-настоящему принадлежит. Но он смотрел на дело слишком оптимистично. Земля Фуги, может, и принимала его, а вот народ – нет. По их мнению, Кэл был презренным человеческим существом.

Он около часа бродил по улицам, наблюдая, как начинается еще одно ливерпульское утро понедельника.

Неужели они такие плохие, эти самые чокнутые, к племени которых он принадлежал? Люди улыбались, здоровались со своими котами, возвращавшимися после ночных прогулок,

обнимали своих детей, расставаясь с ними до вечера. Они завтракали, а их радио пело песни о любви. Кэл смотрел на них и преисполнялся решимости. Пропавши все пропадом, но он вернется и скажет ясновидцам, что они просто ханжи.

Подходя к дому, он заметил, что входная дверь широко распахнута, а молодая соседка – он знал ее в лицо, но не по имени – стоит на дорожке и вглядывается внутрь. Только когда до дома осталась пара шагов, Кэл заметил Нимрода. Тот стоял на коврике перед дверью в солнечных очках (он стянул их со столика возле кровати Кэла) и в тоге, сотворенной из хозяйских рубашек.

– Это ваш ребенок? – спросила соседка, когда Кэл открыл калитку.

– До некоторой степени.

– Он барабанил в окно, когда я проходила мимо. Неужели за ним некому присмотреть?

– Теперь уже есть, – заверил Кэл.

Он посмотрел на ребенка, вспомнив слова Фредди: «Он только выглядит как младенец». Сдвинув солнечные очки на лоб, Нимрод одарил соседку взглядом, вполне подтвердившим правоту Каммелла. Однако у Кэла не было иного выбора, кроме как изобразить папашу. Он поднял Нимрода на руки.

– Что ты вытворяешь? – шепотом спросил он младенца.

– Ск’ты! – ответил Нимрод. Ему с трудом удавался младенческий лепет. – Бьюих!

– Кого?

Но не успел Нимрод ответить, как женщина, которая уже прошла по дорожке и остановилась в шаге от двери, заворковала:

– Он просто прелесть!

Кэл хотел извиниться и закрыть дверь, но Нимрод потянулся к ней руками, издавая хорошо отрететированное гуканье.

– О... – выдохнула женщина. – Деточка!

И выхватила Нимрода из рук Кэла, прежде чем он успел ее остановить.

Кэл заметил, как заблестели глаза Нимрода, когда он прижался к пышной груди женщины.

– А где его мать? – спросила соседка.

– Она вот-вот вернется, – ответил Кэл, пытаясь оторвать Нимрода от его сокровища.

Тот отрываться не желал. Он сиял от счастья в объятиях женщины, его пухлые пальчики шарили по ее груди. Как только Кэл дотронулся до него, он принялся хныкать.

Соседка успокаивала его, прижимая все сильнее, и Нимрод принялся играть с ее сосками, проступавшими под тонкой тканью блузки.

– Прошу извинить нас, – произнес Кэл, разжимая кулачки Нимрода и забирая ребенка от ее груди, пока тот не начал ее сосать.

– Не стоит оставлять его одного, – женщина рассеянно дотронулась до своей груди там, где ее ласкал Нимрод.

Кэл поблагодарил ее за участие.

– Пока-пока, крошка! – попрощалась она с дитятей.

Нимрод послал ей воздушный поцелуй, и краска смущения залила лицо соседки. Она пошла обратно к калитке, и улыбка, предназначавшаяся ребенку, сошла с ее губ.

2

– Ну что за идиотизм!

Нимрод ничуть не раскаивался. Он стоял в коридоре, где его опустили на пол, и с вызовом смотрел на Кэла.

– Где остальные? – спросил Кэл.

– Ушли, – ответил Нимрод. – И мы тоже пойдем.

Он уже говорил вполне уверенно. И ходил тоже. Младенец заковылял к парадной двери и потянулся к ручке.

– Мне тут до смерти надоело, – сообщил он. – Слишком много плохих новостей.

Однако его пальцы на пару дюймов не дотягивались до ручки, и после нескольких безуспешных попыток открыть дверь он заколотил по ней кулаками.

– Я хочу все посмотреть, – заявил он.

– Ладно, – согласился Кэл. – Только придержи язык.

– Вынеси меня на улицу!

Это был крик отчаяния. Нет ничего страшного в том, чтобы совершить с ребенком небольшой тур по окрестностям, решил Кэл. Идея вынести волшебное существо на улицу, на всеобщее обозрение, доставила ему некое извращенное удовольствие. Еще большее удовольствие он ощутил от сознания того, что потешавшийся над ним ребенок будет полностью зависеть от него.

Однако его злость на Нимрода быстро испарялась, поскольку речь младенца делалась все более витиеватой. Очень скоро они увлеклись беседой, не обращая внимания на взгляды, которыми их провожали.

– Они оставили меня одного! – возмущался Нимрод. – Сказали, чтобы я сам о себе позаботился, – он взмахнул крошечной ладошкой. – Каково? Я тебя спрашиваю: каково?

– Объясни для начала, почему ты так выглядишь? – произнес Кэл.

– В свое время эта мысль казалась весьма удачной, – ответил Нимрод. – За мной гнался разъяренный муж, поэтому я спрятался в самом неожиданном обличье, какое сумел придумать. Думал, несколько часов отсижусь, а потом стану самим собой. Глупо, конечно. Подобные заклятия очень сильны. Сотворение Сотканного мира близилось к завершению, и уже ничего нельзя было сделать. Мне пришлось отправиться в ковер в таком виде.

– И как ты вернешься в нормальное тело?

– Никак. Пока снова не окажусь в Фуге. Я бессилен здесь.

Он снял солнечные очки, чтобы проводить взглядом проходившую мимо красотку.

– Ты видел, какие у нее бедра? – спросил он.

– Прекрати пускать слюни.

– Младенцам полагается пускать слюни.

– Но не по такому поводу.

Нимрод пожевал губами.

– А тут у вас шумно, в этом мире, – заметил он. – И грязно.

– Грязнее, чем в девяносто шестом?

– Гораздо грязнее. Но мне здесь нравится. Ты должен рассказать о вашем мире.

– О господи, – вздохнул Кэл. – И с чего мне начать?

– С чего хочешь, – ответил Нимрод. – Вот увидишь, я очень быстро схватываю.

Это оказалось правдой. За полчаса прогулки по окрестным улицам Нимрод забросал Кэла самыми неожиданными вопросами – и о том, что он видел на улице, и отвлеченного характера. Сначала они поговорили о Ливерпуле, потом о городах вообще, потом о Нью-Йорке и Голливуде. С разговора об Америке перешли на обсуждение связей между Востоком и Западом, и Кэл перечислил все войны и кровавые события века, какие сумел припомнить. Они вскользь коснулись ирландской темы и курса английской внешней политики, затем поговорили о Мексике, которую оба страстно желали посетить, о Микки-Маусе, об основном принципе аэродинамики, а потом, через ядерные войны и непорочное зачатие, вернулись к излюбленной теме Нимрода: женщинам. Точнее, к тем двум, что привлекли внимание Нимрода.

В благодарность за краткий обзор жизни в конце двадцатого столетия Нимрод выдал Кэлу основную информацию по Фуге. Сначала он рассказал о Доме Капры, где собирается совет

семейств, затем об Ореоле – облаке, скрывающем Вихрь, и о Коридоре Света, ведущем внутрь него. После чего заговорил о Небесном Своде и Заупокойных Ступенях. От одних названий Кэл преисполнился тоски.

Оба собеседника узнали много нового и поняли, что со временем они вполне могли бы подружиться.

– Теперь помолчи, – велел Кэл, когда они завершили круг у калитки дома Муни. – Ты младенец, помнишь?

– Разве такое забудешь? – отозвался Нимрод со страдальческим видом.

Кэл вошел в дверь и позвал отца. Однако во всем доме, от чердака до подвала, было тихо.

– Его здесь нет, – сказал Нимрод. – Ради всего святого, опусти меня на пол.

Кэл поставил младенца на пол в прихожей. Тот немедленно затопал в сторону кухни.

– Мне нужно выпить, – заявил он. – И я говорю не о молоке.

Кэл захохотал.

– Поглядим, что там есть, – сказал он и пошел в дальнюю комнату.

Первая его мысль при виде отца, сидящего в кресле спиной к саду, была такой: Брендан умер. Внутри все перевернулось, Кэл едва не закричал. Потом веки Брендана затрепетали, и он поднял глаза на сына.

– Па? – позвал Кэл. – Что случилось?

Слезы катились по щекам Брендана. Он даже не пытался вытереть их, не пытался подавить душасшие его рыдания.

– Господи, папа... – Кэл бросился к отцу и присел на корточки рядом с креслом. – Все хорошо... – проговорил он, положив руку на предплечье Брендана. – Ты вспомнил маму?

Брендан отрицательно покачал головой. Слезы душили его. Он не мог говорить. Кэл не стал больше расспрашивать, а просто держал отца за руку. Он-то думал, что меланхолия Брендана начала проходить, что горе понемногу притупилось. Видимо, нет. Наконец отец заговорил:

– У меня... у меня было письмо.

– Письмо?

– От твоей матери, – Брендан смотрел на сына мокрыми глазами. – Я сошел с ума, Кэл? – спросил он.

– Нет, конечно, па. Конечно, нет.

– Так вот, клянусь... – он сунул руку между подушек кресла и вытащил мокрый носовой платок. Высморкался. – Оно лежало здесь, – сказал он, кивая на стол. – Посмотри сам.

Кэл подошел к столу.

– Оно было написано ее почерком, – продолжал Брендан.

На столе и в самом деле лежал листок бумаги. Его много раз разворачивали и снова складывали, а совсем недавно поливали слезами.

– Это было чудесное письмо, – говорил Брендан. – Она писала, что счастлива, что я не должен горевать. Она писала...

Он остановился, потому что снова задохнулся от рыданий. Кэл поднял лист бумаги. Он оказался тоньше любой бумаги, какую он когда-либо видел, и чистый с обеих сторон.

– Она писала, что ждет меня, но что я не должен торопиться, потому что ожидание для нее в радость, и... что я должен просто наслаждаться жизнью здесь, пока меня не призовут.

Бумага была не просто тонкая, понял теперь Кэл. Она становилась все менее материальной, пока он смотрел на нее. Кэл положил лист обратно на стол, волоски у него на шее встали дыбом.

– Я был так счастлив, – говорил Брендан. – Ведь я хотел знать только одно: что она счастлива и однажды я снова окажусь рядом с ней.

– На бумаге ничего не написано, папа, – мягко произнес Кэл. – Лист чистый.

– Но было, Кэл. Клянусь тебе. Было. Там был ее почерк. Я узнал бы его где угодно. А потом, господи боже мой, все просто исчезло.

Он отвернулся от стола и увидел, что отец перегнулся пополам в своем кресле и зарыдал, словно от неутешного горя. Кэл положил ладонь на руку отца, сжимавшую потертый подлокотник.

– Держись, папа, – пробормотал он.

– Это какой-то кошмар, Кэл, – сказал Брендан. – Мне кажется, я потерял ее дважды.

– Ты не потерял ее, папа.

– Но почему же ее слова вот так исчезли?

– Не знаю, па, – Кэл бросил взгляд на письмо. Листок бумаги тоже почти растворился. – А откуда ты взял это письмо?

Старик нахмурился.

– Ты не помнишь?

– Нет... нет, не совсем. Все как в тумане. Помню... кто-то заходил к нам. Точно. Так и было. Кто-то приходил. Он сказал, у него есть кое-что для меня... у него в пиджаке.

«Скажи мне, что ты видишь, и оно станет твоим». Слова Шедуэлла эхом отозвались в голове Кэла. «Бери, что хочешь. Бесплатно, даром, без обмана». Конечно, это была ложь. Одна из множества. Платить приходится всегда.

– Чего он хотел от тебя, папа, взамен? Можешь вспомнить?

Брендан покачал головой, затем нахмурился, пытаясь припомнить.

– Что-то... связанное с тобой. Он сказал... то есть мне кажется, что он говорил... что знает тебя, – отец поднял глаза на Кэла. – Да, так он сказал. Теперь я вспомнил. Он сказал, что знаком с тобой.

– Это была уловка, папа. Обман.

Брендан сощурился, пытаясь осмыслить слова Кэла. Затем, как будто его внезапно осенило, произнес:

– Я хочу умереть, Кэл.

– Нет, папа.

– Да, хочу. Правда, хочу. Я не хочу больше страдать.

– Тебе просто грустно, – негромко сказал Кэл. – Это пройдет.

– А я не хочу, чтобы проходило, – ответил Брендан. – Не сейчас. Я хочу заснуть и забыть, что когда-то жил.

Кэл потянулся к отцу и обнял за шею. Сначала Брендан сопротивлялся – он никогда не любил проявления чувств. Но затем рыдания снова начали душить его, и он обхватил сына худыми руками. Они крепко обнялись.

– Прости меня, Кэл, – пробормотал Брендан сквозь слезы. – Можешь ли ты меня простить?

– Тише, папа. Не говори ерунды.

– Я подвел тебя. Я никогда не говорил... никогда не говорил о том, что чувствую. И ей тоже. Никогда не говорил ей... как сильно... никогда не говорил ей, как сильно ее люблю.

– Она знала, папа, – заверил Кэл. Теперь слезы застилали глаза и ему. – Поверь мне, она знала.

Они еще некоторое время держали друг друга в объятиях. Утешения это не приносило, но Кэл ощущал в себе жар гнева и знал, что слезы скоро высохнут. Здесь побывал Торговец со своим пиджаком, полным обманов. В складках его пиджака Брендану привиделось письмо из рая, и иллюзия длилась ровно столько, сколько Шедуэлли требовалось. Теперь Брендан не нужен – ковер нашелся. Магия больше не действует. Слова испарились, а за ними и бумага, все вернулось в неведомые пространства между желаемым и осуществленным.

– Я приготовлю чай, па, – сказал Кэл.

Именно так в подобных обстоятельствах поступала мать. Кипятила свежую воду, согревала чайник и отмеривала ложечкой заварку. Защищалась от хаоса домашним порядком, надеясь получить небольшую передышку в этой юдоли слез.

VI

Под крепчающим ветром

1

Выйдя обратно в прихожую, Кэл вспомнил о Нимроде.

Задняя дверь была приоткрыта, и ребенок отправился исследовать заросший сад, где все кусты были выше его. Кэл подошел к двери, чтобы позвать его, но Нимрод был занят: мочился на выющую розу сорта «Суит Уильям». Кэл не стал ему мешать. В нынешнем положении самое лучшее, на что мог рассчитывать Нимрод, – как следует помочиться.

Когда Кэл ставил на огонь чайник, прогреготал борнмутский поезд (через Ранкорн, Оксфорд, Рединг и Саутгемптон). Секундой позже в дверях появился Нимрод.

– Господи, – сказал он, – как вы здесь спите?

– Дело привычки, – ответил Кэл. – И говори потише. Мой отец тебя услышит.

– Как там с выпивкой?

– Придется пока подождать.

– Я зареву, – пригрозил Нимрод.

– Давай, реви.

Поскольку блеф не подействовал, Нимрод пожал плечами и решил продолжить осмотр сада.

– А я могу полюбить этот мир, – объявил он, снова выйдя на солнечный свет.

Кэл взял из раковины грязную чашку и вымыл ее для отца. Затем пошел к холодильнику за молоком. Он не успел достать его, когда Нимрод издал какой-то писк. Кэл развернулся и подошел к окну. Нимрод смотрел в небо, и его лицо светилось восторгом. Он, вне всякого сомнения, увидел пролетающий самолет. Кэл вернулся на место. Взял молоко – единственный продукт, хранившийся в холодильнике, – и тут раздался стук в парадную дверь. Кэл поднял голову, и сразу несколько впечатлений поразили его.

Первое: откуда-то внезапно налетел ветер. Второе: Нимрод начал отступать под сень густого малинника, явно в поисках укрытия. И третье: на лице ребенка был вовсе не восторг, а ужас.

Затем стук превратился в грохот. В дверь колотили кулаками.

Когда Кэл пересекал прихожую, он услышал голос отца:

– Кэл, у нас в саду какой-то ребенок.

Из сада донесся крик.

– Кэл? Ребенок...

Брендан спустился в кухню, намереваясь выйти в сад.

– Подожди, папа! – крикнул Кэл и открыл входную дверь.

На крыльце стоял Фредди. Однако первой заговорила Лилия, выглянувшая у него из-за спины. Она спросила:

– Где мой брат?

– Он вышел...

«В сад», – хотел сказать Кэл, но то, что происходило на улице, заставило его умолкнуть.

Ветер оторвал от земли все, что не было закреплено – сор, крышки мусорных бачков, садовую мебель, – и кружил в поднебесной тарантелле. Он выдирает цветы из клумб и сдувал почву с грядок, затягивая солнце завесой земли.

Несколько прохожих, застигнутых ураганом, хватались за фонарные столбы и заборы. Кто-то лежал на земле, обхватив голову руками.

Лилия и Фредди ввалились в двери, а ветер последовал за ними, готовый к новому нападению. Он с ревом пронесся через весь дом и вырвался в сад, его внезапные порывы были так сильны, что Кэл с трудом устоял на ногах.

– Закрой дверь! – прокричал Фредди.

Кэл захлопнул дверь и запер ее. Засов загрохотал, когда ветер ударил в дверь снаружи.

– Боже, – произнес Кэл, – что происходит?

– Оно явилось за нами, – сказал Фредди.

– Что?

– Не знаю точно.

Лилия уже добежала до середины кухни. За открытой задней дверью было почти темно, как ночью, из-за поднятой в воздух почвы. Кэл увидел, что отец шагнул за порог, крича что-то завывавшему, как банши, ветру. На заднем плане заметный только благодаря своей тоге Нимрод цеплялся за куст, а ветер пытался оторвать его от земли.

Кэл помчался за Лилией и нагнал ее у двери. На крыше раздался грохот: ветром сорвало несколько черепиц.

Брендан уже стоял в саду, шатаясь под ударами ветра.

– Стой, папа! – прокричал Кэл.

Когда он бежал через кухню, на глаза ему попался чайник и чашка рядом с ним, и невероятная абсурдность всего происходящего поразила его, словно удар молнии.

«Я сплю, – подумал Кэл. – Я свалился со стены и с тех пор сплю. Мир совсем не такой. Мир – это заварочный чайник и чашка, а не заклятия и торнадо».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.